

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ВОЛЖСКИЙ ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ,
ПЕДАГОГИКИ И ПРАВА»

П.В. Анисимов, В.М. Лазарев

**МЕТОД
ПРАВООЩИТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Волгоград 2005

ББК 67.99(2Рос)03

А67

Рецензенты:

канд. юрид. наук, доц., зав. каф. правовых дисциплин
Волжского института экономики, педагогики и права

М.Т. Аширбекова;

д-р юрид. наук, проф., зав. каф. конституционного права
Поволжской академии государственной службы

Г.Н. Комкова

Анисимов, П. В. , Лазарев, В. М.

А67

Метод правозащитного регулирования [Текст] : [монография] / П. В. Анисимов, В. М. Лазарев ; МОУ «Волжский институт экономики, педагогики и права». – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – 202 с.

ISBN 5-9669-0010-8

В монографии рассматриваются теоретические проблемы предпосылок формирования, сущности и действия метода правозащитного регулирования общественных отношений. Научная и практическая актуальность исследуемых проблем напрямую связана с признанием и действием в России прав человека. Работа представляет собой одну из первых попыток общетеоретического обоснования метода правозащитного регулирования.

Предназначено для представителей законодательной власти федерального и регионального уровней, сотрудников правоохранительных органов, преподавателей, аспирантов, адъюнктов, студентов, курсантов и слушателей юридических учебных заведений, изучающих проблемы теории государства и права.

ББК 67.99(2Рос)03

ISBN 5-9669-0010-8

© П.В. Анисимов, В.М. Лазарев, 2005
© МОУ «Волжский институт экономики, педагогики и права», 2005
© Оформление. Издательство
Волгоградского государственного
университета, 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Формирование и утверждение прав человека как величайшей общечеловеческой ценности всегда связано с наличием реальной возможности у индивида осуществить их защиту. В тех же случаях, когда в силу каких-либо обстоятельств личность лишается такой возможности, исчезает и сам институт права человека. Так было в более полувековой истории советского общества и во многих иных странах с тоталитарным режимом. Именно поэтому права человека не мыслятся без надлежащим образом урегулированной и эффективно действующей их защиты. Более того, как пишет один из ведущих специалистов в области теории прав человека Е.А. Лукашева, «права человека не реализуются автоматически даже при благоприятных условиях. Поэтому необходимы усилия и даже борьба человека за свои права и свободы, которая должна органично включаться в систему мер, составляющую в единстве механизм защиты прав человека»¹. Отсюда и вытекает общепризнанный тезис о существенной важности и первоочередной практической необходимости научного исследования проблем регулирования тех общественных отношений, которые складываются в результате осуществления отдельным физическим лицом, общественными и государственными организациями, а также международным сообществом юридически значимых действий, которые они осуществляют в целях защиты прав и свобод человека.

Права человека и их защита — это обязательные спутники правового государства. Поэтому правовое государство не мыслит-

---

¹ Круглый стол: Конституция Российской Федерации и совершенствование юридических механизмов защиты прав человека // Государство и право. 1994. № 10. С. 6.

ся без полного признания прав человека и эффективно организованной их защиты. Признание прав человека Российской Федерацией в 1991 г. – это ее эпохальный, исторический выбор в пользу нерасторжимого единства прав человека, их защиты и правового государства. Идея единства этих трех величайших общечеловеческих ценностей нашла закрепление в п. 2 Документа Копенгагенского совещания, в котором записано: «Правовое государство означает не просто формальную законность, которая обеспечивает регулярность и последовательность в достижении и поддержании демократического порядка, но и справедливость, основанную на признании и полном принятии высшей ценности человеческой личности и гарантируемую учреждениями, образующими структуры, обеспечивающие ее наиболее полное выражение»². Для российской правовой системы это означает необходимость существенной переориентации всего законодательства, всей системы правового регулирования в целях обеспечения признания, уважения и защиты прав человека. Именно отсюда и вытекает потребность в формировании особой, свойственной букве и духу защиты прав человека, системы правозащитного регулирования.

Основным признаком действенности, фактической работоспособности системы правозащитного регулирования является метод, которым она осуществляет свое регулятивное воздействие на поведение всех участников, вовлеченных в процесс защиты прав человека. Поэтому постановка вопроса о защите прав человека как методе правового регулирования является обязательной научно-теоретической предпосылкой установления режима торжества прав человека. А это, в свою очередь, предполагает уяснение сущности, логики складывания и действия правового метода регулирования защиты прав человека.

Метод регулирования защиты прав человека является организующим началом и венцом всей системы правового регулирования осуществления прав человека. Юридическая наука стремится всесторонне исследовать проблемы правового регулирования защиты прав человека, поставить и обоснованно ответить на

---

² Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ // Международные акты о правах человека: Сб. док. М., 2000. С. 653.

такие вопросы, как: пригодны ли традиционные методы для полного воплощения в жизнь конституционного положения о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод гражданина — обязанность государства» (ст. 2 Конституции РФ); не привносят ли права человека, и в частности, право человека на правовую защиту, в национальную правовую систему адекватный самим себе метод реализации своего регулятивного воздействия на общественные отношения? От характера полученных ответов во многом зависит понимание правильности направлений преобразования правового образа жизни нашего общества на началах свободы, демократии, уважения и достоинства человека. Вот почему теоретические исследования защиты прав человека в плоскости правозащитного регулирования приобретают повышенную важность и актуальность. Особенно это относится к анализу проблемы метода правозащитного регулирования.

Проблема метода правозащитного регулирования не подвергалась специальному научному анализу. Вместе с тем ее различные аспекты затрагивались как в общетеоретических, так и в отраслевых исследованиях.

В общей теории прав человека, теории права и государства регулятивному действию института защиты прав человека посвящены работы таких ученых, как С.С. Алексеев, В.М. Баранов, А.Г. Бережнов, Н.С. Бондарь, А.Г. Братко, Н.В. Витрук, А.М. Витченко, Л.Д. Воеводин, В.М. Горшенев, В.Е. Гулиев, Ю.П. Еременко, В.А. Карташкин, В.А. Кучинский, В.В. Лазарев, Е.А. Лукашева, А.В. Малько, Г.В. Мальцев, Н.С. Малеин, Н.И. Матузова, А.С. Мордовец, В.С. Нерсесянц, В.С. Орзих, Т.Н. Радько, В.П. Сальников, И.Н. Сенякин, В.И. Синюков, В.Д. Сорокин, А.В. Стремouxов, В.А. Туманов, Т.Б. Шубина, Ф.Н. Фаткулин, В.М. Чхиквадзе, Л.С. Явич и мн. др.

В отраслевых юридических науках проблема правового регулирования защиты прав человека исследуется в трудах Л.Б. Алексеева, М.Т. Аширбековой, В.Г. Веляева, Л.И. Веляева, В.П. Божьева, В.Г. Глебова, В.П. Грибанова, А.Г. Диденко, Н.Д. Егорова, П.Ф. Елисейкина, А.А. Иванова, О.С. Иоффе, И.И. Карпеца, А.М. Ларина, П.А. Лупинской, О.О. Миронова, И.Л. Петрухина, Г.М. Петрова, А.И. Процевского, В.П. Ревина, Ф.М. Рудинского, В.М. Савицкого, М.М. Салтыгова, А.П. Сергеева, Г.Я. Сто-

якина, М.С. Строговича, Ю.К. Толстого, Б.Н. Топорнина, В.С. Шадрина, И.Е. Фарбера, П.М. Филиппова, Б.С. Эбзеева и многих других ученых.

Однако практика функционирования института защиты прав человека все настойчивее требует изучения этого явления как целенаправленного, должным образом организованного способа воздействия на общественные отношения. Исследование защиты прав человека в этом аспекте представляет собой комплекс вопросов, связанных с привнесением в юридическую материю сугубо человеческого потенциала, выражающего демократическую зрелость и гуманистическую направленность всего правового образа жизни современной России. В этой связи отсутствие соответствующих исследований становится фактическим препятствием на пути создания всех необходимых условий торжества прав человека в нашем обществе. Данное обстоятельство в сочетании с высокой актуальностью исследований в области правового регулирования защиты прав человека и обусловило выбор темы настоящего монографического исследования.

Р А З Д Е Л 1
ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
КАК ПРОБЛЕМА
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Г л а в а 1
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

---

§ 1. Правозащитное направление
в отечественных исследованиях прав человека

Воплощение в жизнь прав человека, их утверждение как величайшей общечеловеческой ценности всегда связано с качественным уровнем их научно-теоретического осмысления. В Российской Федерации конституционно признаны и взяты под защиту государством права и свободы человека. Это дало мощный импульс к разработке и формированию отечественной концепции прав и свобод человека. В течение сравнительно короткого времени проблематика, связанная с правами человека, превратилась из узкопрофильной в генеральное направление развития российской юридической науки. И в этом нет ничего неожиданного, ибо и наше общество в целом, и каждый отдельный человек, государство и общественные правозащитные организации все более осознают, что жить и действовать «по правилам прав человека» —

значит наполнить свою жизнь подлинным достоинством и уважением, свободой и справедливостью, придавать своей жизни правовой комфорт и социальную стабильность. Однако как в научном, так и в практическом плане российскому обществу предстоит приложить еще немало усилий к тому, чтобы эти права превратить в действительную ценность для каждого и всех.

Отметим, что отечественные научные исследования прав человека вбирают в себя как достижения общечеловеческой философской и правовой мысли, так и соответствующие разработки российских ученых дореволюционного (до 1917 г.) и советского периодов. Соответственно, современные исследования по данной проблеме приобретают все более зрелый и фундаментальный характер.

Наиболее важным и первостепенным вопросом для теории и практики прав человека является вопрос о том, что представляет собой такое явление, как «права и свободы человека». Многовековые поиски ответа на этот вопрос привели человечество поистине к величайшему открытию, состоящему в понимании того, что **права человека — это продолжение социально-природных и интеллектуально-духовных свойств самого человека**. Именно исходя из такого понимания прав человека и следует, по нашему мнению, искать наиболее емкие и содержательные подходы к их изучению.

Анализ философской и специально-научной литературы показывает, что к настоящему времени в российском правоведении сложилось несколько достаточно обособленных направлений в исследовании прав человека.

В рамках первого направления основной акцент делается на онтологических проблемах изучения прав человека. По этому признаку его можно назвать **философско-правовым подходом**. Здесь теоретическому анализу подвергаются вопросы происхождения прав человека и логика приобретения ими юридической природы. Именно под этим углом зрения исследовали права человека И.Е. Фарбер, Е.А. Лукашева, Н.В. Витрук, Б.Л. Назаров, Ф.М. Рудинский и др.³ Ими

---

³ См.: Назаров Б.Л. Социалистическое право в системе социальных связей. М., 1976; Фарбер И.Е. Конституционное обеспечение прав человека // Конституция СССР и правовое положение личности. М., 1979; Гулиев В.Е., Рудинский Ф.М. Социалистическая демократия и личные права. М., 1984; Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. М., 1985; Общая теория прав человека / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1996; Права человека: Учебник для вузов / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1999; и др.

выявлены и детально рассмотрены такие важнейшие свойства этого явления, как сущность прав человека, их абсолютность и неотчуждаемость, а также закономерное в их соотношении с субъективным и объективным правом.

Обобщая научно-практическую полезность такого рода исследований, можно сделать вывод о том, что основная ценность философско-правового подхода заключается в его способности раскрыть социально-природные и юридические источники прав человека как единого и целостного образования. Именно в этом качестве, во многом «незнакомом» как для объективного, так и для субъективного права, философско-правовой подход предлагает научной общественности и законодательным органам воспринимать права человека.

Не менее значимым как для теории, так и для практики является активно развивающееся в последние 5–6 лет понимание прав человека как особого способа правового регулирования общественных отношений. **Регулятивный подход к проблемам прав человека** основан на признании того, что права человека, признанные международным сообществом и государством, привносятся и в международно-правовую, и в национально-правовую системы соответствующие режимы, порядки и алгоритмы своего правового осуществления. Этот регулятивный эффект прав человека нашел свое теоретическое обоснование в работах В.И. Карташева, М.Ф. Орзиха, Н.И. Матузова, А.В. Малько и др., которые убедительно показали, что имплементация прав человека в правовые системы с неумолимой логикой ведет к коренным преобразованиям в механизмах правового регулирования⁴. Благодаря такому фундаментальному выводу становится очевидным, что внимание к правам человека является тем общим, что объединяет правовые системы тех государств, которые приобрели качество правовых. Следовательно, ни у одного демократического

---

⁴ См.: Орзих Н.Ф. Личность и право. Вопросы теории правового воздействия на личность социалистического общества. Киев; Одесса, 1978; Карташев В.Н. Применение права. Ярославль, 1985; Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия: Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1987; Он же. Правовая система и личность. Саратов, 1987; Он же. Права человека и общерегулятивные правоотношения // Правоведение. 1996. № 3; Малько А.В. Механизмы правового регулирования // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997; и др.

общества нет какого-то особого (выпадающего из этой логики) пути в эволюционном развитии его правовой системы. Регулятивные свойства прав человека унифицируют практику правового общения человека и государства, человека с иными субъектами правовой системы. В результате сами правовые системы приобретают схожие и даже общие черты. Однако это не приводит к обезличиванию правовых образов жизни демократических государств.

На наш взгляд, регулятивный подход – это научно обоснованная и продиктованная потребностями практики точка зрения на права человека, позволяющая найти ответ на вопрос о том, каким образом выстраивать систему правового регулирования общественных отношений в правовом государстве.

В ряду вышеназванных подходов в исследовании прав человека сложилось и такое направление их изучения, как правозащитное. Суть правозащитного направления состоит в понимании того, что права человека только тогда превращаются в реальную ценность, когда они надежно гарантированы и защищены. Данный аспект прав человека обстоятельно рассмотрен в работах А.Я. Азарова, Л.Б. Алексеева, А.С. Мордовца, А.В. Стремоухова, К.Б. Толмачева, А.Г. Хабибулина и др.⁵ Эти авторы последовательно проводят мысль об обязательном включении в определение общего понятия «права и свободы человека» указания на необходимость их защиты. Основным доводом в пользу такого понимания прав человека выступает тот факт, что защита прав человека основывается на праве человека на правовую защиту. Это право, по мнению ученых, не имеет никаких иных целей, кроме как устранять помехи на пути осуществления прав человека, восстанавливать уже нарушенные права и под угрозой применения мер принуждения делать невыгодным их нарушение.

По нашему мнению, основная научная и теоретическая ценность такого подхода в понимании прав человека заключается в

---

⁵ См.: Алексеев Л.Б., Жуйков В.М., Лукашук И.И. Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации: Практик. пособие / Под ред. В.М. Жуйкова. М., 1996; Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / Под ред. Н.И. Матузова. Саратов, 1996; Азаров А., Ройтер В., Хюфнер В. Защита прав человека. Международные и российские механизмы. М., 2000; Стремоухов А.В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы. СПб., 2001; и др.

том, что он ориентирует на поиск все более действенных средств и механизмов бесперебойного воплощения прав человека в жизнь.

Рассмотрение основных направлений исследования прав человека в отечественной юридической науке позволяет сделать вывод об их обоснованности, актуальности и значимости как с научно-методологической точки зрения, так и со стороны практики. Однако если принять во внимание своеобразие исторического периода, переживаемого Российской Федерацией, особенности места и роли государства в делах общества, социальных групп и отдельного человека, то нельзя не согласиться с тем, что в практической плоскости именно правозащитный аспект изучения прав человека отличается наибольшим социально-политическим и правовым напряжением, что эта напряженность сообщается и соответствующим научным исследованиям, в которых прослеживается тревога за состояние защищенности прав человека в России. Наиболее убедительным подтверждением этого являются плановые и специальные доклады уполномоченного по правам человека в РФ. Из них видно, что шквал нарушений прав человека нарастает, что основным их нарушителем было и остается государство, что механизмы, рассчитанные на недопущение нарушений прав человека, в ряде случаев не сформированы и по этой причине не работают, а в других – открыто попираются должностными лицами⁶. Поэтому, на наш взгляд, именно правозащитная проблематика должна сегодня привлекать внимание все большего числа правоведов и, таким образом, превратиться в стратегически важное направление развития теории прав человека.

Обосновывая существование и обособляя предмет правозащитного направления в отечественной концепции прав человека, следует обратить внимание на используемый в этих целях тезис о методологически конструктивной роли права человека на правовую защиту. Вместе с тем это право действует только тогда, когда оно обеспечено соответствующими кри-

---

⁶ См.: Доклады о деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 1998, 1999, 2000 и 2001 гг. М., 2002; Представление Государственной думы Федерального собрания РФ «О мерах по реализации предложений уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» от 14 мая 2000 г. № 397-III ГД // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

дическими обязанностями. Исследование права человека на правовую защиту в отрыве от тех обязанностей, которые делают это право именно юридическим явлением, снижает его научную и практическую ценность. В то время как взятые в единстве, они способны полномасштабно выразить и реализовать идею правовой защищенности прав человека. Думается, что комплексное исследование защиты прав человека (право человека на правовую защиту с обеспечивающими это право юридическими обязанностями) способно преодолеть имеющий место отрыв прав человека в целом и права человека на правовую защиту в частности от тех реальных механизмов регулирования, которыми располагают субъективное и объективное право. Отсутствие теоретических исследований права человека на защиту в отмеченном единстве и взаимосвязи с юридическими обязанностями ведет к пробелам в правовом регулировании прав человека.

§ 2. Защита прав человека как правовой институт. Сущность защиты прав человека

Эффективно работающий механизм защиты прав человека является обязательным условием становления и существования цивилизованного гражданского общества, средством реализации правозащитной активности личности и юридическим способом согласования индивидуального и общественного интереса. Ибо когда человек защищает свои права, то он отстаивает не только собственный интерес, но и выполняет свой гражданский долг перед обществом, защищает закон и сложившийся правопорядок. В этой связи слова И. Канта о том, что «каждый человек обязан отстаивать свое право» и следить, чтобы другие «не топтали его ногами», что человек «не должен отказываться от человеческого преимущества иметь право, а обязан так долго отстаивать его, как только может»⁷, наполняют представления о защите прав человека не только индивидуальным, но и общественным звучанием. Отсюда и вытекает потребность во всестороннем исследо-

---

⁷ Соловьев Э.Ю. И. Кант: взаимодополнительность морали и права. М., 1992. С. 52.

вании института защиты прав человека и в первую очередь — его сущности.

Выявление сущности защиты прав человека и исследование с этих позиций юридической природы и регулятивной ценности всего института защиты прав человека призвано восполнить существующий пробел в теории прав человека вообще и правозащитного регулирования в частности. Разумеется, что разностороннее и полномасштабное выполнение этой задачи — предмет коллективных усилий специалистов различных областей юридической науки. Мы же ставим перед собой цель выявить и теоретически обосновать закономерное во взаимосвязи защиты прав человека с методом ее правового регулирования. С этой позиции мы и рассматриваем защиту прав человека как своеобразный правовой институт.

Анализ поставленной проблемы требует уточнения некоторых терминов. В первую очередь это относится к понятию «защита прав человека». В последующем изложении оно будет рассмотрено более детально, здесь же отметим, что мы исходим из того, что термин «защита», применительно к правам человека, с социологической стороны выражает потребность человека и социальных групп в обеспечении удовлетворения интересов человека специально-активным способом, а с юридической же обозначает: а) набор специальных правовых средств, образующих в своей совокупности систему правового регулирования отношений, возникающих в процессе осуществления защиты прав человека; б) систему компетентных субъектов, обладающих правом на использование специальных юридических средств, и их деятельность, направленную как на обеспечение нормального, бесперебойного осуществления прав человека, так и пресечение нарушений прав человека, восстановление нарушенных и применение мер наказания к виновным за их нарушение. Именно в таком значении термин «защита» и используется, когда говорят о защите прав человека как о едином и целостном институте. Так, например, Т.Н. Калинина, исследуя институт защиты прав человека в качестве системного образования, приходит к выводу, что он состоит из «законодательной подсистемы (*система законодательства*), рассчитанной на регламентацию и защиту прав человека и основных свобод; правовой подсистемы (*система права*); институциональной подсистемы (системы институтов, уполномоченных осуществлять правоза-

щитную деятельность), включающей региональную и местную, надзорную и контрольную инфраструктуры; подсистемы гуманитарного информирования; подсистемы гуманитарного образования, переподготовки и повышения квалификации кадров; подсистемы «мозговых центров» накопления, хранения, воспроизводства и развития гуманитарной идеологии»⁸. По сути, аналогичного мнения придерживаются А. Азаров, В. Ройтер и К. Хюфнер, которые пишут: «Чтобы создать систему защиты прав человека была необходима определенная последовательность действий, а именно: а) осмысление программы; б) определение прав человека; в) создание обязательных норм; и г) формирование политической и юридической системы реализации прав человека»⁹. Отсюда видно, что с точки зрения своего содержания институт защиты прав человека охватывает всю совокупность организационных, регулятивных, коммуникативных, идеологических и иных элементов, которые функционально предназначены и сообразно своей природе включены в реальный процесс обеспечения защищенности прав человека¹⁰. При этом следует иметь в виду, что поскольку

---

⁸ Калинина Т.М. К вопросу о законодательной дефиниции понятия «правозащитная система» // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: В 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. I. С. 487.

⁹ Азаров А., Ройтер В., Хюфнер В. Указ. соч. С. 11.

¹⁰ В единстве и целостности всего своего содержания институт защиты прав человека еще не подвергался специальному научному анализу. Вместе с тем надо отметить, что в отечественной юридической науке наработан достаточно объемный научный материал, полученный в результате исследования тех или иных аспектов института защиты прав человека, личности и гражданина. Логика этих исследований и содержащиеся в них выводы имеют непреходящее значение для осуществления дальнейшего научного познания обозначенной проблемы. Укажем только на небольшую часть научных работ и их авторов, о которых идет речь: Радько Т.Н. Основные функции социалистического права: Учеб. пособие. Волгоград, 1970; Витрук Н.В. Процессуальные формы реализации и охраны прав и обязанностей граждан // Юридическая процессуальная форма: теория и практика / Под общ. ред. П.Е. Недбайло, В.М. Горшенева. М., 1976; Рудинский Ф.М. Личные права и свободы граждан СССР. М., 1980; Гулиев В.Е., Рудинский Ф.М. Указ. соч.; Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск, 1990; Ледях И.А., Воробьев О.В., Колесова Н.С. Механизм защиты прав и свобод граждан // Права человека: проблемы и перспективы. М., 1990; Толкачев К.Б., Хабибуллин А.Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. Уфа, 1991; Колосов В. Человек должен

понятие «права человека» не знает, что такое «национальная принадлежность», то и институт их защиты не может быть ограничен сферой правозащитного действия национальной правовой системы. Именно поэтому любая постановка вопроса о защите прав человека обязательно выводит исследователя в область международных отношений.

Как единая и общая система институт защиты прав человека включает в себя наряду с национальным компонентом и международный. Причем соотношение и характер взаимосвязи этих основных элементов постоянно изменяется, ибо их нормативная основа – международное и внутригосударственное право «постоянно развиваются, изменяются их принципы и нормы, объекты и методы правового регулирования»¹¹.

Основанием и ядром института защиты прав человека является право человека на правовую защиту.

В самом общем плане право человека на правовую защиту представляет собой вытекающее из естественно-социальной природы человека и закрепленное в позитивном праве специфическое субъективное право личности, предоставляющее ей правовую возможность как самостоятельно, так и с помощью компетентных субъектов, обладающих правозащитными полномочиями, отстаивать свои права и законные интересы¹².

Право человека на правовую защиту является системообразующим элементом всего института защиты прав человека и наиболее полно и ярко проявляется в его регулятивном воздействии на общественные отношения. Поэтому не вызывает сомнений, что право человека на правовую защиту, будучи составляющим

иметь право защитить себя // Российская Федерация. 1994. № 18; Мордовец А.С. Указ. соч.; Федоров В.П. Человек и правоохранительная деятельность (философско-правовой аспект): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1996; Стремоухов А.В. Указ. соч.; и др.

¹¹ Карташкин В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. М., 1995. С. 5.

¹² См.: Сергеев Л.П. Право на защиту репутации. Л., 1989. С. 47 и след.; Бережнов А.Г. Права личности: Некоторые вопросы теории. М., 1991. С. 133; Бондарь Н.С. Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе. Ростов н/Д, 1996. С. 186; Волгова В.В. Формы защиты субъективного права: теоретические проблемы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2000. С. 10; Горшаков С.А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство. М., 2001. С. 162.

элементом юридического основания данного института, способно выступить верным ориентиром в исследовании всей системы защиты прав человека. Отсюда правильным будет утверждение о том, что центром «притяжения» всех элементов системы защиты прав человека (а с нашей точки зрения имеются основания полагать — ее сущностью) выступает именно право человека на правовую защиту, которое соответствующим образом и реализует себя в содержании всего института защиты прав человека. Поэтому не только вся система защиты прав человека может и должна быть исследована под таким углом зрения, но и все ее структурные образования следует рассматривать как специфическое проецирование права человека на правовую защиту.

Анализ института защиты прав человека как развитой формы бытия права человека на правовую защиту чрезвычайно важен в теоретическом плане, поскольку предоставляет возможность преодолеть узкоотраслевое видение регулятивного «самовыражения» защиты прав человека и, таким образом, ориентирует усилия исследователей на создание общей теории правового регулирования защиты прав человека. Такой подход к институту защиты прав человека также важен и для создания единой практики организации и осуществления защиты прав человека как регулятивного института. И то, и другое нацелено на то, чтобы выявить и утвердить в качестве общего знаменателя правозащитного регулирования один из основных стандартов прав человека — право на правовую защиту. «Естественные права и свободы человека, — пишет В.П. Федоров, — являются объективной основой, эталоном для разработки как национального правового законодательства, так и для организации конкретной правоохранительной деятельности по их обеспечению и защите»¹³.

Существенным аргументом, подтверждающим правильность нашего утверждения об особой роли понятия «право человека на правовую защиту» в организации и функционировании института защиты прав человека, является ориентация нормоустановительной деятельности как международного сообщества¹⁴, так и Россий-

---

¹³ См.: Федоров В.П. Указ. соч. С. 30.

¹⁴ См.: Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (18 декабря 1992 г.) // Международные акты о правах человека: Сб. док. М., 2000; Конвенция о защите детей и сотрудничестве в области межгосударственного усыновления (Гаага, 29 мая 1993 г.) // Там же; Венская декларация и Программа действий.

ской Федерации¹⁵ на признание этого права человека и гражданина, а также обеспечение его юридическими обязанностями соответствующих субъектов. С этой же тенденцией связана и заметная активизация правозащитной деятельности и органов государства¹⁶ и неправительственных правозащитных организаций¹⁷, осуществляющих свою правозащитную компетентность в интересах человека. По этой причине вряд ли можно сомневаться в том, что такого рода правотворческая и правореализационная практика есть выражение потребности права человека на правовую защиту в формировании организационных, нормативных и индивидуально-правовых слагаемых механизма своего осуществления. Поэтому выглядит вполне логичной гипотеза о том, что именно это право человека и представляет собой сущность всего института защиты прав человека.

В юридической литературе вопрос о сущности защиты прав человека не получил специального научного анализа. Отчасти

Принята 25 июня 1993 г. Всемирной конференцией по правам человека // Международные акты о правах человека: Сб. док. М., 2000; Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств от 1 февраля 1995 года // Там же.

¹⁵ См.: Декларация прав и свобод человека и гражданина: Принята ВС РСФСР 22 ноября 1991 года // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865; Конституция Российской Федерации. М., 1993; законы РФ: «О милиции» от 18 апреля 1991 г.; «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г.; «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» от 11 марта 1992 г.; «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» от 6 февраля 1997 г.; «О государственной границе Российской Федерации» от 1 апреля 1993 г.; «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» от 27 апреля 1993 г.; «О федеральных органах налоговой полиции» от 24 июня 1993 г.; «Об учреждениях и организациях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г.; «О пожарной безопасности» от 21 декабря 1994 г.; «Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации» от 3 апреля 1995 г.; «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» от 20 апреля 1995 г.; «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г.; «О государственной охране» от 27 мая 1996 г.; и др.

¹⁶ См.: Толкачев К.В., Хабибуллин А.Г. Указ. соч. С. 26 и след.; Права человека и статус правоохранительных органов: Материалы симпозиума в Санкт-Петербургском юридическом институте МВД России // Государство и право. 1994. № 12. С. 81–119; Проблемы обеспечения органами внутренних дел прав и ответственности граждан России в современных условиях. М., 1994. С. 47; и др.

¹⁷ См.: Обзор роли и деятельности неправительственных правозащитных организаций: Пер. с англ. М., 1995.

это обусловлено общей направленностью современных исследований в области прав человека, которая в значительной мере характеризуется понятным на данном этапе прагматизмом, выражающимся в сборе и обобщении эмпирического материала в целях, прежде всего, информационного обеспечения соответствующего вида юридической практики и юридического образования. Однако продвижение научной мысли вглубь рассматриваемого явления невозможно без обращения внимания к проблеме его сущности.

Известно, что категория «сущность» призвана отображать наиболее фундаментальное и неизменное в явлении. «Под сущностью, — пишут авторы коллективного труда “Введение в философию”, — понимается внутренняя, глубинная, скрытая, относительно устойчивая сторона того или иного предмета, явления, процесса, определяющая его природу, совокупность черт и другие характеристики»¹⁸. Сущность в явлении выполняет роль проявляющегося основания¹⁹. В этом смысле она объясняет факт существования явления и его черты. Наряду с этим сама сущность как предмет познания раскрывается через совокупность внутренних, свойственных ее природе причинно-следственных связей, с которыми в правоведении связана идея о многоуровневом характере сущности правовых явлений²⁰. «Путь познания, идущий от сущности первого порядка к сущности права второго порядка, а от нее к сущности третьего порядка, — пишет Л.С. Явич, — противоположен по своей направленности историческому генезису права. При этом сущность самого глубокого уровня программирует будущую нормативность права, но имманентно ее не содержит»²¹. В этой связи замечание И.А. Ледях о том, что для понимания и организации «защиты прав и свобод

---

¹⁸ См.: Фролов И.Т. и др. Введение в философию: Учебник для вузов: В 2 ч. М., 1989. Ч. 2. С. 112–113.

¹⁹ См.: Материалистическая диалектика: В 6 т. М., 1981. Т. 1: Объективная диалектика. С. 134–136.

²⁰ Впервые обосновал и использовал идею о многоуровневом свойстве «сущности» применительно к правовым явлениям Л.С. Явич. Наиболее полное и законченное изложение этой идеи см.: Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С. 86 и след.; Он же. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л., 1985. С. 80 и след.

²¹ Явич Л.С. Сущность права... С. 85.

человека немаловажное значение имеет трактовка вопроса о происхождении, природе прав и свобод»²², следует воспринимать как методологическую посылку.

Сказанное относительно категорий «сущность» и «сущность права» целиком и полностью приложимо к праву человека на правовую защиту как к первому уровню сущности всего института защиты прав человек. Такой вывод вытекает из следующих рассуждений.

Очевидно, что общее назначение института защиты прав человека заключается в том, чтобы обеспечить защищенность прав человека. «...Правовая защищенность, – пишет А.В. Стремоухов, – это высокий уровень защиты личности законом, который характеризуется предоставлением лицу широких конституционных прав и наличием эффективного механизма их правовой защиты»²³. Поэтому права Л.Н. Завадская, когда отмечает, что «в самой сфере защиты главная цель – обеспечение реализации субъективных прав, обязанностей, охраняемых законом интересов, свобод граждан»²⁴. К этой же цели должны стремиться государства и все иные политические организации. «Цель всякого политического союза, – провозглашается в ст. 2. Декларации прав человека и гражданина 1789 г., – обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека»²⁵.

Таким образом, состояние защищенности прав человека выражает собой и общее назначение, и главную цель всего института защиты прав человека. В свою очередь, это состояние достигается через признание или установление за каждой личностью юридического права на правовую защиту. Без наличия у человека права на правовую защиту защита его прав состояться не может, поскольку невозможна даже такая постановка вопроса. Именно поэтому формирование института защиты прав человека начинается с признания у человека права на правовую защиту и вытекающих из него правозащитных правомочий.

---

²² Общая теория прав человека... С. 346.

²³ Стремоухов А.В. Правовая защита человека: Теоретический аспект: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1996. С. 11.

²⁴ Завадская Л.Н. Реализация прав граждан в условиях развитого социализма. М., 1983. С. 226–227.

²⁵ Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. // Международные акты о правах человека: Сб. док. М., 2000. С. 32.

И такой акт находит свое выражение в соответствующих международных и национальных юридических документах. «Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона»²⁶, — провозглашено в ст. 7 Всеобщей декларации прав человека. А в ее ст. 6 записано: «Каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности»²⁷.

Наличие у человека права на правовую защиту возлагает на государства обязанность создать все необходимые нормативно-правовые и организационные условия осуществления этого права. «...Священный долг всех государств выполнять свои обязательства поощрению всеобщего уважения, соблюдения и защиты всех прав человека...»²⁸, — записано в ст. 1. Венской декларации и Программы действий. А в ст. 2 Конституции Российской Федерации установлено: «Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства»²⁹.

Таким образом, признание права человека на правовую защиту запускает сложный и разноаспектный механизм формирования регулятивных и организационных правовых средств его реализации. Совокупность этих средств, как отмечалось выше, и образует институт защиты прав человека.

Сказанное вполне обоснованно позволяет утверждать, что право человека на правовую защиту, с одной стороны, с закономерностью объективной необходимости обуславливает весь институт (все содержание) защиты прав человека, а с другой — также закономерно выражает его назначение. Эти закономерности устойчивы, необходимы (без них немыслим сам институт защиты прав человека) и выражают наиболее общие причинно-следственные связи между правом человека на правовую защиту и всем институтом защиты прав человека. В силу этого логичным является следующий вывод: право человека на правовую защиту

---

²⁶ Всеобщая декларация прав человека [принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 г.] // Международные акты о правах человека: Сб. док. М., 2000. С. 40.

²⁷ Там же.

²⁸ Венская декларация и Программа действий... С. 80.

²⁹ Конституция РФ: Комментарий Конституционного суда РФ, официальный текст, принятие и вступление в силу поправок к Конституции РФ. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2000. С. 18.

выступает по отношению к институту защиты прав человека проявляющимся основанием, и поэтому его правомерно рассматривать в качестве сущности данного института.

Однако процесс выявления и познания сущности защиты прав человека не исчерпывается указанием на юридическое признание права человека на правовую защиту. Признание права человека на правовую защиту – это лишь ее поверхностный, первый уровень, первая нормативная форма материализации ее глубинной сущности.

Второй уровень сущности защиты прав человека объясняет особенности сущности первого порядка и раскрывает закономерное в ее формировании и развитии. Отсюда следует, что для того, чтобы ответить на вопрос о том, что собой представляет второй уровень сущности защиты прав человека, надо найти главную и основную причину, которая с объективной закономерностью обуславливает факт существования права человека на правовую защиту в нормативной форме его бытия. Такая причина в обязательном порядке должна объяснять право человека на правовую защиту как следствие своего существования. При этом следует иметь в виду, что «сущность второго и третьего порядков достаточно убедительно показывают, что глубинное основание права органически увязано с индивидуальными (частными) интересами членов общества, с конкретными отношениями собственности, правовыми отношениями товаровладельцев, с правами личности и ее объективно обусловленными притязаниями, потребностями и интересами»³⁰.

Известно, что основной смысл права человека на правовую защиту состоит в том, что оно предоставляет личности правовую возможность самостоятельно или посредством иных компетентных субъектов результативно отстаивать свои жизненно важные притязания. Эти притязания есть устремления людей к неизбежности и сохранности наиболее важных для достойного образа их жизни и вытекающих из природных, духовных и интеллектуальных свойств человека потребностей. Притязание человека на защищенность основополагающих условий достойного существования внутренне присуще человеку как существу разумному. Осознание условий достойного существования означает готовность человека к целеустремленной борьбе – к борьбе за самого себя.

---

³⁰ Явич Л.С. Сущность права... С. 93.

Осуществление человеком акта притязания на защиту как раз и выражается в признании за ним права на правовую защиту. Поэтому вполне правомерно рассматривать этот акт как способ «перехода человека в плоскость своего правового бытия»³¹, а само притязание – в качестве второго уровня сущности защиты прав человека.

Следующий уровень сущности защиты прав человека относится к глубинной природе прав человека в целом, которая, по мнению В.П. Федорова, представлена тремя составляющими – телом человека, его душой и духом. «...Три составляющие, – пишет он, – тело – душа – дух, образуют ту объективную основу, из которой вытекают естественные, сущностные, неотчуждаемые качества и свойства человека как человека. Они выражают сущность человека и без них человека нет. Это такие качества и свойства человека, без которых его нормальное существование и развитие как человека невозможно»³². И далее автор продолжает: «Эти естественные, неотчуждаемые качества и свойства человека, без которых, по существу, нет самого человека, в правовой форме фиксируются и защищаются как *естественные права человека*»³³. Таким образом, третьим и наиболее глубоким уровнем сущности защиты прав человека является способность человека к самосохранению путем защиты тех качеств и свойств, которые касаются его тела, души и духа.

Надо отметить, что этот уровень сущности защиты прав человека наиболее труден для познания. Об этом свидетельствует та часть классической философии, которая была сориентирована на выявление и понимание первооснов прав человека³⁴, а также исследования выдающихся юристов прошлого³⁵. Однако именно на этом уровне происходит осмысление существа и ценности прав

---

³¹ См.: Малахов В.П. Природа, содержание и логика правосознания: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 32.

³² См.: Федоров В.П. Указ. соч. С. 28.

³³ Там же.

³⁴ См.: Гоббс Т. Избранные произведения в двух томах. М., 1964. Т. 2. С. 156 и след.; Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1957. С. 74 и след.; Локк Д. Избранные философские произведения: В 3 т. М., 1960. Т. 2. С. 8 и след.; Аквинский Фома. М., 1975. С. 47 и след.; и др.

³⁵ См.: Новгородцев П.И. История философии права. М., 1897. С. 161 и след.; Шершиневич Г.Ф. История философии права. СПб., 1907. С. 25–27; Коркунов Н.М. История философии права. СПб., 1908. С. 47 и след.; и др.

человека, понимание их как прав естественных. «Понятие естественных прав, — пишет Л.И. Глухарева, — получает смысл и содержание с момента осознания незаменимости человека в космопланетарной системе, убеждения в уникальности его природной организации, осмысления свободы как человеческой “самости”. Свобода поступать, притязать, искать, развиваться, творить, пользоваться, отдавать, жертвовать в рамках и формах, организующих материальную и духовную жизнь человека, порождена естественным порядком жизни и осознана на определенном этапе развития как необходимая для человеческого существования. Эта свобода как мера и возможность самореализации личности в признанных границах получила наименование естественных прав человека»³⁶. Очевидно, что именно здесь, на этом глубинном уровне, права человека наполняются высоко нравственным содержанием, которое в последующем проявляет себя как их отличительное свойство от многих иных прав личности.

Изложенное относительно сущности защиты прав человека позволяет утверждать, что она носит многоуровневый характер и нерасторжимо связана с природой самих прав человека, каждое из которых есть и проявление сохранения человеком своих естественных качеств и свойств. «Безусловно, — пишет Ф.М. Рудинский, — каждое право человека принадлежит отдельной личности, неотъемлемо от нее и не может быть отчуждено каким-либо способом. Но вместе с тем вся система прав человека имеет величайший социальный смысл. В сущности, это способы защиты человечества от многочисленных угроз его существования»³⁷.

Дальнейший анализ понятия «защита прав человека» предполагает не только выявление его сущности, но и обоснованное отграничение от иных, тесно связанных с ним, теоретических конструкций. В первую очередь мы имеем в виду понятие «охрана прав человека».

Надо отметить, что вопрос о соотношении указанных понятий превратился в самостоятельную и достаточно сложную

---

³⁶ Глухарева Л.И. Типология прав человека // Право и права человека: Сб. науч. тр. юрид. фак. МПГУ / Под ред. Д.А. Ростиславлева. М., 2001. Кн. 4. С. 9.

³⁷ Рудинский Ф.М. Универсальная концепция прав человека и современная Россия // Право и права человека: Сб. науч. тр. юрид. фак. МПГУ / Отв. ред. Л.И. Глухарева. М., 1998. Кн. 1. С. 38.

научную проблему. А по мнению А.В. Стремоухова, широкое использование термина «охрана прав» в теории права и отраслевых науках «в немалой степени мешает более глубокой дифференциации правовых явлений, отражающих правоохранительные, правозащитные и, в целом, правообеспечительные отношения, приводит к смешению таких понятий, как «охрана», «защита», «обеспечение прав», «реализация прав», «гарантии прав и свобод», что в итоге снижает эффективность, научную и практическую значимость исследований правоведов»³⁸. С нашей точки зрения, «мешает» не сам термин, а его произвольное использование, с одной стороны, и отсутствие убедительной научной интерпретации — с другой.

Отграничение понятия «защита прав человека» от конкурирующего с ним «охрана прав человека» имеет принципиальное значение для уточнения предмета нашего исследования и во многом способствует дальнейшему уяснению сущности и основных черт защиты прав человека. Важность точного определения этих терминов состоит не только в том, что этого требуют юридическая наука, законодательство и практика, но и в том, что это необходимо для обоснования ведущей роли и первостепенного значения самого человека в деле защиты своих прав. Ибо только разобравшись в существе этих понятий, можно утвердить право как силу, а не силу права. «Человек в указанных отношениях, — отмечает Ф.М. Рудинский, — выступает как индивидум, ассоциированный носитель суверенитета народа...»³⁹. Именно это обстоятельство позволило В.П. Федорову прийти к выводу о том, что «в правозащитной деятельности права человека и их оценка человеком (человечеством) совпадают. В этих условиях гарантиями и защитниками этих прав и свобод выступают сам человек, само человечество. Но если это так, то следовательно, субъектом правозащитной деятельности также выступает сам человек, само человечество»⁴⁰. И главная цель такого рода деятельности может состоять только в обеспечении прав человека. В то время как главной, стратегической «целью правоохранительной деятельности является

---

³⁸ Стремоухов А.В. Правовая защита человека: Теоретический аспект... С. 26.

³⁹ Рудинский Ф.М. Гражданские права человека. (Общетеоретические вопросы) // Право и права человека: Сб. науч. тр. юрид. фак. МПГУ / Под ред. Д.А. Ростиславлева. М., 2001. Кн. 4. С. 51.

⁴⁰ См.: Федоров В.П. Указ. соч. С. 17.

обеспечение правопорядка и законности»⁴¹, основным субъектом ее осуществления выступает государство.

Гуманистическую направленность защиты прав человека следует наращивать и возвеличивать, что и должно быть отражено в ее понимании. В этой связи следует признать неполным, ограниченным сведение понятия защиты прав человека к соответствующей обязанности государства. Именно такое определение предлагает И.А. Ледаях: «Защита прав и свобод человека и гражданина, являясь и конституционно-правовой и международно-правовой обязанностью современного государства, осуществляется с помощью системы принципов, институтов, механизмов и процедурно-правовых правил, прямо или опосредованно предназначенных для этих целей»⁴². В известной мере указанный недостаток преодолевает А.В. Стремухов, когда утверждает, что защита прав человека «представляет собой принудительную правовую (в том числе организационную, материально-правовую, процессуальную и др.) деятельность органов государственной власти и управления, правоохранительных органов, общественных объединений, должностных лиц и государственных служащих, а также граждан и неграждан, осуществляемую законными способами с целью подтверждения или восстановления оспоренного или нарушенного права человека»⁴³. В этой дефиниции возражение вызывают два обстоятельства. Первое состоит в том, что главное, определяющее всей правозащитной системы – право человека на правовую защиту и его осуществление – отнесено на второстепенный план, а второе заключается в ограничении правовых средств защиты функциями подтверждения или восстановления оспоренного или нарушенного права человека.

С нашей точки зрения, в какой бы форме ни осуществлялась защита прав человека, основным генерирующим центром должен выступать сам человек, активно реализующий свое неотчуждаемое право на защиту, прибегающий при этом к помощи компетентных субъектов, имеющих право применять весь арсенал правовых средств убеждения и принуждения в целях обеспечения его прав. В этом случае деятельность компетентных субъек-

---

⁴¹ Федоров В.П. Указ. соч. С. 22.

⁴² См.: Права человека: Учебник для вузов... С. 328.

⁴³ Стремухов А.В. Правовая защита человека: Теоретический аспект... С. 31.

тов должна рассматриваться именно в плоскости реализации права человека на правовую защиту со всеми вытекающими отсюда последствиями. Такой вывод следует не только из логики теоретических рассуждений, но и из смысла ст. 18 Конституции Российской Федерации, в которой записано: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием»⁴⁴.

Отмеченные в качестве недостатков акценты в понимании защиты прав человека не случайны. Они, по нашему мнению, являются следствием как минимум двух причин. Первая состоит в фактическом отождествлении понятий «защита прав человека» и «защита права». Это позволяет экстраполировать и на практику защиты прав человека тезис о том, что главным субъектом такого рода защиты выступает государство. Вторая причина состоит в отсутствии четкого различия между понятиями «защита прав человека» и «охрана прав человека». Это, как отмечалось выше, более кардинальная проблема. Ее корни уходят в историю правового образа жизни нашего общества, в недалеком прошлом которого места для защиты прав человека фактически не находилось, и более того, считалось, например, что «презумпция невиновности противоречит задачам уголовного судопроизводства»⁴⁵. Однако и в настоящее, «новое» время отношение к этому праву человека изменилось не повсеместно. В этой связи показательным является мнение С.Г. Олькова, пишущего, что «презумпция невиновности как раз должна быть более интенсивна там, где мы разговариваем с приличными людьми, но не с массой подонков и дегенератов, которые сначала грабят и убивают, а потом издеваются над следователем и судьей, предъявляя абсурдные алиби»⁴⁶. Думается, комментарии здесь излишни. Ясно одно: необходимо различать указанные понятия, и делать это надо обоснованно, учитывая при этом, что право человека на правовую

---

⁴⁴ Конституция Российской Федерации. С. 21–22.

⁴⁵ Мартынович Е.Г. Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции. Кишинев, 1975. С. 85.

⁴⁶ Ольков С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения в российском судопроизводстве и общая теория социального поведения. Тюмень, 1993. С. 60.

защиту выражает собой сущностную характеристику понятия «защита прав человека».

По вопросу соотношения указанных понятий в юридической литературе существуют самые различные высказывания. Весь спектр мнений можно свести к следующим основным вариантам его решения: 1) отождествление понятий «защита прав человека» и «охрана прав человека»⁴⁷; 2) признание за названными понятиями различий, вытекающих из специфики преломления в каждой из них одной и той же, но более широкой категории – «обеспечение прав человека»⁴⁸; 3) поглощение понятия «защита прав человека» более широким – «охрана прав человека»⁴⁹; 4) отрицание понятия «охрана прав человека» в силу отсутствия в нем специально-юридического содержания⁵⁰.

---

⁴⁷ См.: Витрук Н.В. Процессуальные формы реализации и охраны прав... С. 104; Он же. Юридический механизм реализации прав личности // Реализация прав граждан в условиях развитого социализма. М., 1983. С. 99 и след.; Загородников Н.И. Защита личности и прав граждан – задача советского уголовного права // Охрана прав личности в социалистическом обществе: Тр. ВШМ МВД СССР. М., 1977. Вып. I. С. 25–31; Астрахань А.А. Юридические гарантии и пределы осуществлению конституционных прав и свобод граждан // Правоведение. 1986. № 6. С. 54; Синельников Ю. Охрана прав граждан – направление приоритетное // Социальная законность. 1989. № 9. С. 8–11; Малеина М.Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. М., 1991.

⁴⁸ См.: Иванов О.В. Защита гражданских прав как правовой институт и как научная проблема // Вопросы советского государства и права: Тр. Иркутск. ун-та. Т. XLV. Сер. «Юридическая». Иркутск, 1967. Вып. 8. Ч. 3. С. 41–55; Кожевников С.Н. Меры защиты в советском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. С. 7–8; Тихонова В.Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. С. 11–20; Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград, 1997. С. 42.

⁴⁹ См.: Грибанов В.П. Гражданско-правовая охрана имущественных и личных прав советских граждан // Советское государство и право. 1974. № 12. С. 123; Красавчикова Л.О. Личная жизнь граждан под охраной закона. М., 1983. С. 5–36; Рожовская В. Проблемы защиты в советском семейном праве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Хабаровск, 1987. С. 16; Сергун П.П. Соотношение охраны и защиты прав и свобод граждан при применении мер административного принуждения // Укрепление социалистической законности в деятельности органов внутренних дел. М, 1987. С. 162–164.

⁵⁰ См.: Шубина Т.Б. Теоретические проблемы защиты права: Дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 1997. С. 17.

Анализ приведенных точек зрения позволяет сделать вывод, что их множество обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, наличием большого количества необоснованно вводимых условностей. Это ведет к размыванию содержания указанных понятий, вследствие чего увеличивается возможность произвольного толкования каждого из них. Так, А.С. Мордовец полагает, что право человека на правовую защиту, а потому и защита прав человека в целом, не относятся к «чисто» правовым явлениям, а имеют социально-правовую природу, и, таким образом, сужает собственно-юридический предмет защиты прав человека путем выведения из него института юридической ответственности. Он пишет: «К “чисто” правовым возможностям относятся меры охраны и меры ответственности, к социально-юридическим – меры защиты. Первые касаются сферы действия государства, его институтов, вторые – гарантий обеспечения субъективных прав индивидов»⁵¹. Допущенная здесь условность заключается в определении мер охраны и мер ответственности как явлений «чисто» правовых. В то же время очевидно, что любое правовое явление, в том числе и юридическая ответственность, вполне правомерно может быть рассмотрено либо как сугубо социальное, либо как сугубо юридическое; но вместе с тем и как социально-правовое. Кроме того, нужно признать недопустимым вытекающий из логики рассуждений А.Г. Мордовца вывод о том, что режим гарантирования прав человека не включает в себя юридическую ответственность. С нашей точки зрения, понятие прав человека, а точнее их личностная и общественная ценность, диктует необходимость включения в систему средств их защиты и юридическую ответственность. Это прямо вытекает из понимания прав человека как отрасли современного международного права, которая состоит «из совокупности принципов и норм, определяющих обязанность государств по обеспечению и соблюдению основных прав и свобод человека без всякой дискриминации как в мирное время, так и в период вооруженных конфликтов, а также устанавливающих ответственность за преступное нарушение этих прав»⁵².

---

⁵¹ Мордовец А.С. Указ. соч. С. 223–224.

⁵² См.: Карташкин В.А. Международная защита прав человека (Основные проблемы сотрудничества государств). М., 1976. С. 46.

Отрицание за юридической ответственностью способности выступать правовым средством защиты прав человека ведет к отрицанию и принципа взаимной ответственности личности и государства. Вместе с тем, как справедливо замечает Н.В. Витрук, «Конституционный суд Российской Федерации стоит на позициях признания принципа *взаимной* правовой и юридической ответственности государства и личности, *паритетных начал* в их взаимоотношениях»⁵³. Обосновывая свое мнение, Н.В. Витрук ссылается на Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 20 декабря 1995 г., в котором подтверждается, что «гражданин и государство Российской Федерации связаны взаимными правами, ответственностью и обязанностями»⁵⁴. В этой связи надо согласиться с Г.Н. Комковой, которая приходит к выводу о том, что «главным в решении вопроса о защите прав является расширение сферы ответственности государства за издание неправовых законов, также органов государственной власти и их должностных лиц – за незаконные действия (или бездействие) в сфере реализации нормативно-правовых актов»⁵⁵. К такому же выводу приводит и анализ национальных отраслей права, в которых нарушение прав человека запрещено под угрозой применения штрафных санкций.

Во-вторых, отсутствует именно общетеоретический подход в исследовании соотношения «защита прав человека» и «охрана прав человека». Признать в качестве такового ставшее крылатым высказывание Н.И. Матузова о том, что «охрана и защита субъективного права или охраняемого законом интереса – не одно и то же: охраняются они постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются. Защита есть момент охраны, одна из ее

---

⁵³ Витрук Н.В. Развитие теории юридической ответственности в решениях Конституционного суда РФ: Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих: Круглый стол журнала «Государство и право» // Государство и право. 2000. № 3. С. 21.

⁵⁴ См.: Постановление Конституционного суда РФ по делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» ст. 64 УК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова. г. Москва. 20 декабря 1995 года.

⁵⁵ Комкова Г.Н. Конституционные принципы правового статуса личности в Российской Федерации // Институт прав человека в России / Г.Н. Комкова, О.В. Щудра, Т.Г. Даурова и др.; Под ред. Г.Н. Комковой. Саратов, 1998. С. 69.

форм»⁵⁶, трудно, поскольку данное утверждение основано на квалификации защиты как формы осуществления охраны прав. Можно согласиться с тем, что содержанием защиты прав человека выступает реализация охранительных полномочий компетентных субъектов, а не осуществление, в том числе и с их помощью, права человека на правовую защиту.

По нашему мнению, при рассмотрении данной проблемы следует исходить из того, что и у защиты, и у охраны прав человека общими оказываются и направленность функционального предназначения (и защита, и охрана рассчитаны на правовое обеспечение прав, свобод и законных интересов личности), и содержание – организационно-правовые средства его (функционального предназначения) осуществления. Это дает основание полагать, что сравниваемые понятия представляют собой специфические проявления одной и той же, но более общей категории – «правовое обеспечение прав человека». Действительно, если «правовое обеспечение интересов, взятое в завершенной целостной системе, представляет собой именно юридическую форму организации и реализации интересов в обществе»⁵⁷, то правомерно заключить, что и защита прав человека, и их охрана – это как раз те юридические формы, в которых и осуществляется право человека на правовую защиту. В этой связи надо согласиться с В.С. Шадриным, который утверждает, что «охрана и защита – это разные аспекты обеспечения прав личности»⁵⁸. Однако в том случае, когда данное организационно-правовое обеспечение рассматривается как способ реализации права человека на правовую защиту, то оно приобретает правозащитное качество. Здесь имеет место материализация, опредмечивание правового статуса человека, которое включает в себя как процесс осуществления права человека на правовую защиту, так и организационно-правовые средства его обеспечения.

Важнейшая квалифицирующая особенность правозащитного аспекта обеспечения прав человека заключается в акценте на правовых возможностях человека активно отстаивать свои права как самостоятельно, так и с помощью органов государства, об-

---

⁵⁶ Матузов Н.И. Правовая система и личность. С. 131.

⁵⁷ Шайкенов Н.А. Указ. соч. С. 150.

⁵⁸ Шадрин В.С. Указ. соч. С. 42.

ственных организаций и международного сообщества. В этом, по нашему мнению, заключается одна из основных особенностей защиты прав человека, которая в значительной мере предопределяет всю сумму правовых, в том числе и организационных средств своего воплощения.

Таким образом, защита прав человека представляет собой форму реализации права человека на правовую защиту, обеспеченную организационно-правовыми средствами и мерами принуждения, применяемыми в целях устранения препятствий на пути осуществления прав человека, а также восстановления нарушенных прав и наказания виновных в их нарушении. При этом мы полагаем, что на существующем этапе исследования теории и практики защиты прав человека допустима интерпретация указанного института через такие понятия, как «система защиты прав человека» и «правозащитная система», поскольку и эти понятия представляют собой не что иное, как специализированные характеристики одного и того же явления – организационно-правового обеспечения права человека на правовую защиту.

Однако когда вышеуказанное обеспечение исследуется в качестве формы деятельности межгосударственных, государственных и общественных организаций, а собственно правовые средства обеспечения прав человека рассматриваются как инструменты осуществления их деятельности, тогда мы имеем дело с институтом, который точнее будет назвать институтом охраны прав человека. Именно в таком контексте используется термин «охрана» во Всеобщей декларации прав человека. В ее преамбуле записано: «...Необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона...»⁵⁹. В данном случае речь идет об обеспечении прав человека путем законотворческой деятельности государств, а не о форме осуществления права человека на правовую защиту. Аналогично используется указанный термин и в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Так, ее ст. 2 начинается следующим правомощением: «Право каждого человека на жизнь охраняется законом»⁶⁰. В тех же случаях, когда речь идет об обеспечении прав человека путем закрепления за инди-

---

⁵⁹ Всеобщая декларация прав человека... С. 39.

⁶⁰ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Международные акты о правах человека: Сб. док. М., 2000. С. 539.

видом субъективного права на правовую защиту, а также установления оснований и процедур его осуществления, чаще всего применяется термин «защита». Например, в той же Всеобщей декларации прав человека в ст. 7 провозглашено: «Все люди имеют право на равную защиту»⁶¹.

Приведенные доводы позволяют достаточно четко развести понятия «защита прав человека» и «охрана прав человека» даже для тех случаев, когда они используются одновременно в одном суждении.

С этих позиций, по нашему мнению, и следует подходить к проблемам юридической природы защиты прав человека и ее регулятивной ценности. В этой связи подчеркнем, что смысл анализа этих вопросов в контексте нашего исследования заключается в том, что говорить о защите прав человека как о самостоятельном и особом методе регулирования общественных отношений можно только тогда, когда выявлены и теоретически осмыслены именно эти свойства института защиты. Иными словами, исследование юридической природы защиты прав человека и ее регулятивной ценности – это теоретические предпосылки постановки и изучения проблемы метода правозащитного регулирования.

---

⁶¹ Всеобщая декларация прав человека... С. 40.

Г л а в а 2

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА, ИСТОЧНИКИ И РЕГУЛЯТИВНАЯ ЦЕННОСТЬ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

---

§ 1. Юридическая природа и источники защиты прав человека

Проблема юридической природы института защиты прав человека затрагивает широкий круг вопросов. Ряд из них выходит за пределы интересующей нас проблематики, поскольку представляют собой факторы экономического, политического, нравственного и иного порядка. Уточним, что обращение к проблеме юридической природы защиты прав человека не является для нас самоцелью, а обусловлено в конечном счете необходимостью установления правовых свойств процесса и результата регулятивного воздействия данного института на общественные отношения. Этим регулятивно-правовым аспектом мы и ограничиваем предмет анализа юридической природы защиты прав человека.

В специальной литературе термин «юридическая природа» используется довольно широко⁶². Однако его формальное определение еще не выработано. Анализ соответствующих источников показывает, что с помощью термина «юридическая природа» обозначают правовые особенности и юридически значимые свойства того или иного правового явления⁶³. Исходя из этого, под

---

⁶² См.: Малько А.В. Законный интерес как правовая категория // Вопросы теории государства и права: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1986. Вып. 7: Актуальные проблемы социалистического государства законности и правопорядка. С. 122; Марогулова И.Л. Юридическая природа поощрительных уголовно-правовых норм // Правоведение. 1992. № 4. С. 95; и др.

⁶³ См.: Курбанов Г.С. Юридическая природа и содержание института обстоятельств, устраняющих общественную опасность и противоправность деяния. Баку, 1988. С. 14 и след.; Свердлов Г.А., Строунинг Э.Л. Понятие и юридическая природа самозащиты гражданских прав // Государство и право. 1998. № 5. С. 21; и др.

юридической природой защиты прав человека мы будем понимать такую совокупность присущих ей юридических свойств, которые отражают важнейшие ее особенности как целостного регулятивно-правового института. Эти свойства должны, во-первых, характеризовать защиту прав человека в качестве целостного регулятивно-правового явления, а во-вторых, выражать собой причинную обусловленность между правом человека на правовую защиту как основанием и способностью института защиты прав человека юридически значимо воздействовать на деятельность субъектов, вовлеченных в правозащитные отношения, то есть на общественные отношения, складывающиеся в сфере действия защиты прав человека, как следствие.

С учетом сказанного подчеркнем, что мы исходим из признания того, что институт защиты прав человека основан на праве человека на правовую защиту. Поэтому надо полагать, что юридическая природа защиты прав человека в главном и основном предопределяется юридическими свойствами именно этого права. Однако поскольку оно, это право, органически и неразрывно связано с правами человека как с объектами защиты, следовательно, нельзя отрицать обоснованности постановки вопроса о том, что сами защищаемые права человека выполняют функцию источников юридической природы защиты прав человека. Отсюда и вытекает допустимость тезиса о связующей роли права человека на правовую защиту в системе «защита прав человека – права человека». В связи с этим обстоятельством мы утверждаем, что юридическая природа защиты прав человека концентрирует в себе основные юридические свойства самих прав человека. Такой вывод заметно повышает правовой, социальный и нравственный статус всего института защиты прав человека.

В системе защиты прав человека особую роль играют права человека. Они в решающей степени предопределяют все иные ее компоненты и свойства. Именно они в конечном счете обуславливают факт существования самого института защиты; выступают объектом его правообеспечительного воздействия; содержат в себе основной инструмент защиты – право человека на правовую защиту, обеспеченного соответствующими обязанностями международного сообщества, государств, общественных организаций и отдельных индивидов. Неразрывность прав человека с институтом защиты подтверждается и их он-

тологическим анализом, который в той или иной мере осуществлен нижеуказанными авторами. Прделанный ими анализ свидетельствует, что генезис прав человека одновременно есть и процесс становления их защиты, что в системе прав человека функцию их защиты призвано осуществить право человека на защиту и что право на правовую защиту – это особый и самостоятельный вид прав человека⁶⁴. Поэтому следует согласиться с бывшим председателем Федерального конституционного суда (ФКС) Германии Р. Герцогом, когда он пишет: «Понятие прав человека несет нагрузку и в плане их происхождения и защищенности»⁶⁵.

Смысл и назначение права человека на правовую защиту заключается в том, чтобы обеспечить сохранность каждого вида прав человека. Это, подчеркнем еще раз, означает, что в системе прав человека право на правовую защиту обладает свойством внутреннего системообразующего элемента⁶⁶ и в этом качестве стабилизирует и сохраняет ее. Более того, в порядке обратной связи оно не может не выражать юридическую природу прав человека как целостного правового явления. Данный вывод прямо подтверждается юридическими документами прошлого и настоящего. Так, например, уже в самых первых документах, провозглашающих права человека, устанавливалась и обязанность по их защите (Петиция о праве 1628 г. возлагала на короля обязанность защищать подданных от произвола королевской администрации⁶⁷) и иные специальные юридические гарантии (Хаббас корпус акт 1679 г. ввел понятие «надлежащей процедуры»,

---

⁶⁴ Подробнее об этом см.: Институт прав человека в России / Г.Н. Комкова, О.В. Шудра, Т.Г. Даурова и др.; Под ред. Г.Н. Комковой. Саратов, 1998. С. 58 и след.; Карташкин В.А. Права человека и вооруженные конфликты: Учебник для выс. военных учеб. заведений. М., 2001. С. 32 и след.; Общая теория прав человека... С. 12–17; Мордовец А.С. Указ. соч. С. 87; Нерсисянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М., 1997. С. 374; и др.

⁶⁵ Цит. по кн.: Общая теория прав человека... С. 15.

⁶⁶ О внутренних системообразующих факторах А.Н. Аверьянов замечает, что это «те факторы, которые порождаются объединяющимися в систему отдельными элементами, группами элементов (частями) или всем множеством» (см.: Аверьянов А.Н. Системное познание мира: Методологические проблемы. М., 1985. С. 59). В другом месте он пишет: «Постоянные, стабилизирующие факторы системобразования включают постоянные жесткие связи, обеспечивающие единство систем» (см.: Там же. С. 57).

⁶⁷ Цит. по кн.: Общая теория прав человека... С. 2.

установил гарантии неприкосновенности личности и принцип презумпции невиновности)⁶⁸. В настоящее время ст. 1 Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы закрепляет: «Каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, поощрять и стремиться защищать и осуществлять права человека и основные свободы на национальном и международном уровнях»⁶⁹.

В широком общесоциологическом смысле права (свободы) человека – это его естественно-социальные притязания на определенный объем благ и условий жизни (материальных и духовных), к удовлетворению которых он стремится и получению которых должны содействовать общество и государство⁷⁰. Как явление общественной жизни права человека имеют философскую, историческую, нравственную, юридическую и иные стороны. Отмечая многоаспектность прав человека, А.Л. Адамишин в своем выступлении на международной конференции, посвященной пятилетию вступления России в Совет Европы, говорил: «Права человека – это область, впитывающая в себя фактически все: философию жизни, экономическое, социальное развитие, взаимоотношения между государством и личностью, становление самой личности. Это то, что определяет лицо общества, его эволюцию»⁷¹.

Юридическая природа прав человека, как правило, увязывается специалистами с их выраженностью в официальной, документально-письменной форме. Это позволяет спроецировать юридические свойства объективного права на права человека, в

---

⁶⁸ Карташкин В.А., Лукашева Е.А. Вступительная статья // Международные акты о правах человека: Сб. док. М., 2000. С. 7–8.

⁶⁹ Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы (принята резолюцией 53/144 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1998 г.) // Там же. С. 406.

⁷⁰ В научной литературе, посвященной правам человека, часто игнорируется роль и значение самого индивида в защите своих прав. См., напр.: Права человека: Учебник для вузов... С.13.

⁷¹ Адамишин А.Л. К пятилетию вступления России в Совет Европы. Проблемы прав человека в СССР и России // Россия и Совет Европы: 5 лет вместе. Международная конференция. Москва, 15–17 мая 2002 г. / Под ред. К.Х. Каландарова. М., 2002. С. 8.

том числе и на право человека на правовую защиту. Отсюда и такие дефиниции «права человека на защиту»: «право на защиту права есть предусмотренная Конституцией РФ и другими законами возможность человека использовать для защиты своего права собственные разрешенные законом принудительные действия или обратиться в компетентные государственные либо международные органы (организации) с требованием принудить обязанное лицо к правомерному обязательному поведению»⁷².

В результате юридическая природа прав человека, в том числе и право на правовую защиту, сводится к таким свойствам, как кодифицированность, общеобязательность прав человека, публичность, их нормативность и обеспеченность (защищенность) как международным, так и государственно-правовым принуждением и др. При этом одни авторы ограничиваются указанием на закрепление прав человека только в соответствующих международных источниках⁷³, другие же считают необходимым их закрепление как в международных, так и во внутригосударственных актах⁷⁴.

Следовательно, некодифицированные притязания человека, то есть не вошедшие в документально оформленный перечень соответствующих стандартов и процедур, не имеют юридической значимости и должны квалифицироваться как социальные, то есть не имеющие юридического значения, права. Именно это и дает основания говорить о том, что действующее законодательство является источником юридической природы прав человека.

При рассмотрении под таким углом зрения права человека чаще всего определяются как «совокупность правовых норм, закрепленных в законодательстве страны, гарантированных государством, обеспечивающих человеку свободу самоопределения, возможность удовлетворения его жизненно важных потребностей и интересов»⁷⁵.

---

⁷² См.: Стремоухов А.В. Правовая защита человека: Теоретический аспект... С. 31.

⁷³ См.: Карташкин В.А. Права человека и вооруженные конфликты... С. 4.

⁷⁴ См.: Общая теория прав человека... С. 19.

⁷⁵ Крупеня Е.М. Права человека в законодательстве и практике Российской Федерации // Право и права человека: Сб. науч. тр. юрид. фак. МПГУ / Отв. ред. Л.И. Глухарева. М., 1998. Кн. 1. С. 44.

Роль и значение объективного права в возведении прав человека в статус юридических переоценить трудно. По этому поводу Н.И. Матузов пишет: «Ведь даже и “прирожденные” права без закрепления и гарантирования их позитивным законодательством соответствующих государств могут оказаться голыми констатациями»⁷⁶. Поэтому надо всемерно способствовать тому, чтобы все права человека были бы закреплены в объективном праве. Однако в реальной действительности такого положения вряд ли можно когда-нибудь добиться. Поэтому увязывание юридической природы прав человека исключительно с фактом их нормативно-юридического закрепления настораживает многих авторов. Это и подвигает некоторых из них к попыткам отрицания такой связанности.

Анализ соответствующей литературы показывает, что сложилось два направления, в рамках которых и осуществляются указанные попытки.

Особенностью первого направления является расширение юридической природы прав человека путем отождествления ее со всеми требованиями личности. Так, например, К.Б. Толкачев и А.Г. Хабибуллин полагают, что права человека – «это требования личности, обусловленные уровнем развития общественных отношений и направленные на пользование определенными благами, необходимыми для обеспечения социальных, а также природных свойств индивида»⁷⁷.

Специфика второго направления заключается в стремлении ее представителей обосновать тезис о том, что юридическая природа прав человека вытекает исключительно из их характеристики как субъективных прав человека, при этом имеется в виду несводимость юридической природы субъективного права к объективному⁷⁸. Последовательно отстаивая этот тезис, В.С. Эбзеев приходит к выводу: «Права человека – это такие права, которые принадлежат каждому члену гражданского общества в отличие от привилегий, распределявшихся в зависимости от занимаемого индивидом на социальной лестнице места»⁷⁹.

---

⁷⁶ Матузов Н.И. Право и личность // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 246.

⁷⁷ Толкачев К.Б., Хабибуллин А.Г. Указ. соч. С. 44.

⁷⁸ См., напр.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. С. 87.

⁷⁹ См.: Эбзеев В.С. Конституция. Демократия. Права человека. М.; Черкесск, 1992. С. 120.

С нашей точки зрения, приведенные подходы к пониманию юридической природы прав человека в одном случае идеализируют регулятивно-юридический потенциал права человека (все притязания личности объявляются юридически значимыми, а следовательно, способными осуществлять юридически значимое воздействие на поведение юридически обязанных субъектов (К.Б. Толкачев, А.Г. Хабибулин)⁸⁰, а в другом – так и или иначе сводят его или только к объективной (В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева) или только к субъективной форме (Б.С. Эбзеев) бытия прав человека.

Думается, что отмеченная категоричность имеет, с одной стороны, мировоззренческие корни (стремление не допустить монополии организационно-властных структур в определении юридического содержания прав человека и, таким образом, воспрепятствовать монополизации государством правозащитной активности⁸¹), а с другой – отражает, во-первых, отсутствие в отечественном правоведении общепризнанного понимания соотношения объективного и субъективного права, а во-вторых, недооценку многими учеными значения решения этой проблемы для нужд юридической практики защиты прав человека. Последнее замечание связано с расширяющимся в правоведении мнением о том, что в «настоящее время категория естественных прав сохранилась в основном на уровне доктринальных разработок, а в практике конституционных судов отошла на второй план и уступила место позитивистской трактовке прав и свобод. В соответствии с теорией юридического позитивизма они действуют только в той мере и в таком объеме, в каком гарантируются конституцией и законами»⁸².

С приведенным взглядом трудно согласиться по следующим двум основаниям. Во-первых, некорректно отождествлять поня-

---

⁸⁰ Надо заметить, что мнение К.Б. Толкачева и А.Г. Хабибулина разделяют и другие ученые. См., напр.: Фарбер И.Е. Указ. соч. М., 1979. С. 76; Кучинский В.А. Личность, свобода, право. М., 1978. С. 29; и др.

⁸¹ Такие тенденции со стороны государства замечены в науке (см.: Алексеев С.С. Право: Азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 614).

⁸² См.: Ледах И.А. Опыт функционирования механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина в зарубежных государствах // Общая теория прав человека / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1996. С. 346.

тие прав человека с их гарантированием. Во-вторых, согласие с указанной точкой зрения вольно или невольно, но в обязательном порядке приведет к затуханию новой для отечественного суда функции – функции правотворчества, в то время как именно с ее расширением многие авторы связывают процесс реформирования и дальнейшего развития национального права. Так, например, О.Н. Василенко пишет: «...Для современной России особое значение приобретают проблемы судебного правотворчества. Принципиальная допустимость и пределы судебного правотворчества являются достаточно подвижными, изменяемыми категориями, которые образуют в различных правопорядках разные, подчас уникальные, комбинации. Каковы основные характеристики современного российского судебного правотворчества, его интеллектуальные источники и правовые формы, а также возможные перспективы, степень их желательности для формирующейся правовой системы России – эти вопросы по степени актуальности выходят на передний план и нуждаются, прежде всего, в теоретическом осмыслении»⁸³.

Аналогичное значение естественно-правовой потенциал прав человека имеет и для правоинтерпретационной деятельности судов, и в первую очередь, Конституционного суда Российской Федерации. «Интерпретатор Конституции поставлен перед необходимостью пройти между Сциллой позитивизма и Харибдой естественного права, своими решениями обеспечивая равновесие индивидуального (личность) и коллективного (коллектив, общество, государство) начал организации социума»⁸⁴.

Конечно, теория правосудия от практики правосудия, равно как и практика от теории, чаще всего отстоят на нежелательно почтительном расстоянии. Однако в связи с тем, что «изменения прошедших лет привели к тому, что произошел откат от позитивизма к реанимации теории естественного права»⁸⁵ (а не

---

⁸³ Василенко О.Н. Проблемы онтологии и эволюции правосудия и форм права: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2000. С. 4.

⁸⁴ Эбзеев В.С. Толкование Конституции Конституционным судом Российской Федерации // Право и права человека: Сб. науч. тр. юрид. фак. МПГУ / Отв. ред. Л.И. Глухарева. М., 1998. Кн. 1. С. 5.

⁸⁵ Романовский Г.Б. Способы нормативного закрепления естественных прав человека // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: В 2 т. Н. Новгород, 2001. Т. I. С. 358.

наоборот, как утверждает И.А. Ледах в своем вышеприведенном высказывании), можно надеяться на то, что права человека выступают тем объединяющим началом и общим знаменателем, которые сведут юридическую науку и практику к обоюдной пользе.

Поэтому мы полагаем недостаточным, по сути, ограничение понимания юридической природы прав человека, в том числе и права человека на защиту, позитивной формой их выраженности. Представляется, что более перспективный подход в решении этого вопроса состоит в признании того, что, как замечает Л.Д. Воеводин, «юридическая природа конституционных прав и свобод может быть раскрыта и понята лишь в сопоставлении объективного права как совокупности норм и субъективного права»⁸⁶. При этом следует обратить внимание на то, что «признание и законодательное закрепление естественных прав человека придает делению права на объективное и субъективное новое звучание и значение»⁸⁷.

По нашему мнению, это новое звучание заключено в том, что права человека в их собственно юридическом значении с необходимостью вбирают в себя важнейшие черты как объективного, так и субъективного права, при этом они оказываются несводимы ни к первому, ни ко второму. Именно поэтому их нельзя назвать или только субъективными, или только объективными, хотя они и поддаются интерпретации с этих сторон.

С нашей точки зрения, своеобразие юридической природы прав человека в решающей степени связано с тем, что они, помимо всех иных качеств, являются всегда субъективными публичными правами. Это означает, что субъективность прав человека, выраженная в неотчуждаемой принадлежности фундаментальных прав человека человеку, всегда оказывается связанной с их качеством как публичных прав, то есть таких прав, которые определяют порядок взаимоотношения личности и государственной власти. Иными словами, права человека как субъективные публичные права обозначают и меру автономности, независимости личности от государства, и совокупность требований, предъявляемых этой личностью к организации и осуществлению госу-

---

⁸⁶ См.: Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М., 1997. С. 152–153.

⁸⁷ См.: Матузов Н.И. Право и личность... С. 252.

дарственной власти. Именно поэтому права человека оказываются способными выступить правовой формой взаимоотношений личности и государства. Исходя из этого свойства прав человека Л.И. Глухарева пишет: «Права человека как субъективные публичные права выступают безусловным основанием организации государственно-политического пространства, с ними постоянно должна соизмеряться деятельность государственных органов, именно они выступают легитимирующим источником властных функций государства. Негосударственное и внеюридическое происхождение прав, обоснование ими государственных полномочий требуют соответствующего уважения и гарантированности их со стороны государства. И как следствие, они трансформируются в обязанность государственной власти закрепить права в позитивных законах, создать механизмы их реализации и защиты посредством эффективных юридических процедур»⁸⁸.

Вопрос об источниках юридической природы прав человека лежит в плоскости их генезиса, логика которого нерасторжимо, органически увязана с формированием организационно-правового обеспечения каждого права, и прежде всего, права человека на правовую защиту. Если «изначальным, первичным, побудительным мотивом и обстоятельством при формировании прав и свобод человека, которым общество должно следовать, является требование отражения в законах естественной природы человека»⁸⁹, то следующий мотив должен побуждать к созданию организационно-правовых условий реализации прав человека. «Такое утверждение, – пишет Г.Б. Романовский, – влечет за собой несколько конкретных последствий. Если в природе предусмотрены некие естественные права, которым должно следовать общество и государство, задача законодателя сводится к тому, чтобы выявить эти права, закрепить их в нормативных актах, предусмотреть гарантии их выполнения. Правоприменитель соответственно также должен неукоснительно следовать им, реализовывать их в своей деятельности»⁹⁰.

---

⁸⁸ Глухарева Л.И. Права человека: Предмет учебного курса // Право и права человека: Сб. науч. тр. юрид. фак. МПГУ / Отв. ред. Л.И. Глухарева. М., 1998. Кн. 1. С. 55.

⁸⁹ Воеводин Л.Д. Указ. соч. С. 65.

⁹⁰ Романовский Г.Б. Указ. соч. С. 359.

В связи с последним обстоятельством не будет лишним напомнить научно-обоснованный вывод о том, что становление права в целом всегда шло по пути первоочередного признания права на защиту индивидуальных прав человека⁹¹.

И.А. Ильин писал: «Основная задача положительного права состоит в том, чтобы принять в себя содержание естественного права, развернуть его в виде ряда правил внешнего поведения, приспособленных к условиям данной жизни и к потребностям данного времени, придать этим правилам смысловую форму и словесное закрепление и, далее, проникнуть в сознание и к воле людей в качестве авторитетного связующего веления... Положительное право есть целесообразная форма поддержания естественного права»⁹². Развивая эту мысль, С.С. Алексеев пишет: «Перед нами, стало быть, – новое в сфере юридических явлений, когда явления из области субъективных прав *возвышаются до уровня объективного права*. Право человека, таким образом, в качестве своей основы и сути включает субъективные права человека, которые как бы распространяют на объективное право свою духовную силу и которые, со своей стороны, сами выступают уже в лоне и под эгидой объективного права. И потому субъективные права человека не только становятся критерием, своего рода камертоном построения и настройки всего содержания юридической системы, всех ее подразделений (в том числе и тех, которые направлены на обеспечение порядка и организованности в общественной жизни), но также – что не менее существенно – становятся юридическими субъективными правами и, стало быть, оснащенными юридическими средствами и механизмами по их реализации»⁹³.

В приведенных высказываниях И.А. Ильина и С.С. Алексеева содержится ответ на наш вопрос о юридической природе прав человека, но он требует соответствующих пояснений относительно взаимосвязи объективного и субъективного права как юридических форм бытия прав человека.

---

⁹¹ См.: Явич Л.С. Сущность права... С. 10; Радько Т.Н. Социальное назначение права и юридическая ответственность (некоторые аспекты взаимосвязи) // Проблемы юридической ответственности и исполнения наказания в свете Конституции СССР. Рязань, 1981. С. 9; и др.

⁹² Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 58.

⁹³ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 658.

По общему признанию, объективное право – это «специфическое институциональное нормативное образование»⁹⁴, охватывающее действующее в обществе законодательство, понимаемое в широком смысле. Объективность такого рода права выражается в том, что «нормы права создаются и действуют независимо от воли отдельных лиц»⁹⁵. Объективное право абстрактно, то есть персонифицировано, поскольку состоит из общих правил поведения, которые и защищаются принудительной силой государства. В этом заключается его юридически значимый нормативно-регулятивный потенциал. И в этом же кроется и его ограниченность, так как без субъективного права оно не может быть реализовано. «Объективное право, – утверждает Н.И. Матузов, – не может быть реализовано без субъективного»⁹⁶. Иными словами, для того чтобы объективное право выполнило свое юридическое назначение – регулирование общественных отношений, необходимо субъективное право. Этим и объясняется признанный в правоведении тезис о том, что субъективное право, «то есть право отдельных лиц, составляет совершенно необходимое понятие правовой системы и правовой науки»⁹⁷. Необходимо оно и для понимания прав человека, поскольку, по выражению А.С. Мордовеца, «существенным элементом понятия прав человека является категория субъективного права...»⁹⁸.

Тесная связь объективного и субъективного права не должна приводить к стиранию отличий между ними. «Действительная грань между объективным и субъективным правом, – пишет Л.С. Явич, – пролегает в плоскости абстрактного и конкретного, персонифицированного и персонифицированного, институтированного и не подлежащего институтированию, сравнительно ограниченного числа норм и практически бесконечного числа наличных прав»⁹⁹.

---

⁹⁴ Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 83.

⁹⁵ См.: Теория права и государства / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова. М., 1997. С. 224.

⁹⁶ Матузов Н.И. Право и личность... С. 253.

⁹⁷ См.: Кечежян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1959. С. 48.

⁹⁸ Мордовец А.С. Указ. соч. С. 28.

⁹⁹ См.: Явич Л.С. Сущность права... С. 95.

Субъективное право – это мера возможного или должного поведения человека в юридически значимой ситуации. И здесь важно подчеркнуть, что применительно к понятию «субъективное право» вопрос об источниках его юридической природы отходит на второй план, а точнее, поглощается его содержанием. Данное понятие в своей предельной обобщенности абстрагируется от этого вопроса и концентрируется на проблеме субъектной принадлежности. «Критерий субъективности, – приходит к выводу Н.И. Матузов, – заключается не в способе возникновения тех или иных прав»¹⁰⁰. Субъективность субъективного права обусловлена его неотчуждаемой принадлежностью конкретному субъекту, которое неотделимо от субъекта и принадлежит ему как правовому существу. В этом проявляется одна из его важнейших особенностей. Она и позволяет видеть в нем ту первичную форму, в которой, с одной стороны, отвлеченные от индивида свойства «абстрактного» человека (природные, духовные и др.) осознаются личностью и идентифицируются ею как собственные притязания, а с другой – эти притязания признаются в качестве таковых обществом, всеми людьми. Субъектная принадлежность «человеческих» притязаний человеку и их признание международным сообществом и государством и есть суть и источник юридической природы прав человека. «Чтобы превратиться в право, притязание, с одной стороны, должно выступить как собственное для правового существа, а с другой стороны – как признанное другими правовыми существами, обществом в целом. Диалектика собственности и признанности является внутренним источником формирования права и непосредственным выражением природы права»¹⁰¹, – пишет В.П. Малахов.

Всеобъемлющим актом, который переводит права человека из доюридического состояния в юридическое, является акт взаимного признания и уважения государством личности и личностью государства. В этой связи необходимо подчеркнуть следующий нюанс. Признание прав человека означает и реализацию притязания человека на их защиту.

Как правило, акт признания прав человека выражается в принятии обществом демократической конституции, которая и

---

¹⁰⁰ См.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. С. 86.

¹⁰¹ См.: Малахов В.П. Указ. соч. С. 34.

закрепляет взаимоуважение и признание прав личности и государства. В Российской Федерации таким актом взаимного доверия стала принятая Постановлением ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г. Декларация прав и свобод человека и гражданина. В ее преамбуле зафиксирована сама суть взаимного уважения и признания, состоящая в том, что права человека признаются высшей ценностью общества и государства. «Утверждая права и свободы человека, его честь и достоинство как высшую ценность общества и государства, отмечая необходимость приведения законодательства РСФСР в соответствие с общепризнанными международным сообществом стандартами прав и свобод человека, Верховный Совет РСФСР принимает настоящую Декларацию»¹⁰².

Таким образом, в объективном и субъективном праве юридическая природа прав человека находит свое логическое продолжение и закрепление. Но ее первоисточником выступает сам человек. В этой связи можно предположить, что между человеком, с одной стороны, и субъективным и объективным правом, с другой, существует некая правовая реальность. В науке эта правовая реальность зафиксирована и обозначена как понятие «абсолютное естественное субъективное право человека». «Абсолютное естественное субъективное право, — пишет Е.Б. Хохлов, — по-видимому, вовсе не имеет юридического источника — оно имеет своим основанием современного человека как своего носителя... Следовательно, — продолжает он, — абсолютное естественное субъективное право является источником как для объективного, так и для субъективного трудового права»¹⁰³. Наличие абсолютных естественных прав признают и другие ученые. Так, например, Н.И. Матузов и А.В. Малько пишут: «Право собственности — абсолютное естественное субъективное право, определяющее многие другие гражданские, личные и политические права»¹⁰⁴. Основной отличительный признак абсолютных прав заключается в невозможности их ограничения. «...Права и свободы человека, — пишет С.В. Ба-

---

¹⁰² Постановление ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г. «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // ГАРАНТ — максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

¹⁰³ См.: Хохлов Е.Б. Субъективное трудовое право в системе права // Правоведение. 1996. № 2. С. 12.

¹⁰⁴ Матузов Н.И., Малько А.В. Правовое стимулирование в условиях становления рыночных отношений // Государство и право. 1995. № 4. С. 16.

хин, — можно подразделить на права, которые могут быть ограничены, и абсолютные права, то есть права, не подлежащие никаким ограничениям»¹⁰⁵. При этом в первую очередь речь идет о гражданских правах, закрепленных в Международном пакте о гражданских и политических правах. В перечне этих прав находит свое место и право человека на правовую защиту. Причем это право закрепляется двумя способами, но в обоих случаях оно неотторжимо от объектов защиты — гражданских и политических прав. Так, в п. 3 ст. 2 Пакта право человека на правовую защиту зафиксировано как обособленное, самостоятельное право. Однако в последующих статьях этого Пакта право на правовую защиту «привязано» к конкретным гражданским и политическим правам человека. В качестве примера можно привести ст. 17, состоящую из двух пунктов, в которых записано: «1. Никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательством на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательством на его честь и репутацию. 2. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств»¹⁰⁶. Таким образом, можно сделать вывод о том, что качество абсолютного права право человека на правовую защиту приобретает в силу абсолютности защищаемого законом права человека.

По нашему мнению, правовая природа абсолютных естественных прав человека есть сложное диалектическое выражение личной свободы и личной ответственности человека перед самим собой и другими людьми, государством, обществом и всем международным сообществом. Такое «естественное право абсолютно не обусловлено ни временем, ни местом. Оно существовало бы и было бы тем же самым, если бы даже Бога вовсе не существовало», — отмечал русский ученый-юрист Н.М. Коркунов¹⁰⁷.

Из этих начал и вытекает юридическая природа прав человека, в том числе и право человека на правовую защиту.

---

¹⁰⁵ Бахин С.В. О классификации прав человека, провозглашенных в международных соглашениях // Правоведение. 1991. № 2. С. 46.

¹⁰⁶ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 1966 г.) // Международная защита прав и свобод человека: Сб. док. М., 1900. С. 40. Ст. 17.

¹⁰⁷ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1898. С. 19.

При этом, конечно же, абсолютность абсолютного естественного субъективного права человека относительна. «Оно, — пишет В.Ф. Яковлев, — абсолютно не само по себе, а в сопоставлении с другими субъективными правами. Абсолютных, как и безграничных, прав вообще быть не может, каждое субъективное право, сколько бы полным и содержательным оно ни было, есть определенная мера дозволенного поведения»¹⁰⁸.

Отсюда видно, что проблема юридической природы защиты прав человека ближе всего располагается к субъективному праву.

«Что представляет собой субъективное право?» — задается вопросом В.С. Нерсисянц. И отвечает: «Это прежде всего признанная или предоставленная законом *возможность того или иного поведения*»¹⁰⁹.

В более развернутом плане субъективное право можно понимать как «принадлежащую управомоченному субъекту в целях удовлетворения его интересов индивидуально-конкретную властную меру дозволенного (возможного) поведения, обеспеченную соответствующими юридическими обязанностями других участников правоотношений, а также средствами и методами экономического, политического, организационного, идеологического, нравственного, юридического, технического, государственного и негосударственного воздействия»¹¹⁰.

Общепризнанно, что юридические свойства субъективного права выражаются: в его источниках; в конкретных властных правомочиях (право управомоченного на свои деяния, право требования, право притязания, право пользования социальным благом); в предусмотренных законом средствах и способах их осуществления.

Указанные выше юридические свойства объективного права в совокупности с юридическими свойствами субъективного права, понимаемые как формы материализации абсолютных естественных прав человека, предметно конкретизируют юридическую природу защиты прав человека.

---

¹⁰⁸ Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. С. 79.

¹⁰⁹ Нерсисянц В.С. Указ. соч. С. 377.

¹¹⁰ Селиванова О.Ю. Субъективное право: сущность, структура, ценность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 7.

Таким образом, можно констатировать, что проблема юридической природы прав человека, а следовательно, и института защиты прав человека – это проблема диалектического единства абсолютного естественного права человека с юридически значимыми свойствами объективного и субъективного права. Именно благодаря такому слиянию появляется возможность интерпретации прав человека, включая и право на правовую защиту как юридической материи. В этом качестве они обладают такими свойствами, как юридически значимая субъективность, публичность и неотчуждаемость, равная юридическая сила для всех и всюду, гарантированность и защищенность всей мощью международно-го сообщества и государства.

Важным юридическим признаком прав человека является их кодифицированность, то есть закреплённость в международно-правовых актах и в конституциях государств. По этой причине в правоведении и юридической практике не только Российской Федерации права человека обозначаются и другими словосочетаниями – «конституционные права личности», «основные права человека и гражданина», «основные права личности» и др.¹¹¹ Однако следует иметь в виду, что использование различной терминологии не влечет за собой изменений в перечне и структуре прав человека. Во всех случаях, когда речь идет о фундаментальных индивидуальных гражданских, политических, экономических, социальных и культурных правах и свободах, подразумеваются права человека¹¹². Эти права равноценны по своей значимости, едины (неразделимы) и взаимосвязаны между собой. Нет особых различий и между такими понятиями, как «основные права» и «права и основные свободы человека». Все эти понятия охватываются единой категорией – «права человека». Они и под-

---

¹¹¹ См., напр.: Права человека... С. 133; Конституция Российской Федерации. Ст. 2, 17, 55 и др.; Конституция Японии 1947 г. М., 1997. Ст. 13 и др.; и др.

¹¹² Показательным в этой связи является высказывание О.О. Миронова в беседе с А.И. Ковлером: «Считаю, что все права и свободы граждан равно значимы, и в этом плане я опираюсь на хорошо известные международные пакты 1966 г., само название которых как бы классифицирует права на пять групп: экономические, социальные, культурные, политические и гражданские, которые у нас в конституционном праве называются личными» (см.: Беседа главного редактора журнала «Государство и право» А.И. Ковлера с уполномоченным по правам человека РФ, доктором юридических наук, профессором О.О. Мироновым // Государство и право. 2000. № 2. С. 5).

лежат защите¹¹³. В этой связи удачным представляется предложение С.В. Бахина. Он пишет: «По смыслу самого термина основными должны быть признаны такие фундаментальные права, которые столь присущи человеку, что их соблюдение обязательно для каждого государства вне зависимости от того, является ли оно участником соответствующих соглашений по правам человека или нет. Иными словами, основными следует признать права человека, установленные общепризнанными нормами международного права и обязательные, таким образом, для государств, не участвующих в соответствующих универсальных соглашениях по правам человека»¹¹⁴.

Как обосновывалось выше, институт защиты прав человека основан на праве человека на правовую защиту, которое, сообразно своей специфике, преломляет в себе юридическую природу прав человека, а в более широком аспекте – фокусирует в себе диалектику естественных прав человека с объективным и субъективным правом. В результате чего можно констатировать, что юридическая природа защиты права человека характеризуется следующими свойствами: каждой личности от рождения принадлежит право на правовую защиту, которое является неотъемлемым и неотчуждаемым; право человека на правовую защиту универсально и основано на принципе формально-правового равенства всех на защиту своих прав; право человека на правовую защиту обязывает государство обеспечить его реализацию достаточными организационно-правовыми условиями; осуществление права человека на правовую защиту не должно нарушать права и свободы других лиц; право человека на правовую защиту должно соблюдаться всеми и в любой ситуа-

---

¹¹³ Очевидно, что такая практика сложилась в целях обеспечения эффективной защиты прав человека. В качестве примера этой очевидности можно привести замечание Б. Визера. Характеризуя систему прав человека с позиции законодательства Австрии, он пишет: «Конституция не вводит особых различий между основными правами, правами человека или (основными) свободами. Все эти философско-исторические понятия охватываются единым, строго позитивистским термином “конституционно гарантируемые права”, который в конституционном правопорядке Австрии является единственно значимым в отношении защиты прав человека» (см.: Визер Б. Защита прав человека в Австрии // Государство и право. 1993. № 1. С. 101).

¹¹⁴ Бахин С.В. Указ. соч. С. 47.

ции; право человека на правовую защиту может быть ограничено только законом и только в тех случаях, которые предусмотрены в соответствующих международно-правовых актах и конституциях государств. Конкретно-правовые характеристики этих свойств излагаются ниже.

§ 2. Регулятивная ценность института защиты прав человека

Регулятивная ценность института защиты прав человека отражает, с одной стороны, необходимость осуществления фактической защиты прав человека, а с другой – реальную возможность ее правового способа осуществления. Полномасштабное уяснение этого, казалось бы, сугубо теоретического положения является обязательным условием решения прикладных задач в области законотворчества и правореализации.

В отечественной юриспруденции учение о праве как о социальной ценности сложилось в конце 60-х – начале 70-х годов¹¹⁵. В рамках этого учения обособился и лично-ценностный аспект права¹¹⁶, который самым естественным образом нашел свое продолжение в современных исследованиях по аксиологической проблематике права человека на правовую защиту, в том числе и в плоскости различных отраслей права¹¹⁷.

В социологии под социальной ценностью принято понимать явления объективной действительности либо их свойства, спо-

---

¹¹⁵ См.: Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971; Шаламов М.П. Проблема социальной ценности и эффективности уголовно-процессуального права в свете решений XXV съезда КПСС // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. М., 1977. С. 89 и след.; Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Моршак Т.Г. Теоретические проблемы правосудия. М., 1979; Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. М., 1979; Рабинович П.М. Социалистическое право как ценность. Львов, 1985; и др.

¹¹⁶ См.: Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия...; Орзик М.Ф. Указ. соч.; Чхиквадзе В.М. Социалистический гуманизм и права человека. Ленинские идеи и современность. М., 1978; и др.

¹¹⁷ См.: Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985; Бережнов А.Г. Указ. соч.; Ляхов Ю.А. Новая уголовно-процессуальная политика. Ростов н/Д, 1992; Шадрин В.С. Указ. соч.; и др.

собные удовлетворять потребности и интересы субъекта, и потому необходимые и полезные для его существования и развития¹¹⁸. Иными словами, ценность – это полезность чего-либо для удовлетворения потребностей субъекта. Применительно к праву данное понятие «можно определить как его положительную значимость (роль) в удовлетворении потребностей субъектов»¹¹⁹. При этом в теории права и государства различают собственную и инструментальную ценность права.

Суть собственной ценности права заключается в его способности выражать собой справедливость и равенство, олицетворять в юридической форме свободу и ответственность человека, а специфика инструментальной ценности – в его способности регулировать общественные отношения, то есть в способности выступать средством, орудием, механизмом осуществления важнейших задач, стоящих перед обществом.

Однако не все авторы согласны с таким наиболее распространенным пониманием существа собственной и инструментальной ценности права. Так, П.М. Рабинович, рассматривая вопрос о соотношении инструментальной и собственной ценности права, утверждает прямо противоположное. Он пишет: «Вопрос о связи и соотношении инструментальной и собственной ценностей права может решаться на основе следующего положения: первая обуславливается тем, что распределяет (защищает) право, а вторая – как оно это осуществляет»¹²⁰.

С нашей точки зрения, ближе к истине С.С. Алексеев, полагающий, что «право в идеале (по определению) – это ценность, которая не присуща никакому другому социально-политическому явлению, ценность упорядоченной свободы человека, справедливости, консенсуса. . . . И именно в этом отношении право и является значительной, и притом – самостоятельной социальной ценностью»¹²¹. Инструментальную ценность права указанный автор увязывает с институциональным статусом права, благодаря чему право приобретает «набор весьма эффективных ре-

---

¹¹⁸ Попов С.И. Проблема происхождения и функционирования понятия ценностей в социологии // Социологические исследования. 1979. № 3. С. 42.

¹¹⁹ Рабинович П.М. Указ. соч. С. 10.

¹²⁰ Там же. С. 30.

¹²¹ Алексеев С.С. Право: Азбука – теория – философия... С. 345.

гулятивных свойств. А это значит, что оказалось возможным использование права с его свойствами как орудия, инструмента, средства для решения разнообразных задач...»¹²².

Приведенные рассуждения применимы и к существу юридического основания института защиты прав человека. Однако путь к уяснению регулятивной ценности права человека на правовую защиту и, следовательно, всего института защиты прав человека лежит через установление и анализ соответствующей характеристики прав человека в целом.

Собственная ценность прав человека заключается в том, что они аккумулируют и выражают собой притязания человека на такие блага (материальные и духовные полезности), которые обеспечивают ему достойный уровень жизни. При этом собственная ценность прав человека выражается как в том, что они «не “дар” законодателя, а социальные возможности, обеспечивающие человеку определенный стандарт жизни»¹²³, так и в том, что «законодатель не может искусственно “занижать” или “завышать” объем прав и свобод; он связан принципами и нормами естественного права, условиями социальных взаимосвязей людей»¹²⁴.

Собственную ценность прав человека можно рассматривать и как результат сложения положительной значимости каждого вида прав человека.

Вместе с тем следует иметь в виду, что права человека приобретают собственную ценность только тогда, когда они реально «работают», достигая тех целей, во имя которых и в связи с которыми они только и существуют. А это и теоретически, и практически возможно только в том случае, если они выражены институционально, то есть завоевали право выступать в качестве реально действующего средства регулирования соответствующих общественных отношений. В этой связи, видимо, не будет преувеличением утверждение о том, что смысл борьбы за права человека заключается в борьбе за их инструментальную ценность.

Главное в инструментальной ценности прав человека состоит в их способности обязывать государство, общество и между-

---

¹²² Алексеев С.С. Право: Азбука – теория – философия... С. 344–345.

¹²³ См.: Общая теория прав человека... С. 34.

¹²⁴ Там же.

народное сообщество содействовать осуществлению правовых притязаний человека на блага. Это свойство полезности прав человека ставит их выше государства. При этом собственная ценность прав человека задает параметры такого рода содействия, выраженного в механизме реализации соответствующего права. «Формы, способы и стадии реализации каждого субъективного права, — пишет Е.А. Лукашева, — определяются его сущностью...»¹²⁵. Однако надо иметь в виду, что эта программирующая роль собственной ценности прав человека по отношению к инструментальной имеет доминирующее значение только в подлинно демократических государствах.

Российская Федерация провозгласила курс на построение правового государства, а следовательно, признала, что права человека обладают регулятивной ценностью. Поэтому полное и адекватное закрепление прав человека в нашем законодательстве означает и последующее нормативно-юридическое оформление присущих им ценностей, в том числе и регулятивных.

Таким образом, можно констатировать, что собственная и инструментальная ценности прав человека — это именно свойства прав человека, выражающие их полезность как для каждого отдельного человека, так и для общества в целом. В этих свойствах и заключена, по нашему мнению, поистине революционно-преобразующая роль прав человека в законодательстве Российской Федерации. Через международно-правовые механизмы, законотворческую деятельность органов государства они, хотя и с трудом, но все-таки «материализуются» в нашем праве. В целом же реализация данных свойств прав человека в национальной системе права — это показатель ее зрелости, культурности и демократичности.

Право человека на правовую защиту обладает как собственной, так и инструментальной ценностью. Это означает, что и весь институт защиты прав человека имеет соответствующие ценностные свойства.

Собственная ценность права человека на правовую защиту заключается в том, что оно является международно-правовым стандартом утверждения каждым своего человеческого достоинства. И этот стандарт именно правовой, поскольку складывается

---

¹²⁵ Общая теория прав человека... С. 34–35.

на основе принципа формального равенства людей на защиту правовым законом. Все иные способы, формы и виды защиты, не выражающие собой правового равенства (формального равенства в свободе и ответственности), не могут быть отнесены к правовой защите.

В более конкретной, юридической плоскости собственная ценность права человека на правовую защиту, с одной стороны, олицетворяет, во-первых, признание этого права в качестве именно права человека, во-вторых, действительную, реальную возможность осуществления человеком защиты своих прав именно правовым способом (юридически признанным и потому не унижающим его достоинство способом), а с другой – оно обуславливает фактом своего существования необходимость соответствующей системы правовых средств, с помощью которой и осуществляется это право на правовую защиту. В последнем случае право человека на правовую защиту высвечивается со стороны своей инструментально-регулятивной ценности.

В этой плоскости право человека на правовую защиту представляет собой сложный юридический механизм, который не без оснований может быть назван системой правозащитного регулирования общественных отношений и определен как совокупность взаимосвязанных форм, приемов и иных средств осуществления защиты прав и свобод человека.

Наличие инструментальной ценности у права человека на правовую защиту объясняется тем, что «конституционно-правовое закрепление основных прав и свобод, не будучи одновременно оснащенным эффективным механизмом защиты этих прав, становится не более чем популистской декларацией»¹²⁶. В этой связи нельзя не согласиться с тезисом о том, что каждое право человека должно охватываться единой системой правового регулирования их защиты¹²⁷. Такая система как раз и есть проявление и организационно-правовое оформление инструментальной ценности права человека на правовую защиту.

---

¹²⁶ Калинина Т.М. Правозащитная система: опыт зарубежных стран и технико-юридические стандарты международного права // Законотворческая техника современной России: Состояние, проблемы, совершенствование: В 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 2. С. 70.

¹²⁷ См.: Романовский Г.В. Указ. соч. С. 363.

К числу особенностей инструментальной ценности защиты права человека следует отнести: а) его нормативную основу, которая представлена совокупностью международно-правовых стандартов в области защиты прав человека, а также соответствующими нормами конституций государств и специальных законов; б) включенность в него набора средств правовой защиты, обеспечивающего исполнимость права человека на правовую защиту; в) соответствие содержания, форм осуществления и гарантий этого механизма правам всех участников процедуры правовой защиты; г) подконтрольность механизма осуществления права человека на правовую защиту.

Осуществленный общетеоретический анализ содержания собственной и инструментальной ценности права человека на правовую защиту свидетельствует о том, что в своей совокупности эти ценности сообщают всему институту защиты прав человека свойство юридического регулятора общественных отношений.

Таким образом, можно констатировать, что, во-первых, регулятивная ценность защиты прав человека вытекает из собственной и инструментальной полезности права человека на правовую защиту, а во-вторых, она находит предметное выражение в совокупности правовых средств обеспечения осуществления этого права, что в упорядоченном виде представляет не что иное, как систему правового регулирования тех общественных отношений, которые складываются и функционируют по поводу и в связи с реализацией права человека на правовую защиту.

С позиции признания предложенного понимания регулятивной ценности защиты прав человека появляется возможность обособить основные контуры теоретической модели такого рода системы правового регулирования. При этом необходимо подчеркнуть, что речь идет о таком виде правового регулирования, которое представляет собой достаточно обособленную и самостоятельную структуру в правовой системе демократического общества, что эта структура не поглощается ее правоохранительным элементом, а предполагает адекватный особенностям своей сущности, юридической природе и регулятивной ценности набор нормативно-правового и организационно-правового инструментария практического воплощения, специфика которого выражается и в соответствующем понятийно-терминологическом аппарате. Поэтому, исходя из существа и логики излагаемого материала, данный вид

правового регулирования вполне обоснованно может быть назван правозащитным, поскольку он включает в себя такой набор правовых средств, которые, с одной стороны, выражают юридическую природу и регулятивную ценность защиты прав человека, а с другой – функционально предназначены для регулирования процесса осуществления права человека на правовую защиту.

Как отмечалось ранее, логика современного развития правовой системы РФ в значительной степени обусловлена необходимостью адекватного отражения в ней международных стандартов прав человека и правовых средств их защиты. Указанные тенденции обнаруживают себя практически во всех элементах правовой системы и отраслях российского права, а это, в свою очередь, предполагает глубокое научное «сопровождение» данных процессов, включающее как пересмотр традиционных проблем правоправедения, так и обоснование новых. Проблема модели правозащитного регулирования общественных отношений как раз и относится к числу нетрадиционных проблем, ранее не исследовавшихся правовой наукой.

Следует заметить, что термин «модель» (от лат. – *modulus*) обозначает меру или образец чего-либо. Применительно к понятию «правовое регулирование» данный термин был впервые использован С.С. Алексеевым. По его мнению, «модель правового регулирования» – это запрограммированная соответствующими задачами система юридических средств (особые формы, комплексы средств, юридические режимы), предназначенная для использования в любом случае, когда возникает потребность¹²⁸. При этом автор ставит знак равенства между понятиями «модель правового регулирования» и «система правового регулирования». Он пишет: «Модели (или системы) правового регулирования во многом сопряжены с задачами, которые ставятся перед людьми (государством, законодателями, гражданами) на данном участке жизни общества»¹²⁹. И если сопряженность моделей правового регулирования с задачами не вызывает сомнений, то тождество «моделей» и «систем» правового регулирования вряд ли допустимо, поскольку последняя обозначает собой целенаправленный и целостный, активно функционирующий срез всей реально существующей правовой системы общества. Этот срез включает в себя и модель пра-

---

¹²⁸ Алексеев С.С. Право: Азбука – теория – философия... С. 382.

¹²⁹ Там же.

вового регулирования в качестве необходимого и системообразующего элемента. И по отношению к системе правового регулирования этот элемент выступает своеобразной матрицей ее складывания и осуществления.

Модель правового регулирования — это закреплённая в нормативно-правовых предписаниях схема, логика результативного вмешательства права в общественную жизнь.

Формирование модели правового регулирования — процесс сложный, многосторонний, так или иначе отражающий основные политические, правовые, социальные, экономические, нравственные и другие характеристики конкретного общества. И поскольку модель правового регулирования — это своеобразная стратегия определения места и роли права в жизни общества (а следовательно, и государства в обществе), то государство берет под явный или скрытый контроль важнейшие вопросы ее законодательного оформления. Оно не может быть безразличным к стратегическим вопросам правового регулирования. И от того, каким с точки зрения политического режима является государство, в решающей степени зависит ценностная ориентированность модели правового регулирования. Именно здесь, по нашему мнению, кроются особенности современной российской модели правового регулирования, одну из которых удачно подметила И.А. Есипова. Обосновывая проблему правовой защищённости граждан от бездействия властных структур, она пишет: «Типичными для России являются ситуации, при которых государство вмешивается в жизнь общества там, где не должно этого делать, а там, где должно, — бездействует»¹³⁰.

Представляется, что такое положение не случайно и является предметным выражением господства чиновничьих интересов государственной власти в российской модели правозащитного регулирования. Также не вызывает сомнений и то, что такого рода модель входит в противоречие со ст. 18 Конституции РФ, которая гласит: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обесп-

---

¹³⁰ Есипова И.А. О правовой защите граждан от бездействия власти // Общество. Право. Власть: Межуз. сб. науч. тр. Волгоград, 1997. Ч. 1: Современные проблемы правовой реформы. С. 105.

печиваются правосудием». И тот факт, что государственная власть, государство игнорирует эти конституционные требования, а подчас и само нарушает их, свидетельствует о значительно заниженной роли права в жизни нашего общества и каждого человека. Преодоление этого «перекоса» – задача не одного дня, а целого периода, который и переживает Российская Федерация. Поэтому сегодня важно выявить и обосновать такие правовые механизмы, которые бы были пригодны для выполнения обозначенных задач и обеспечивали бы в последующем эволюционное развитие всей правовой системы. С нашей точки зрения, этой цели отвечает постановка вопроса о всемерном возвышении в общественном сознании и внедрение в соответствующие области юридической практики правозащитной модели правового регулирования.

Целесообразность и теоретическая допустимость использования в правовой науке и юридической практике (законотворческой и правореализационной) понятия «правозащитная модель регулирования общественных отношений» имеет под собой широкое и достаточно глубокое основание, которое охватывает философию прав человека, учение о правозащитном регулировании общественных отношений, а также соответствующие области юридической практики развитых демократических государств.

Правозащитная модель регулирования общественных отношений складывается под воздействием цели, стоящей перед ней. Эта цель должна, с одной стороны, отражать в себе смысл существования естественных прав человека, с другой – в идеальной форме программировать результат их действия. Под влиянием этой же цели формируются и правовые средства ее достижения.

Правозащитная модель правового регулирования общественных отношений предполагает, во-первых, провозглашение права каждого человека на правовую защиту как цели всей правовой системы. Данное замечание имеет принципиальное значение, ибо, и на это обстоятельство уже было обращено внимание выше, ставит государство, его правоохранительные органы в подчиненное положение по отношению к правам человека. В этой связи представляется не случайным высказывание А.Г. Братко о том, что правоохранительная система – «это соответствующая идеям правового государства совокупность государственно-правовых средств, методов и гарантий (охранительная функция правовой системы, правоохранительная деятельность, юридические нормы и правоотношения, правоохрани-

тельные органы и законность, правосознание и правовая культура), обеспечивающих защиту прав и свобод граждан, интересов общества и государства от противоправных посягательств»¹³¹.

Конечной целью правозащитной системы выступает состояние защищенности прав человека. Идеальным выражением этого состояния является правовая комфортность носителя прав человека.

Состояние защищенности прав человека, являющееся целью правозащитного регулирования, программирует и правовые средства его достижения. В модели правозащитного регулирования эти правовые средства представляют собой тот набор юридического инструментария, действие которого в обязательном порядке должно привести в ожидаемому результату – состоянию правовой защищенности личности.

Правовые средства, как структурно-функциональные компоненты правозащитной модели правового регулирования общественных отношений, по формам и месту своего существования в правовом регулировании имеют самые разнообразные характеристики. Это и нормативно-правовые предписания, юридические факты, субъективные права и обязанности, правомерное поведение, правоотношения и т. д. Особое место в модели правозащитного регулирования занимают такие элементы, как формы и средства защиты. От полноты их закрепления в действующей системе права и их включенности в правореализационный процесс защиты, по существу, зависит результативность правозащитной модели регулирования.

При анализе форм защиты прав человека следует учитывать особенности их взаимосвязи со средствами защиты как со своим содержанием. Главное здесь заключается в том, что содержание, будучи определяющей стороной целого, представляет единство всех составных элементов объекта, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций, а форма есть способ его существования и выражения вовне¹³².

В самом широком плане под формой защиты прав человека надо понимать порядок их защиты¹³³. В последующих параграфах это

---

¹³¹ Братко А.Г. Правоохранительная деятельность и применение права // Проблемы обеспечения законности в механизме правоприменения: Тез. докл. Волгоград, 1991. С. 64–65.

¹³² См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 621.

¹³³ См.: Воеводин Л.Д. Указ. соч. С. 279.

понятие будет рассмотрено более подробно. Здесь же отметим, что в специальной литературе выделяют такие формы защиты прав человека, как судебная и внесудебная. «Под судебной формой защиты следует понимать рассмотрение споров, дел о защите нарушенных или возможных быть нарушенными правах и законных интересах физических и юридических лиц в любом суде Российской Федерации [федеральный, конституционный (уставный), мировой судья]. Под внесудебной формой защиты прав и законных интересов следует признать порядок рассмотрения жалоб, заявлений, обращений и т. д. административными органами, органами прокуратуры, уполномоченным по правам человека, общественными объединениями, а также нотариальная форма»¹³⁴. К вышеперечисленным формам внесудебной защиты надо отнести и самозащиту¹³⁵.

Закрепленные в законодательстве формы защиты прав человека определяют порядок, согласно которому лицо, управомоченное на осуществление защиты прав человека, использует средства защиты. В этом и заключается их (форм) регулятивное значение в правозащитной модели.

Средства правовой защиты как элемент правозащитной модели, хотя и приобретают юридическую природу путем законодательного закрепления той или иной формы защиты, тем не менее обладают известной самостоятельностью и выполняют в правовом регулировании свою, присущую только им, функцию – функцию общей и конкретной превенции. Поэтому они должны быть соизмеримы с ценностями, которые защищаются ими, а их применение должно быть неотвратимо. Только в этом случае оправдывается их существование в системе защиты прав человека.

Средства правовой защиты – это инструменты принудительного обеспечения права человека на правовую защиту. Они включают в себя как меры защиты, так и меры юридической ответственности. Надо заметить, что имеющееся в литературе чрезмерное преувеличение различий этих, единых по своей сути, средств принуждения привело наряду с позитивными и к негативным последствиям. Примером последних выступает известная теоретическая и практическая трудность подведения всего института прав

---

¹³⁴ См.: Шубина Т.Б. Указ. соч. С. 148.

¹³⁵ См.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 1970. С. 168.

человека под обеспечительное воздействие юридической ответственности. Благодаря этому, как подчеркивалось выше, создается возможность уклонения государственных чиновников от справедливого и сурового возмездия за нарушения прав человека.

Правозащитная модель, будучи идеальной конструкцией правозащитного регулирования, позволяет обосновать единую систему мер защиты и мер юридической ответственности, сориентировать их на достижение общей цели – состояние правовой защищенности человека – и таким образом включить их в арсенал действенных средств предупреждения нарушений прав человека, восстановления нарушенных прав, а также обосновать применение наказания за виновное, противоправное причинение ущерба носителям прав человека. «В арсенале правовых средств, выражающих государственную защиту прав и свобод человека, – пишет С. Колобова, – несомненно, важное место занимает реальная юридическая ответственность (прежде всего, должностных лиц) за ненадлежащее исполнение служебных обязанностей (или бездействие)»¹³⁶.

Правозащитная модель правового регулирования общественных отношений включает в себя и правовой результат данного воздействия, под которым следует понимать достижение целей этой модели, восходящих к смыслу существования прав и свобод человека.

На базе всесторонне обоснованных теоретических представлений о правозащитной модели регулирования прав человека появляется возможность осуществления широкомасштабных законодательных мероприятий, направленных на формирование должного режима «правового бытия» прав человека. В этой связи необходимо приветствовать предложения о необходимости разработки и принятия специального законодательного акта в форме Основ законодательства Российской Федерации о правах человека, определяющего задачи и конкретные цели развития правозащитного права, правозащитного законодательства, задачи и цели деятельности правозащитных учреждений¹³⁷.

---

¹³⁶ См.: Колобова С. Как защитить трудовые права? // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 36.

¹³⁷ См.: Мелешников А.В. Международно-правовая культура прав человека и проблема развития российской государственности // Московский журнал международного права. 1996. № 2. С. 42.

Раздел 2
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
И ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ
ПРАВООЩИТНОГО МЕТОДА
РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глава 1
СПЕЦИФИКА И СУЩНОСТЬ
ПРАВООЩИТНОГО МЕТОДА РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

---

§ 1. Учение о методе правового регулирования

Научные представления о защите прав человека как об особом методе правового регулирования общественных отношений базируются на тех теоретических положениях, которые в сумме называются учением о методе правового регулирования. Некоторые из них, имеющие фундаментальное, основополагающее значение для обоснования и последующего анализа правозащитного метода регулирования, в совокупности с полученными нами выводами относительно сущности, юридической природы и регулятивной ценности защиты прав человека образуют исходную, специальную методологию исследования за-

щиты прав человека в качестве метода регулирования общественных отношений.

«Метод правового регулирования» — это одна из сложнейших категорий правоведения. История ее обоснования и первых попыток научного осмысления в отечественном правоведении связана с развернувшейся в 1954–1958 гг. дискуссией о системе права. В ходе этой дискуссии выяснилось, что необходимо определить дополнительный критерий систематизации различных отраслей права. Таким критерием, по мнению большинства участников дискуссии, должен был стать метод правового регулирования. Однако на тот период времени представления о методе правового регулирования были самые расплывчатые. По этому поводу С.И. Вильнянский отмечал, «что в само понятие “метод регулирования” вкладывается различный смысл, и сторонники данного критерия не только по-разному понимают “метод регулирования”, но и неясно представляют себе, что относится к методу, а что — к предмету»¹³⁸.

В рамках этой же дискуссии были предложены основные варианты понимания метода правового регулирования, которые не потеряли своего гносеологического и прикладного значения до сих пор¹³⁹. Но и по сей день понятие «метод правового регулирования» во многом остается дискуссионным. Одни ученые полагают, что это инструмент в руках государства, с помощью которого оно убеждает, принуждает и поощряет граждан. Так, например, М.Д. Шаргородский и О.С. Иоффе пишут: «Под методом правового регулирования следует понимать специфический способ, при помощи которого государство на основе данной совокупности юридических норм обеспечивает нужное ему поведение людей как участников правоотношения»¹⁴⁰. Разделяя, по сути,

---

¹³⁸ Вильнянский С.И. К вопросу о системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 1. С. 104.

¹³⁹ Подробнее см.: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 76 и след. Различным аспектам теории и практики методов правового регулирования посвящены многие исследования таких ученых как С.С. Алексеев, В.М. Баранов, О.В. Баринов, М.И. Байтин, А.Г. Братко, А.М. Витченко, В.И. Гойман, О.О. Миронов, А.Б. Пешков, В.И. Протасов, А.И. Процевский, В.Д. Сорочкин, Л.Е. Стахеев, Ю.К. Толстой, Л.С. Явич, В.Ф. Яковлев и др.

¹⁴⁰ Шаргородский М.Д., Иоффе О.С. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 101.

такое понимание метода правового регулирования, В.М. Горшенев добавляет: «Для государственного управления в качестве организационных средств (орудий) власти выступает система органов и должностных лиц, а в качестве основных методов осуществления власти используются такие методы, как убеждение, поощрение и принуждение»¹⁴¹.

Другая группа ученых отрицает жесткую связь между методами правового регулирования государством и, таким образом, стремится перенести акцент в его понимании на специфику именно юридической формы воздействия на общественные отношения. Ярким представителем этой группы теоретиков выступает С.С. Алексеев. Он пишет: «Методы правового регулирования – это приемы юридического воздействия, их сочетание, характеризующее использование в данной области общественных отношений того или иного комплекса юридических средств воздействия»¹⁴². В числе таких общеправовых методов называют методы императивного и диспозитивного регулирования, которые, в свою очередь, подразделяются на отраслевые методы регулирования. По отношению к ним государство выполняет роль гаранта стабильности их функционирования.

Промежуточную позицию занимает Б.В. Шейндлин. С его точки зрения, метод правового регулирования – не просто способ, каким государство использует право воздействия на общество, но это еще и своего рода ограничитель функционирования государственной власти. По его мнению, метод правового регулирования – это «**основанный на принципах** (выделено нами. – Авт.) данной системы права способ воздействия государства посредством институтов права на определенные виды волевых общественных отношений»¹⁴³.

Уже из этого видно, что понимание метода правового регулирования во многом зависит от особенностей продекларированного или реально сложившегося соотношения права и государства. Как известно, видение проблемы соотношения права и государства в концентрированном виде отражает историко-право-

---

¹⁴¹ Горшенев В.М. Указ. соч. С. 12.

¹⁴² Алексеев С.С. Теория права. М., 1993. С. 156.

¹⁴³ Шейндлин Б.В. Сущность советского социалистического права. Л., 1959. С. 116.

вой опыт человечества и конкретного общества, соответствует качественной характеристике их правового образа жизни. А из этого как раз и следует, что реальное состояние практики и теории метода правового регулирования напрямую зависит от того исторического пути, которое это общество выбрало и по которому оно движется. В этой связи высказывание В.В. Лазарева о том, что «пока Россия не знает своего места в историческом процессе, пока она не знает своего пути, трудно ожидать определенности и стабильности в способах правового регулирования»¹⁴⁴, надо воспринимать и как объяснение существующего положения дел в этой области правовой жизни России, и как признание того, что реально функционирующие способы правового регулирования – это верные указатели ее устремлений.

Разнообразие понимания должного и сущего в соотношении права и государства, может быть, одна из наиболее общих и, в известной мере, мировоззренческих причин, однако это далеко не единственная причина самых разноречивых мнений относительно того, что собой представляет метод правового регулирования и какие обстоятельства обуславливают наличие тех или иных его видов. Другая причина заключается в многообразии тех общественных отношений, которые регулируются правом, и в широком диапазоне механизмов, форм, приемов и иных средств их правового регулирования. В совокупности эти обстоятельства и позволяют интерпретировать понятие «метод правового регулирования» с самых, казалось бы, неожиданных точек зрения. Действительно, как только в сфере действия права появляется новый вид правоотношений, то сразу же ставится и вопрос об адекватном этим отношениям методе их правового регулирования¹⁴⁵. С другой стороны, если имеются основания для того, чтобы хотя бы один целостный элемент или группу элементов, входящих в формальный состав системы правового регулирования, обосновать в качестве способа или приема осуществления соответствующего содержания правового регулирова-

---

¹⁴⁴ Лазарев В.В. Запрет и дозволение как технико-юридические способы формулирования правовой нормы // Проблемы юридической техники / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 414.

¹⁴⁵ См., напр.: Маштаков К.М. Теоретические вопросы разграничения публичного и частного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 7.

ния, то сразу же появляется онтологическая и гносеологическая возможность постановки вопроса и о соответствующем методе, с присущими только ему структурой и порядком действия¹⁴⁶. Так, например, М.С. Строгович, исходя из общепризнанного тезиса о том, что правоотношение есть универсальный способ осуществления права, полагает возможным рассматривать его и в качестве метода правового регулирования¹⁴⁷. Если же под таким углом зрения рассматривать всю триаду общих правовых предписаний, их роль в формировании элементов системы правового регулирования, а также способы, которыми она (триада) воздействует на общественные отношения¹⁴⁸, то, по мнению В.Д. Сорокина, надо говорить о наличии единого метода правового регулирования, который и выражается в отраслевых системах правового регулирования¹⁴⁹. Но этот вывод В.Д. Сорокина, как оказалось, вовсе не исключает возможности и целесообразности исследования любого из элементов вышеназванной триады как самостоятельного метода правового регулирования¹⁵⁰.

---

¹⁴⁶ В этой связи можно полагать не случайным, а, наоборот, закономерным отмеченное обстоятельство. О наличии такой закономерности свидетельствуют следующие работы: Горшенев В.М. Указ. соч. С. 71 и след.; Гушин И.В. Метод нормативного регулирования права социального обеспечения // Советское государство и право. 1978. № 10; Кулапов В.Л. Рекомендательная норма и рекомендательный метод правового регулирования социалистических общественных отношений: взаимосвязь и соотношение // Вопросы теории государства и права: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1986. Вып. 7: Актуальные проблемы социалистического государства и права, законности и правопорядка. С. 56 и след.; Синюкова Т.В. Юридические гарантии как метод регулирования правового положения личности // Вопросы теории государства и права: Межвуз. сб. науч. работ. Саратов, 1991. Вып. 9. С. 150–160; Киселева О.М. Поощрительный метод правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000; и др.

¹⁴⁷ См.: Строгович М.С. Вопросы теории правоотношений // Советское государство и право. 1964. № 6. С. 53.

¹⁴⁸ См.: Алексеев С.С. Право: Азбука – теория – философия... С. 351.

¹⁴⁹ Сорокин В.Д. Метод правового регулирования. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 45 и след.

¹⁵⁰ См., напр.: Султыгов М.М. Запрет как метод правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 6–7. А по мнению А.В. Осипова, дозволения, предписания и запреты – это наиболее общие методы правового предписания (см.: Осипов А.В. Соотношение методов правового регулирования и реализации социалистического права // Актуальные вопросы советской юридической науки. Саратов, 1978. Ч. 1. С. 47).

Более того, если исходить из признания достаточной общности таких блоков (по выражению некоторых ученых — видов) правового регулирования, как нормативное и индивидуальное регулирование¹⁵¹, то нельзя не признать существования и функционирования и соответствующих им нормативного¹⁵² и индивидуального¹⁵³ методов.

Можно привести и другие мнения специалистов, которые в одних случаях прямо¹⁵⁴, а в других — косвенно¹⁵⁵, но так или иначе подтверждают тезис о многофакторной обусловленности метода правового регулирования, о его сложной природе и вытекающих отсюда проблемах классификации. Поэтому прав В.М. Ведяхин, когда утверждает, что «вопрос о выборе использования дозволительного или разрешительного типа регулирования, использования диспозитивных или императивных правовых норм зависит не только от характера регулируемых отношений...»¹⁵⁶. Очевидно, что проблема метода правового регулирования — это проблема сложной взаимосвязи средств правового регулирования и объекта их воздействия — общественных отношений. В этой связи представляется неслучайным вывод В.М. Горшенева о том, что при изучении правового метода надо условно выделять два аспекта: один отражает характеристику способов воз-

---

¹⁵¹ См.: Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980. С. 123.; Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Курс лекций. Екатеринбург, 1997. С. 172.

¹⁵² См.: Гушин И.В. Указ. соч. С. 86–87.

¹⁵³ См.: Витушко В.А. Комплексный индивидуальный метод в гражданском праве и правоприменительной практике // Государство и право. 2000. № 9. С. 15 и след. [По мнению этого автора, «особенность комплексно-индивидуального метода состоит в том, что поиск истины и справедливости в правоприменительной судебной и иной практике станет результативнее, если больше критериев и систем оценки будет применено для квалификации одного правоотношения. Во всяком случае таких критериев должно быть не менее двух» (см.: Там же. С. 24)].

¹⁵⁴ См., напр.: Витченко А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов, 1974. С. 100 и след.

¹⁵⁵ См., напр.: Миколенко Я., Братусь С. Предмет и система советского социалистического гражданского права // Советская юстиция. 1938. № 16. С. 16 и след.; Генкин Д. Предмет и система советского трудового права // Советское государство и право. 1940. № 2. С. 68.

¹⁵⁶ Ведяхин В.М. Правовое регулирование научно-технического прогресса: Теоретико-правовой аспект. Куйбышев, 1990. С. 87.

действия права на поведение людей, другой – специфику общественных отношений, подлежащих урегулированию определенной совокупностью норм права¹⁵⁷.

В этой ситуации, конечно же, необходимо более детальное и пристальное внимание уделить категории «правовое регулирование», поскольку понятие «метод» применяется именно к ней. Отсюда и вытекает тезис о том, что при уяснении общего понятия «метод правового регулирования» необходимо исходить из достаточно четкого и полного понимания целостности категории «правовое регулирование общественных отношений», в числе основных характеристик которой присутствует и способ воздействия на поведение людей¹⁵⁸. При этом следует не упускать из виду того, что если правовое регулирование – это способ самого результативного воздействия права на общественные отношения, то метод характеризует собой особенности и направленность его осуществления. Метод, таким образом, – это не просто способ, а целеположенный вариант его воздействия на общественные отношения. И именно поэтому признаки метода правового регулирования можно обнаружить практически в любом элементе системы результативного воздействия права на общественные отношения, поскольку каждый из них функционально и структурно сориентирован на достижение единой цели.

Правовое регулирование представляет собой упорядочение общественных отношений средствами правового воздействия¹⁵⁹. Сам же термин «регулировать» происходит от латинского «regula», что означает «упорядочивать, воздействовать на что-либо, с целью внесения порядка в движение или развитие какого-либо явления»¹⁶⁰.

---

¹⁵⁷ Горшенев В.М. Понятие метода правового регулирования и его разновидности // Ученые труды Свердловского юридического института. Свердловск, 1966. Вып. 5. С. 400.

¹⁵⁸ См.: Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965. С. 24; Витченко А.М. Указ. соч. С. 49 и след.

¹⁵⁹ См.: Стучка П.И. Революционная роль советского права. М., 1931. С. 106; Кечекьян С.Ф. Указ. соч. С. 12–13; Шейндлин Б.В. Указ. соч. С. 110; Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. С. 26; Горшенев В.М. Участие общественных организаций в правовом регулировании. М., 1963. С. 31–32; Смирнов В.Г. Указ. соч. С. 18; Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 6; Арсеньев Е.В., Витрук Н.В. Реализация прав граждан в условиях развитого социализма. М., 1983. С. 52; и др.

¹⁶⁰ См.: Толковый словарь русского языка / Под ред. В.М. Волина, Д.Н. Ушакова. М., 1939. Т. 3. С. 1315.

В целом общепризнанно, что система правового регулирования состоит из трех основных звеньев: «1) юридические нормы — основа правового регулирования; 2) правовые отношения, субъективные права и юридические обязанности, переводящие правовую энергию юридических норм на уровень конкретных субъектов — носителей прав и обязанностей; 3) акты реализации прав и обязанностей»¹⁶¹. Отсюда видно, что правовое регулирование общественных отношений охватывает практически всю правовую систему общества и характеризует ее с функциональной стороны, то есть со стороны реального, фактического действия права¹⁶². Поэтому следует согласиться с теми высказываниями в юридической науке, в которых утверждается, что правовое регулирование предметно раскрывает смысл и назначение права и его отраслей в обществе, формы и средства их воздействия на общественные отношения¹⁶³.

В современной юридической науке вопросы, связанные с правовым регулированием общественных отношений, исследуются с двух основных позиций.

В рамках первого подхода правовое регулирование рассматривается как эффективный и контролируемый способ осуществления государственной власти. Поэтому и правовое регулирование понимается как совокупность правовых средств, при помощи которых государство осуществляет свое властное воздействие на общественные отношения¹⁶⁴. Здесь значение правовых средств сведено к их способности выступать в качестве предпосылок и инструментов, то есть «приводных ремней» реализации государ-

---

¹⁶¹ Алексеев С.С. Теория права. С. 154.

¹⁶² См.: Радько Т.Н. Функции права // Общая теория государства и права: Академический курс / Под ред. М.Н. Марченко: В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 54.

¹⁶³ См.: Байтин М.И. О повышении эффективности правового регулирования в социалистическом общенародном государстве // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1968. Вып. 1. С. 30; Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования... С. 19; Миронов О.О. Конституционное регулирование в развитом социалистическом обществе. Саратов, 1982. С. 8 и след.; Морозова Л.А. Конституционное регулирование в СССР. М., 1985. С. 9. и след.; Лукашева Е.А. Право. Мораль. Личность. М., 1986. С. 22, 38 и след.; и др.

¹⁶⁴ См.: Голунский С.А. О творческой революционной роли социалистического права в период развернутого строительства коммунизма // Советское государство и право. 1961. № 10. С. 55.

ственной власти. В числе таких правовых средств, как правило, называют законодательство, правовые формы осуществления государственной власти, способы осуществления права, правовой контроль и законность.

Нетрудно заметить, что такой подход к пониманию правового регулирования основывается на идее абсолютизации управленческо-регулятивных свойств государственной власти, на явном или скрытом признании приоритета государства над правом и в конечном счете ориентирован на обслуживание практики антидемократических государственно-правовых режимов, в которых право – это только инструмент осуществления государственной власти.

Особое место в изложенном варианте понимания правового регулирования отводится законности. И это не случайно, ибо ее универсальная формула – требование неукоснительного исполнения и соблюдения действующего закона – позволяет государственной власти облечь себя и свою деятельность в правовую форму и таким образом скрыть свой приоритет над правом. Этим и объясняется стремление государства монополизировать «права на законность». В этих целях законность отрывается от человека, гражданина и интерпретируется как метод, совокупность требований, свойственных процессам формирования и осуществления государственной власти и обращенных к ее представителям¹⁶⁵.

Со второй позиции правовое регулирование рассматривается как элемент общей системы нормативного регулирования общественных отношений. Здесь методологически важное значение приобретает понятие «нормативное регулирование общественных отношений». В специальной литературе оно определяется как воздействие всей совокупностью функционирующих в обществе социальных норм (норм морали и религии, политических и правовых норм и т. д.) на сознательное, волевое поведение людей в целях упорядочения общественных отношений¹⁶⁶. Это понятие

---

¹⁶⁵ См., напр.: Витрук Н.В. Законность: понятие, защита и обеспечение // Общая теория права: Курс лекций. Н. Новгород, 1993. С. 513 и след.

¹⁶⁶ См.: Нижечек В.И. Советское право в системе нормативного регулирования социалистических общественных отношения. Иркутск, 1973. С. 164 и след.; Матузов Н.И. Право в системе социальных норм // Общая теория права: Курс лекций / Под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 186.

выступает родовым по отношению ко всем иным видам социального регулирования общественных отношений.

Правовое регулирование является одновременно и составной частью общей системы нормативного регулирования, и его самостоятельным видом. В этом случае основное содержание правового регулирования образуют такие правовые средства, как законодательство, правосознание, нормы права, способы и методы воздействия права на поведение всех правосубъектных лиц, субъективные права и обязанности, законность, само правомерное поведение людей и др. Отличительная особенность данного варианта понимания сути правового регулирования заключается в утверждении исключительной ценности (полезности) права для всех его субъектов. Здесь государство занимает подчиненное положение по отношению к праву и призвано, во-первых, формулировать его законы, а во-вторых, гарантировать нормальное, бесперебойное регулирование ими общественных отношений.

Относительно законности следует заметить, что она, вытекающая из объективных свойств права, адресуется всем участникам правового регулирования и олицетворяет собой его юридическую цель, а также предопределяет качественно-правовые характеристики средств осуществления правового регулирования, в том числе и метода. В результате действия законности создается такая политико-правовая атмосфера (режим), при которой исполнение требований закона предопределяет соответствующие требования не только права, но и морали, господствующие в обществе представления о правовых ценностях, и потому приравнивается к признанию и исполнению правового долга всеми субъектами права¹⁶⁷.

Дальнейшее уяснение понятия «правовое регулирование» предполагает выявление его отличий от тесно связанного с ним понятия «правовое воздействие». По мнению Т.М. Радько, эти понятия соотносятся как часть и целое. «Правовое регулирование является одной из форм правового воздействия и соотносится с последним как **часть и целое**»¹⁶⁸, — поясняет автор.

---

¹⁶⁷ См.: Шабуров А.С. Законность и правопорядок // Теория государства и права: Учебник для юрид. вузов и фак. / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1997. С. 439–440.

¹⁶⁸ Радько Т.Н. Функции права // Общая теория государства и права: Академический курс / Под ред. М.Н. Марченко: В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 54.

Внешним, формальным признаком, с которого следует, на наш взгляд, начать «разведение» указанных понятий, является определенное терминологическое несовпадение слов «регулировать» и «воздействовать». Если первый термин обозначает процесс упорядочения чего-либо путем приведения его состояния в соответствие с установленными нормами¹⁶⁹, то второй включает указание на активное действие¹⁷⁰.

В юридической науке проблемы правового регулирования обстоятельно рассмотрены А.М. Витченко. Он пишет: «Под правовым регулированием следует понимать упорядочение общественных отношений . . . при помощи норм права с момента наступления юридического факта»¹⁷¹. Далее он продолжает: «Регулирование следует рассматривать в двойном аспекте: как собственно регулирование и как воздействие в процессе регулирования»¹⁷². С точки зрения собственно-регулятивного подхода, правовое регулирование раскрывается как системное инструментальное образование, и в этом качестве чаще всего определяется через категорию «механизм правового регулирования». В свою очередь, «механизм правового регулирования» интерпретируется как «система правовых средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права»¹⁷³.

В научной литературе различия между понятиями «правовое регулирование» и «правовое воздействие» проводятся по объекту, набору средств и результатам их применения¹⁷⁴.

Объектом правового воздействия является как сознание людей, так и их юридически значимое поведение. Поэтому набор средств правового воздействия включает в себя практически всю

---

¹⁶⁹ См.: Большой иллюстрированный энциклопедический словарь // Большой иллюстрированный энциклопедический словарь (CD ROM).

¹⁷⁰ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989. Т. 1. С. 227.

¹⁷¹ Витченко А.М. Указ. соч. С. 26.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Малько А.В. Механизм правового регулирования... С. 625.

¹⁷⁴ См.: Нижечек В.И. Указ. соч. С. 164; Витченко А.М. Указ. соч. С. 26–28.; Рабинович П.М. Сферы и пределы правового регулирования: понятие, виды, факторы развития // XXVII съезд КПСС и развитие теории государства и права: Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1987. С. 54 и след.; Малько А.В. Механизм правового регулирования... С. 622.

информацию, содержащую правовые знания: от конкретных требований норм права и правовых принципов до художественно-публицистических форм правовой информации (художественные произведения и фильмы, правовые знания, распространяемые средствами массовой информации, обыденные, так называемые житейские правовые знания, получившие общественное звучание и т. п.). Результатом такого комплексного воздействия признается и правомерное поведение, и восприятие сознанием людей соответствующих правовых ценностей (например, осознание полезности права и целесообразности исполнения его требований, понимание значения прав и свобод человека в личной жизни и жизни других людей и т. д.).

Объектом же правового регулирования выступает только поведение людей, которое существует и проявляет себя в форме общественного отношения¹⁷⁵. Общественное отношение под регулятивным влиянием права превращается в правовое отношение, а относящееся к нему поведение людей – в юридически значимое, правовое поведение. Здесь сознание субъектов правового поведения не является специальным объектом правового регулирования. Главное заключается в том, чтобы поведение человека соответствовало требованиям норм права. Какие при этом он испытывает переживания, как и каким образом видоизменяется его сознание в процессе осуществления тех или иных правомерных действий – подобные вопросы в данном случае не рассматриваются. Этим обуславливается и набор средств правового регулирования. В него включаются те правовые средства, которые специально рассчитаны на то, чтобы регламентировать поведение людей, то есть такие правовые инструменты, которые определяют порядок осуществления юридически значимой деятельности. К их числу относятся нормативно-правовые акты, нормы права, субъективные права и юридические обязанности, правоотношения, законность, меры правового принуждения и др. Взятые в единстве эти элементы образуют более сложное и содержательное понятие, каким является «система правового регулирования».

Правовое регулирование, осуществляемое с помощью названных средств, непосредственно воздействует на сознательное,

---

¹⁷⁵ См.: Дегель П.С. Диалектика правового регулирования общественных отношений // Правоведение. 1971. № 1. С. 51.

волевое поведение людей, приводя его к предусмотренному в нормах права правовому результату — законности юридически значимого поведения. Однако законность — это только формально-правовой результат. Кроме него правовое регулирование ориентировано на достижение и социальных целей, состоящих в удовлетворении разнообразных, юридически значимых интересов личности, социальной группы и всего общества.

Таким образом, сравнивая основные особенности понятий «правовое регулирование» и «правовое воздействие», можно сделать вывод о том, что правовое регулирование представляет собой совокупность специально-юридических средств целенаправленного и результативного влияния права на общественные отношения (поведение людей). Это определение правового регулирования предельно широкое. Оно потенциально содержит в себе и тот признак, который указывает, что как законченное и целостное явление оно может состояться только тогда, когда в его распоряжении есть способ, то есть метод его функционирования. Этот признак выражается в таком свойстве правового регулирования, как его целенаправленность на достижение заданного результата. «...Цель, — писал выдающийся правовед Р. Иеринг, — есть творческая сила всего права ...нет правового положения, которое не было бы обязано своим происхождением какой-либо цели»¹⁷⁶.

Соотношение главной, генеральной цели правового регулирования и его метода воздействия на общественные отношения не случайно. Оно обусловлено тем, что вся система правового регулирования создается для достижения конкретного определенного результата, а потому и путь, ведущий к нему, не может не быть целенаправленным. Чтобы подчеркнуть особую значимость взаимосвязи цели правового регулирования и его метода, приведем следующее рассуждение А.И. Процевского: «Несмотря на различия в объяснениях, все сходятся на том, что метод — это способ воздействия (осуществляемый при помощи права), цель которого — побудить людей действовать в интересах общества. Воздействие права на сознание и волю людей проявляется и вне правоотношений, побуждая их к положительным действиям. В нормах права формулируются не только правила поведения

---

¹⁷⁶ Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. Т. 1. С. II.

или их границы, но и возможности определенного поведения. Суть правового регулирования состоит в подчинении воли субъекта воле господствующего класса, возведенной в закон, то есть нормам права. Метод же определяет способ такого воздействия, способ достижения стоящей перед правовым регулированием цели»¹⁷⁷.

Таким образом, следует признать, что понятие «метод правового регулирования» как раз и отражает тот путь-способ, который приводит правовое регулирование к заданному результату. С этой точки зрения становится понятным, почему И.С. Самощенко, исследовавший проблему нормативно-правовых средств регулирования общественных отношений, пришел к выводу о том, что цели, зафиксированные в нормативно-правовых формах, «имеют прямое отношение и к непосредственному регулированию поведения»¹⁷⁸. Кроме того, функциональная связанность метода с основной целью и результатами правового регулирования не исключает, а скорее предполагает приведение единого, присущего всей системе правового регулирования метода в соответствие с логикой конкретизации общесистемной цели. Сама же конкретизация общесистемной цели диктуется потребностями структур, входящих в предмет правового регулирования. И чем четче юридическая наука структурирует предмет той или иной отрасли, тем больше окажется у законодателя возможностей для обеспечения выделенных составных частей наиболее адекватными способами их урегулирования. По этому поводу А.М. Витченко пишет: «...В правовых методах объективное и субъективное находятся в единстве, в неразрывной связи, субъективное является своеобразным способом отражения и учета объективного в процессе правового регулирования»¹⁷⁹.

Достаточно убедительным примером, иллюстрирующим потребность юридической практики в разделении единого метода регулирования на более специализированные его виды, может служить система уголовно-процессуального регулирования. В уголовно-процессуальной науке считается общепризнанным, что уголовно-процессуальное право как «самостоятельная отрасль

---

¹⁷⁷ Процевский А.И. Метод правового регулирования трудовых отношений. М., 1972. С. 102.

¹⁷⁸ Самощенко И.С. О нормативно-правовых средствах регулирования поведения людей // Правоведение. 1967. № 1. С. 37–38.

¹⁷⁹ Витченко А.М. Указ. соч. С. 66.

прав имеет обособленный предмет правового регулирования – уголовное судопроизводство и специфический метод правового регулирования – процессуальную форму»¹⁸⁰. «Процессуальная форма» – это «порядок производства в целом или отдельных процессуальных действий»¹⁸¹. Действенность процессуальной формы как единого и общего метода всей системы уголовно-процессуального регулирования состоит в том, что она «создает детально урегулированный, устойчивый, юридически определенный, строго обязательный, стабильный правовой режим производства по уголовному делу, отвечающий задачам судопроизводства и его принципам»¹⁸². Но этот общепроцессуальный метод, в зависимости от того, какая группа процессуальных отношений подлежит урегулированию, конкретизируется в соответствии с теми целями, которые стоят перед стадией, в рамках которой эти отношения складываются и функционируют. В результате уголовно-процессуальное регулирование вооружается целым набором методов, который, конечно же, является продуктом особенностей самого предмета регулирования. Но это не единственная причина. В формировании набора методов существенная роль принадлежит законодателю, без правотворческой функции которого не могут сложиться ни общепроцессуальный, ни тем более конкретно-процессуальные методы регулирования. Так, законодатель, осуществляя регулирование отношений, обособленных пределами стадии предварительного расследования, устанавливает два метода (формы) регулирования: метод (форму) предварительного следствия и метод (форму) дознания¹⁸³. Аналогична логика конкретизации и гражданско-правового метода регулирования. Так, Н.Д. Егоров пишет: «Наряду с общими родовыми признаками, общественные отношения, входящие в предмет гражданского права, характеризуются специфическими особенностями, предопределяющими

---

¹⁸⁰ Громов Н.А. Уголовный процесс России: Учеб. пособие. М., 1994. С. 27.

¹⁸¹ Строгович М.С. Природа советского уголовно-процессуального права и его характерные черты // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. С. 16.

¹⁸² Уголовно-процессуальное право: Учебник / Под ред. П.А. Лупинской. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. С. 39.

¹⁸³ Уголовно-процессуальный кодекс РФ. М., 2002. Ч. 1. Ст. 150. С. 101.

внутреннюю структурную дифференциацию гражданского права. По своим специфическим особенностям, оказывающим наиболее заметное влияние на характер правового регулирования, в предмете гражданского права выделяются следующие виды общественных отношений: отношения собственности и аналогичные им отношения, отношения экономического оборота, личные неимущественные отношения, отношения по поводу результатов творческой деятельности, семейные отношения, наследственные отношения»¹⁸⁴. Далее автор делает следующий вывод: «В соответствии с этим внутри гражданского права можно выделить шесть подотраслей: право собственности и другие вещные права, обязательственное право, личные неимущественные права, право на результаты творческой деятельности, семейное право, наследственное право. Каждая из указанных выше подотраслей также имеет свой предмет и метод правового регулирования»¹⁸⁵.

Итак, метод правового регулирования – это прежде всего целенаправленность способа правового регулирования. При этом следует иметь в виду, что такого рода направленность задается совокупностью как объективных, так и субъективных факторов, предопределяющих, по мнению В.Ф. Яковлева, и факт существования метода правового регулирования, и его особенности¹⁸⁶. Поэтому есть основания полагать, что взаимосвязь нацеленности системы правового регулирования на заданный результат с методом ее воздействия на общественные отношения носит характер закономерности. И благодаря именно этому обстоятельству оказывается, что метод способен характеризовать и выражать наиболее общие черты правового регулирования. В этой связи прав В.Ф. Яковлев, который утверждает, что метод – «наиболее емкая категория, выражающая в обобщенном виде специфику регламентации отношений с данной отраслью права»¹⁸⁷. Поэтому следует признать, что

---

¹⁸⁴ Егоров Н.Д. Гражданское право как отрасль права // Гражданское право: Учебник: В 2 ч. 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1998. Ч. I. С. 23.

¹⁸⁵ Егоров Н.Д. Указ. соч. С. 23–24.

¹⁸⁶ Яковлев В.Ф. Объективное и субъективное в методе правового регулирования // Правоведение. 1970. № 6. С. 59 и след.

¹⁸⁷ Там же. С. 58.

процесс складывания, формирования правового регулирования охватывает собой или включает в себя в качестве необходимой составляющей и метод, которым он будет воздействовать на общественные отношения.

Таким образом, метод правового регулирования не привносится извне в систему правового регулирования, а формируется внутри нее самой в силу детерминистского действия тех же причин и условий (мы разделяем мнение большинства специалистов о том, что ведущим фактором, определяющим специфику правового регулирования, а следовательно и его метода, выступают особенности регулируемых правом общественных отношений), которые обуславливают эту систему в целом. При этом метод предстает в ней одновременно и как самостоятельный компонент, и как способ ее целенаправленного функционирования. Этим, на наш взгляд, и объясняется тот факт, что каждой системе правового регулирования, выделенной на основе какого-либо критерия и взятой в качестве относительно-обособленного и самостоятельного феномена (например, диспозитивная и императивная системы правового регулирования; система правового регулирования отношений поощрения и наказания; система правового регулирования деятельности органов государственной власти; система правового регулирования рекламной деятельности; система правового регулирования отношений, выделяемых по отраслевому признаку и т. п.), присущ и свой общесистемный метод, то есть единый для всей системы способ ее осуществления, получающий дальнейшую конкретизацию в соответствии со структурированностью предмета ее регулирования.

Все вышесказанное о категории «правовое регулирование» и о ее взаимосвязи с понятием «метод правового регулирования» базируется на традиционном, то есть нормативном правопонимании, в котором право «есть система общеобязательных, формально-определенных норм, которые выражают обусловленную экономическими, духовными и другими условиями жизни государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер; издаются или санкционируются государством в определенных формах и охраняются от нарушений, наряду с мерами воспитания и убеждения, возможностью государственного принуждения; являются государственным регулятором обществен-

ных отношении»¹⁸⁸. Отсюда и такие общепризнанные черты правового регулирования: 1) нормативной основой правового регулирования выступают исходящие от государства общеобязательные для исполнения нормы права; 2) правовое регулирование опирается на возможность использования принудительной силы государства; 3) правовое регулирование охватывает всю совокупность юридических средств воздействия на общественные отношения¹⁸⁹. Соответственно, эти черты преломляются и в методе правового регулирования, юридическая природа которого целиком и полностью оказывается зависимой от свойств объективного права, выраженных в правовом регулировании. И поэтому надо признать вполне логичным вывод В.Ф. Яковлева о том, что метод правового регулирования характеризуется следующими чертами: «а) четкостью нормативно-правовых предписаний, носящих характер прав и обязанностей участников регулируемых отношений; б) общеобязательностью этих предписаний, поскольку они представляют собой волю господствующего класса, возведенную в закон, то есть установленную или санкционированную государством; в) тем, что нормы права действуют не каждая в отдельности, а в совокупности с другими нормами как составная часть целой правовой системы; г) реализация правовых норм обеспечивается авторитетом и принудительной силой государства»¹⁹⁰.

Подводя итоги изложенному относительно понятия «метод правового регулирования» и его соотношения с категорией «правовое регулирование», необходимо сделать и соответствующие выводы, потребность в которых обнаруживается как при обосновании самостоятельного значения правозащитного метода регулирования общественных отношений, так и при осуществлении попытки классифицировать методы правового регулирования.

Во-первых, понятие «метод правового регулирования» онтологически связано с понятием «право». Эта связь выражается в том, что такие свойства права, как нормативность, общеобязательность,

---

¹⁸⁸ Байтин М.И. Современное нормативное понимание права: понятие, основные признаки, определение // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 142.

¹⁸⁹ См.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования... С. 7.

¹⁹⁰ Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования... С. 11

обеспеченность государственным принуждением, соответствующим образом преломляются в методе правового регулирования.

Во-вторых, формирование метода правового регулирования – это, по сути, формирование той или иной конкретной системы правового регулирования. Системообразующей основой здесь являются обстоятельства объективного и субъективного порядка, обуславливающие в своей совокупности ту или иную модель правового регулирования общественных отношений.

В-третьих, понятие «метод правового регулирования» следует рассматривать в качестве целенаправленного способа функционирования всей системы правового регулирования. Способность метода выступать в таком качестве вытекает из того, что метод правового регулирования наиболее полно и концентрированно выражает целенаправленность соответствующей системы правового регулирования.

В-четвертых, ключ к пониманию сущности и особенностей метода правового регулирования находится в той системе правового регулирования, способом осуществления которой данный метод и является. Однако кроме этого, термин «система правового регулирования» объясняет и то важное обстоятельство, о котором уже шла речь. Мы имеем в виду следующее: любая система правового регулирования как единое и целостное явление однородна, ибо единый и целостный характер носит предмет, ее обусловивший. И именно поэтому можно и нужно ставить вопрос о едином, общем для всей этой системы методе правового регулирования. «Наличие общего родового свойства, присущего всем общественным отношениям, входящим в предмет гражданского права, предопределяет и применение к ним единого метода правового регулирования»¹⁹¹, – поясняет Н.Д. Егоров. Этот метод объединяет общие для всей системы правового регулирования цель, принципы, средства и приемы ее воздействия на соответствующую сферу общественных отношений. Так, никто не возражает против утверждения о существовании конституционно-правового, гражданско-правового, уголовно-правового, административно-правового и иных отраслевых методов регулирования. Однако, поскольку сам предмет регулирования каждой отрасли структурирован, то есть описываемые в нем общественные отношения оказываются сгруппированными в относительно

---

¹⁹¹ Егоров Н.Д. Указ. соч. С. 8.

обособленные образования, то и общесистемный, единый (отраслевой) метод регулирования не может не подразделяться на определенное количество более специализированных методов в соответствии с потребностями самого предмета. Именно здесь проявляет себя субъективный фактор – знание и воля законодателя, которые только и могут обеспечить разумную сбалансированность соотношения структурированности предмета и методов регулирования каждого из его элементов. Стало быть, проблема «специализации» методов правового регулирования – это аспект диалектического соотношения предмета и метода регулирования, охватывающий взаимосвязь объективного и субъективного в правовом регулировании. «Диалектическое соотношение предмета и метода регулирования, – пишет Б.В. Шейндлин, – есть... соотношение объективного и субъективного в едином процессе правового регулирования»¹⁹². Логика конкретизации общесистемного метода носит характер закономерности. В этом качестве она, эта закономерность, достаточно полно освещена в юридической литературе и убедительно подтверждается как общетеоретическими, так и специально-отраслевыми исследованиями¹⁹³.

В-пятых, проблема классификации методов правового регулирования в обязательном порядке должна быть увязана с группированием и ранжированием систем правового регулирования. Такое утверждение не означает отрыва метода правового регулирования от обуславливающих его общественных отношений. Дело в том, что понятия «система правового регулирования» и «метод правового регулирования» снимают в себе детерминирующее влияние на них общественных отношений.

---

¹⁹² Шейндлин Б.В. Указ. соч. С. 116

¹⁹³ Надо отметить, что впервые эта закономерность была выявлена в науке в гражданском праве и лишь значительно позже воспринята как закономерность общеправового порядка. См.: Генкин Д. Предмет советского гражданского права // Советское государство и право. 1939. № 4. С. 37–38; Дробязко С.Г. Право и материально-техническая база коммунизма. М., 1967. С. 144–145; Витченко А.М. Указ. соч. С. 79, 80–82; Миронов О.О. Методы конституционного регулирования // Правоведение. 1980. № 2. С. 32 и след.; Егоров Н.Д. Указ. соч. С. 8–12; Козлов Ю.М. Управление, государственное управление, исполнительная власть // Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: Учебник. М., 1998. С. 36; Галиакбаров Р.Р. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Конспекты лекций и иные материалы. Краснодар, 1999. С. 11.

В качестве дополнительных доводов, подтверждающих правильность сделанных нами выводов, можно привести соответствующие мнения В.Ф. Яковлева и В.Л. Кулапова. Первый их них пишет: «Поскольку гражданское право регулирует общественные связи, складывающиеся по типу отношений собственности, постольку метод гражданско-правового регулирования должен отражать те черты, которыми характеризуются отношения собственности, то есть имущественно-распорядительную самостоятельность субъектов, их равенство, начала эквивалентности. Именно эти черты отражаются в содержании прав и обязанностей гражданских правоотношений и через типичные элементы многообразного юридического содержания гражданского права выливаются в соответствующие черты гражданско-правового метода»¹⁹⁴. Автор также поясняет, что методы складываются постепенно, вырастая из характера регулируемых отношений¹⁹⁵. Здесь подчеркнуто два важных обстоятельства, имеющих методологическое значение в исследовании нашего предмета. Во-первых, в генетическом плане метод правового регулирования основан на регулируемых им отношениях. Он, по выражению В.Ф. Яковлева, «вырастает» из них. А во-вторых, в методе специфическим образом отражаются типические черты всего многообразия юридического содержания правового регулирования. Последнее обстоятельство удачно проиллюстрировано В.Л. Кулаповым, который, анализируя особенности рекомендательного метода, замечает такую закономерность, согласно которой «между рекомендательной нормой и рекомендательным методом существует тесная связь. При этом норма закрепляет и оформляет соответствующий ей метод. Изменения в содержании структурных элементов нормы влекут соответствующие изменения в методе ее реализации. Однако такого рода связь между анализируемыми явлениями не может носить, да и не носит одностороннего характера. Рекомендательный метод, в свою очередь, оказывает на обуславливающую его норму обратное воздействие, которое способствует ее совершенствованию применительно к изменяющимся условиям действительности в соответствии с потребно-

---

¹⁹⁴ Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования... С. 63.

¹⁹⁵ Там же. С. 61.

стями и запросами практики»¹⁹⁶. В утверждении В.Л. Кулапова подмечена, пожалуй, самая существенная, конструктивная взаимосвязь между методом и системой правового регулирования, а именно то, что появление такого элемента правового регулирования, как правовая норма, есть в то же время «оформление и закрепление» и соответствующего метода. В свою очередь, метод, получивший закрепление в норме права, активно влияет на все содержание правового регулирования.

§ 2. Проблема обусловленности правозащитного метода и его дефиниция

Проецирование сущности, особенностей юридической природы и регулятивных свойств института защиты прав человека на понятие и основные черты метода правового регулирования позволяет выдвинуть положение о том, что становление данного института с неизбежностью порождает особый вид правового регулирования – правозащитное регулирование с присущим ему методом. Это, помимо всего прочего, предполагает признание того, что ни один из существующих в правовой системе методов правового регулирования не способен осуществить адекватное регулятивное воздействие на отношения, возникающие в результате осуществления права человека на правовую защиту. Из числа основных доводов в пользу такого вывода надо привести следующие обстоятельства.

Первое. Как следует из вышеизложенного, между такими явлениями, как право и метод правового регулирования, существует связь, выражающаяся в самом общем виде в том, что последнее представляет собой способ воздействия права на общественные отношения. И уже только в силу этого метод не может специфическим образом не отражать тех черт, которые сообщает ему реализуемое явление. Именно это обстоятельство и превращает проблему правопонимания из сугубо академической в практически значимую. Поэтому надо считать неслучайным, что после признания Российской Федерацией прав человека и возложения на себя обязанностей по их защите заметно активизирова-

---

¹⁹⁶ Кулапов В.Л. Указ. соч. С. 63.

лись усилия специалистов по поиску новых подходов к правопониманию¹⁹⁷. На сегодняшний момент считается общепризнанным, что общее определение действующего права невозможно без отражения в нем прав человека.

В современной юридической науке обосновываются самые различные пути выработки понятия права, обогащенного гуманистическим потенциалом. Так, по мнению В.С. Нерсесянца, в качестве правовых начал общественной жизни следует рассматривать права и свободы человека и гражданина¹⁹⁸. Используя данный подход В.И. Леушин и В.Д. Перевалов пишут: «Право – это обусловленная природой человека и общества и выражающая свободу личности система регулирования общественных отношений, которой присущи нормативность, формальная определенность в официальных источниках и обеспеченность возможностью государственного принуждения»¹⁹⁹. Конечно, это определение еще далеко от совершенства, но в нем зафиксировано главное: юридическая форма, какой является право, имеет своим источником человека, а само право интерпретируется как регулятивная система. Отсюда, помимо всего прочего, следует, что права человека, являющиеся содержательным компонентом права, выступают регуляторами общественных отношений и в качестве таковых не могут не программировать и способы своего воздействия. Этот вывод подтверждается и тем, что любое отдельное право человека – «это субъективное неотчуждаемое право, получаемое человеком от рождения, которое реализуется им непосредственно, объективно и удовлетворяет одну из высших социальных ценностей или потребностей, исходящих из природы человека, также сформировавшихся в про-

---

¹⁹⁷ Различные подходы к правопониманию нашли детальное изложение в диссертационном исследовании В.И. Попова (см.: Попов В.И. Правопонимание в советской юридической науке: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 9 и след.); о практическом значении правопонимания смотри работу В.В. Лазарева (см.: Лазарев В.В. Современные подходы к пониманию права и их значение для юридической практики // Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд. М., 1996. С. 100 и след.

¹⁹⁸ Нерсесянц В.С. Указ. соч. С. 374.

¹⁹⁹ Леушин В.И., Перевалов В.Д. Понятие, сущность и социальная ценность права // Теория государства и права: Учебник для юрид. вузов и фак. М., 1997. С. 226.

цессе общественного развития»²⁰⁰. Именно эти признаки – субъектная принадлежность, неотчуждаемость и непосредственная реализуемость – выражают регулятивный потенциал прав человека, превращают их в юридически значимые программы поведения людей, вовлеченных в процесс осуществления того или иного права. Отсюда видно, что в определении, предложенном В.И. Леушиным и В.Д. Переваловым, не устранен такой недостаток, как сведение понятия «право» к свойствам объективного права. Очевидно, что если мы признаем необходимость ориентации дефиниции «право» на права человека, то необходимо учитывать особенность их юридической природы и регулятивной ценности, которые есть не что иное, как свойства человека, выраженные в диалектическом единстве абсолютных естественных прав человека с юридически значимыми свойствами объективного и субъективного права. А это означает, что регулятивная способность прав человека не может быть ограничена объективным правом. Само объективное право – факт проявления регулятивной способности прав человека как субъективно-публичного явления. Действительно, закрепление в международном и национальном законодательстве прав человека всегда можно рассмотреть как их реализацию в нормоустановительной форме, ведь законодательствующий субъект не творит их, а только признает их ценность, возводит в ранг официальных нормативно-юридических явлений и берет под защиту. При этом механизмы реализации прав человека оказываются во многом предопределены ими самими. Поэтому включение прав человека в понятие «право» не может не отражаться и на регулятивном воздействии права на общественные отношения.

В контексте сказанного нельзя не обратить внимание на регулятивную функцию Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Как известно, эта Декларация была принята в форме резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и уже поэтому не преследовала цели выступить источником прав человека. Не вызывает сомнений, что основным объектом Всеобщей декларации прав человека являлось и продолжает оставаться правосознание

---

²⁰⁰ Рассказов Л.П., Упоров И.В. Естественные права человека: Учеб. пособие. СПб., 2001. С. 16.

каждого человека, международного сообщества и национальных государств. Отсюда и особенность одной из главных задач, которая перед ней ставилась: распространение представлений о специфике происхождения прав человека, их содержании и важности для нормального существования человечества. А как известно, правосознание – колыбель правопонимания²⁰¹. Поэтому в преамбуле рассматриваемого документа записано: «Принимая во внимание, что народы Объединенных Наций подтвердили в Уставе свою веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности и в равноправие мужчин и женщин и решили содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе; и принимая во внимание, что всеобщее понимание характера этих прав и свобод имеет огромное значение для полного выполнения этого обязательства, Генеральная Ассамблея провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению, путем национальных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего и эффективного признания и осуществления их как среди народов государств – членов Организации, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией»²⁰².

Итак, надо признать, что Всеобщая декларация прав человека преследовала цель скорректировать различные вариан-

---

²⁰¹ Право, по мнению Ю.Г. Ткаченко, создается в сфере правосознания и первоначально имеет вид модели желаемого или требуемого поведения. «Если же мы рассматриваем правосознание в процессе его генезиса, – пишет она, – (а именно это дает возможность понять его сущность), то следует констатировать, что на теоретическом уровне правосознания создаются желательный для господствующего класса образ общественных отношений и те правила поведения (право), которые должны обеспечить возникновение таких отношений (или трансформацию имеющихся отношений). Таким образом, на теоретическом уровне правосознания на определенном этапе возникают правила, регулирующие поведение участников общественных отношений, затрагивающее интересы класса, как господствующего» (см.: Ткаченко Ю.Г. Указ. соч. С. 69).

²⁰² Всеобщая декларация прав человека... С. 14.

ты правопонимания путем включения в них представлений о правах человека. И следует констатировать, что эта цель достигнута, хотя еще и не повсеместно. Но фактическое значение Всеобщей декларации о правах человека вышло далеко за пределы этой задачи. Описание субъективных прав человека в систематизированном виде фактически стало осуществлять роль регулятора общественных отношений, что наглядно выразилось в нормоустановительной деятельности международного сообщества и государств, а через результаты этой деятельности отразилось и на поведении людей. Более того, благодаря содержащимся в ней моделям поведения людей, социальных групп и государств она стала «универсальным кодексом прав и свобод личности». Таким образом, оказалось, что уже только обозначение прав человека как моделей правового поведения на практике привело к приобретению ими статуса юридических императивов, обладающих регулятивной способностью. С этим обстоятельством и связан вывод о том, что права человека, будучи только субъективными правами, тем не менее уже обладают юридической природой и регулятивной энергией. Последующее закрепление прав человека в международном и национальном законодательстве – это чрезвычайно важный, но в контексте правопонимания все-таки только шаг, преследующий цель придания им большой обязательной силы, которая необходима для того, чтобы более эффективно противостоять государственной власти.

Второе. Факт существования и осуществления прав человека порождает особые правоотношения. «Если же право понимается как некое свойство (качество) человека, – пишет Ю.И. Гревцов, – то тогда правовое отношение, по крайней мере, значительная его часть, будет представляться как способ реализации, утверждения этих свойств индивида. Другими словами, правовое отношение здесь рассматривается как продолжение свойств человека»²⁰³. Мы разделяем ту точку зрения, согласно которой право, а следовательно, и закрепленные в его нормах права человека осуществляются только в правоот-

---

²⁰³ Гревцов Ю.И. Правовые отношения // Общая теория государства и права: Академический курс в 2-х томах / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1998. Т. 2. С. 274.

ношениях²⁰⁴. В этой связи не может быть принципиальных возражений против того, чтобы все правоотношения, в которых реализуются права человека, классифицировались по виду осуществляемого в них права.

В юридической науке никто не оспаривает, что право человека на правовую защиту осуществляется в форме правоотношения²⁰⁵. По моему мнению, это отношение может быть названо правозащитным, поскольку и его юридическая связь, и фактическое поведение сторон основаны: 1) на правозащитных полномочиях правоуполномоченной стороны; 2) необходимости соблюдать и исполнять требования и притязания правообязанной стороны. Но юридический смысл термина «правозащитное отношение» выходит за очерченные рамки. Дело в том, что сам факт признания наличия именно правозащитного отношения между гражданином и должностными лицами, органами и организациями государства, во-первых, уравнивает их в юридическом плане, во-вторых, превращает деятельность представителей государственной власти в контролируруемую как самим гражданином, так и иными правозащитными организациями и, в-третьих, предоставляет гражданину весь набор правозащитных полномочий, которые предусмотрены как национальным, так и международным законодательством о защите прав человека. Кроме того, использование «правозащитного отношения» как инструмента в правовом регулировании защиты прав человека имеет наряду с юридическим и нравственное значение. Убедительной иллюстрацией этого является следующий фрагмент из статьи В.М. Савиц-

---

²⁰⁴ В юридической науке то затухает, то усиливается дискуссия относительно того, может ли право осуществляться вне правоотношений. Ряд специалистов полагает, что может, отрицая при этом существование общих правоотношений. К числу наиболее последовательных сторонников этой точки зрения надо отнести В.Л. Назарова (см.: Назаров В.Л. Указ. соч. С. 45–46); В.А. Кучинского, А.С. Пиголкина (См.: Пиголкин А.С., Кучинский В.А. Правоотношение – индивидуализированная правовая связь // Тр. ВНИИСЗ. М., 1976. Вып. 7. С. 48) и др. Другая часть (и эта группа ученых явно превосходит по своему количеству первую) утверждает обратное. При этом здесь подчеркивается, что существуют общие правоотношения. Поэтому правоотношение рассматривается ими как универсальная форма реализации права. Подробнее об этом см.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. С. 244–284.

²⁰⁵ См., напр.: Стремоухов А.В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы. С. 39.

кого, которую автор назвал «Прошу у суда защиты!». Фрагмент довольно объемный, но его содержание стоит того, чтобы сделать исключение и привести его полностью. В.М. Савицкий пишет: «Как бы внешне благоприятно ни обставлялась для гражданина возможность обжаловать решение должностного лица в вышестоящий орган управления (удобные часы приема, мягкие кресла для посетителей, вежливый клерк, принимающий жалобу и выдающий расписку на фирменном бланке с печатью, и т. д.), отношения, складывающиеся в результате подачи жалобы, всегда будут оставаться административно-правовыми, то есть такими, в которых на одной стороне гражданин со своими бедами и печальми, а на другой – орган административный, управленческий, нередко орган государственной власти. Надо ли говорить, что гражданин чувствует себя далеко не уверенно, обращаясь с жалобой к начальнику того, чье действие или решение он считает незаконным, а рассматривающее жалобу начальство не очень-то склонно признавать ошибку, допущенную работником подчиненного ему (и руководимого им) аппарата... Другое дело – подача жалобы в суд. Независимость суда (пусть пока и весьма относительная), отсутствие у судей какой бы то ни было ведомственной заинтересованности, широкая гласность обсуждения, устное и непосредственное исследование всех доказательств – общепризнанные достоинства судебной процедуры. Гражданин и орган власти или управления (должностное лицо) предстают перед судом в качестве сторон, имеющих равные процессуальные возможности доказывать правильность своих утверждений и оспаривать доводы противоположной стороны. Не робкий спор униженного «просителя» с всемогущим хозяином служебного кабинета, а открытое состязание равноправных участников судебного разбирательства. Добавьте к этому возможность участия в суде прокурора и адвоката – и картина будет полной. Ясно, что именно судебный контроль может стать серьезнейшим заслоном от бюрократических извращений, задевающих права и законные интересы личности»²⁰⁶.

Правозащитное отношение, как будет обосновано ниже, может приобретать форму и общих, и конкретных правоотношений.

---

²⁰⁶ Савицкий В.М. Прошу у суда защиты! // Защита прав человека в современном мире. М., 1993. С. 32–33.

Надо отметить, что в юридической литературе термин «правозащитное отношение» уже используется, а само это понятие определяется как отношения, «в которых одна (управомоченная) сторона вправе требовать недопущения посягательств на свои права, свободы и законные интересы, то есть их охраны, а в случае ущемления таковых – их восстановления (защиты), а другая (обязанная) – должна не допустить нарушения права или восстановить его, если оно ею нарушено»²⁰⁷.

Известно, что появление новых правоотношений, отличных от существующих ранее видов, способно породить и адекватную своей природе систему правового регулирования со свойственным ей методом. Конечно, здесь нет и не может быть механической связи. На это обстоятельство обращает внимание В.Ф. Яковлев, отмечая что «существуют отношения, которые нуждаются в правовом регулировании, но “собственного” метода не требуют и не порождают, то есть могут регулироваться методом, вызванным к жизни иными отношениями»²⁰⁸. Применимо ли это замечание В.Ф. Яковлева к правозащитным отношениям? Полагаем, что нет, так как нельзя урегулировать административно-правовым методом отношения, описанные В.М. Савицким во второй части приведенного фрагмента. Если же все-таки попытаться это сделать, то правозащитные отношения превратятся в административные, а защищаемые права человека – в предоставленные государством возможности и им же гарантированные. К числу наиболее важных оснований нашего утверждения можно отнести следующие:

1. Конкретные правозащитные отношения существенно отличаются от правоохранительных и по этой причине не поглощаются последними и не растворяются в них. Одна из важнейших и специфических особенностей правозащитных отношений заключается в том, что они возникают в тех случаях, когда имеет место: а) выполнение правообязанным лицом требований субъекта, вытекающих из его правозащитных полномочий; б) неисполнение юридической обязанности, корреспондируемой с тем

---

²⁰⁷ Стремомухов А.В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы. С. 37.

²⁰⁸ Яковлев В.Ф. Объективное и субъективное в методе правового регулирования... С. 58.

или иным видом правозащитного полномочия; б) злоупотребление правом, препятствующее осуществлению прав человека; в) спор о наличии самого права человека; г) прямое нарушение прав человека²⁰⁹. Правоохранительные отношения обособляются по иному признаку, а именно, по признаку нарушений требований норм объективного права²¹⁰.

2. В правозащитных отношениях субъекты прав человека выступают по отношению к государству и к международному сообществу, в лице их соответствующих органов и организаций, в качестве управомоченных, а последние по отношению к носителям прав человека – правообязанной стороной. Благодаря этой юридической связи гражданин имеет право подать жалобу, например, в Конституционный суд РФ или в Европейский суд по правам человека, на действия государства, нарушающие его права²¹¹. Такое правовое отношение может возникнуть только тогда, когда имеет место нарушение именно прав человека, закрепленных в Конституции РФ, а также в соответствующих международных источниках²¹², а не прав граждани-

---

²⁰⁹ См.: Иванов О.В. Указ. соч. С. 45–47.

²¹⁰ Отличительным признаком охранительных отношений является то, что они возникают из факта противоправного поведения, то есть из таких действий субъекта, которые нарушают предписания норм объективного права, по отношению к которым нормы, содержащие права человека, выступают как часть к целому. «Охранительные правоотношения, – пишет В.К. Бабаев, – возникают вследствие неправомерного поведения субъектов как реакция общества, государства, других граждан на такое поведение» (см.: Бабаев В.К. Правовые отношения // Общая теория права: Курс лекций. Н. Новгород, 1993. С. 410).

²¹¹ Это правомочие закреплено в ст. 45 и 46 Конституции РФ, а также в ст. 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в которой записано: «Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

²¹² Подробнее об основаниях и условиях привлечения государства к защите прав человека см.: Моррисон Э.Б. Ответственность государства: Когда можно возбуждать иски против правительства и государственных органов // Московская конференция «Право и экономическое сотрудничество»: Тезисы выступлений советских и американских докладчиков. М., 1990.

на, записанных в иных отраслевых нормах объективного права. Подчеркнем это отличие, сославшись на вывод Ф.М. Рудинского: «Защита прав человека происходит как внутригосударственными, так и международно-правовыми средствами, а защита прав гражданина – только внутригосударственными»²¹³. Это, помимо всего прочего, означает, что система регулирования правозащитных отношений, а следовательно, и метод такого регулирования должны обладать способностью юридически результативно воздействовать как на внутригосударственные, так и международные отношения, возникающие в процессе реализации права человека на правовую защиту.

3. Предмет правозащитных отношений складывается из соответствующих секторов конституционных, уголовно-правовых, гражданско-правовых, административно-правовых, трудовых и иных видов правоотношений. Этот факт, казалось бы, должен привести к выводу о том, что единого метода регулирования правозащитных отношений не может быть, что они регулируются только соответствующим набором отраслевых методов. Во всяком случае, к такому утверждению склоняет ст. 2 ГК РФ, которая озаглавлена: «Отношения, регулируемые гражданским законодательством». В п. 3 ч. 1 ст. 2 записано: «Правила, установленные гражданским законодательством, применяются к отношениям с участием иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц, если иное не предусмотрено федеральным законом»²¹⁴. Но при более внимательном анализе выявляется, что, во-первых, эти правила предназначены для регулирования только тех отношений, стороны в которых находятся в равном относительно друг друга правовом положении. Здесь ни одна из сторон «не может повелевать другой стороной и диктовать ей свои условия»²¹⁵. А во-вторых, сами эти правила представляют собой материализацию принципа правового равенства, образующие в своей совокупности соответствующую систему правового регулирования с присущим ей методом. «Входящие в

---

²¹³ Рудинский Ф.М. Гражданские права человека... С. 39.

²¹⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации. М., 1994. С. 4.

²¹⁵ Егоров Н.Д. Гражданское правоотношение // Гражданское право: Учебник / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 3-е изд., перераб и доп. М., 1998. Ч. I. С. 81.

предмет гражданского права общественные отношения регулируются методом юридического равенства сторон»²¹⁶, — отмечает Н.Д. Егоров. Иными словами, эти правила непригодны для регулирования правозащитных отношений. Однако действие такого конституционного принципа защиты прав человека, как повсеместная гарантированная защита прав и свобод человека и гражданина²¹⁷, находит свое выражение и в гражданском праве. Так, в ч. 2 ранее упоминавшейся статьи установлено: «Неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ»²¹⁸. И если исходить из того, что право человека на правовую защиту «есть не что иное, как закрепленная в законе возможность для управомоченного лица требовать от обязанного, в том числе и виновного, лица недопущения нарушений субъективного права или его восстановления в случае нарушения»²¹⁹, то надо признать, что система гражданско-правового регулирования включает в себя и правозащитный компонент, а следовательно, в его рамках может иметь место и правозащитный метод регулирования. Но это уже не метод юридического равенства. Аналогичные обстоятельства выявляются в трудовом, семейном, административном, уголовном и иных отраслях системы российского права. Вот из такого рода особенностей современного состояния регулирования права человека на правовую защиту и делаются в юридической науке выводы о комплексной нормативной основе защиты прав человека, а также о необходимости объединения всех нормативно-правовых институтов в единую отрасль, или, по выражению А.В. Стремоухова, — в надотрасль. Указанный автор пишет: «Институт правовой защиты человека — это структурный элемент каждой отрасли права. А поскольку это так, то он должен изучаться в рамках конкретной отрасли права. Однако вполне очевидно, что нормами только одного правозащитного института какой-то отрасли права правовую защиту человека не обеспе-

---

²¹⁶ Егоров Н.Д. Гражданское правоотношение. С. 81.

²¹⁷ Конституция РФ: Комментарий Конституционного суда РФ... С. 27.

²¹⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации. М., 1994. С. 4.

²¹⁹ Стремоухов А.В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы. С. 40.

чить. Для этого требуется совокупность правозащитных институтов всех отраслей права. Совокупность же однородных институтов различных отраслей права образует нечто общее для всего права – межотраслевой или общеправовой институт. Одной из таких правовых общностей и является межотраслевой институт правовой защиты человека, который необходимо назвать «правом правовой защиты человека» с уверенностью в том, что в будущем, общими усилиями правоведов, он будет выделен в комплексную отрасль (надотрасль) права, и что на смену праву как регулятору поведения личности придет право правовой защиты человека». Это утверждение А.В. Стремоухова согласуется с выводом Т.М. Калининой о том, что «введение понятия “правозащитная система” в научный оборот представляется важным, прежде всего, с методологических позиций, потому что предлагаемая дефиниция позволяет подчеркнуть: фундаментальным направлением реформирования правовой системы современной России, как и любого другого современного государства, должно быть развитие именно гуманитарного права, гуманитарного законодательства и иных элементов правозащитной системы»²²⁰.

Таким образом, только методом одной какой-либо отрасли права урегулировать правозащитные отношения невозможно, а их общие признаки обуславливают потребность в формировании единого, общезащитного способа регулирования, объединяющего собой более конкретные методы.

Третье. Наличие достаточно обособленных и специфических правозащитных отношений в системе национальных юридических связей не может не порождать и соответствующую своей природе систему правового регулирования. В специальной литературе эта закономерность отмечена, а система правового регулирования правозащитных отношений названа «механизмом правовой защиты». «Поскольку, – пишет А.В. Стремоухов, – правовая защита является срезом правового регулирования, постольку у нее должен быть свой механизм – механизм правовой защиты как один из динамичных элементов механизма правового регулирования»²²¹. С нашей точки зрения, правовое регулирование защиты прав че-

---

²²⁰ Калинина Т.М. К вопросу о законодательной дефиниции... С. 488.

²²¹ Стремоухов А.В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы. С. 41.

ловека точнее назвать правозащитным регулированием, поскольку, как было выявлено выше, ее юридическим ядром и регулятивно-генерирующим центром выступает право человека на правовую защиту, а предметом – правозащитные отношения. «...Как в статике, так и в динамике, – продолжает А.В. Стремоухов, – правовая защита воздействует на часть общественных отношений – правозащитных и в конечном счете упорядочивает их»²²². Эта система – система правозащитного регулирования – не поглощается родственным ей правоохранительным механизмом. Оба вида правового регулирования существуют хотя и в тесном взаимодействии, но достаточно обособленно. Причины этого кроются, как было обосновано выше, не только в различиях предметов регулирования, но также и в целях, стоящих перед ними. Если «правоохранительный механизм – система институционно-правовых средств (норм, индивидуальных актов, правоотношений и т. д.), на основе и в рамках которых обеспечивается принудительное поддержание правопорядка»²²³, то цель «правовой защиты и институтов, в нее входящих, сводится к тому, чтобы добиться соответствующего юридическим стандартам уровня правовой защищенности всех прав, свобод, законных интересов и обязанностей, принадлежащих человеку на территории России»²²⁴.

Формирование системы правозащитного регулирования – одна из основных тенденций в развитии современной правовой системы РФ. Начало этой тенденции было положено вступлением России в 1996 г. в Совет Европы (СЕ), ратификацией Российской Федерацией в 1998 г. Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ЕКПЧ), а также дополнительных протоколов к ней и других основополагающих документов СЕ²²⁵. Вступление в действие данных нормативно-правовых актов привело к таким юридически значимым последствиям, как:

- во-первых, возложение на Российскую Федерацию обязанности привести свое национальное законодательство и

---

²²² Стремоухов А.В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы.

²²³ Ардашкин В.Д. К теории правоохранительного механизма // Правоведение. 1988. № 1. С. 9.

²²⁴ Стремоухов А.В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы. С. 45.

²²⁵ См.: Собрание законодательства РФ. М., 1996. № 9. С. 774; № 14. С. 1466; № 15. С. 1695.

- правоприменительную практику в соответствии с ЕКПЧ и другими правовыми актами Совета Европы;
- во-вторых, признание Россией обязательной юрисдикции контрольных органов ЕКПЧ: Европейского суда и Европейской комиссии по правам человека, преобразованных с 1 ноября 1998 г. в действующий на постоянной основе единый орган – Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ);
  - в-третьих, предоставление с 5 мая 1998 г. права российским гражданам непосредственного обращения, при условии исчерпания национальных средств защиты своих прав и свобод (п. 3 ст. 46 Конституции РФ), в Европейский суд по правам человека в Страсбурге. При этом обращение в ЕСПЧ возможно независимо от позиции российских властей. Суд вправе принять такое обращение к рассмотрению на основе индивидуальной жалобы, если даже имеет место возражение со стороны государства. Вместе с тем Европейским судом приветствуется и мирное соглашение между заявителем и государством-ответчиком;
  - в-четвертых, разрешение Российской Федерацией Европейскому комитету по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее – Антипыточный комитет) посещения любого места в пределах своей юрисдикции, где содержатся лица, лишённые свободы органами публичной власти²²⁶ (с 01.09 1998 г.), и направления для работы на постоянной основе в этом Комитете своего представителя;
  - в-пятых, признание Россией себя объектом и субъектом процесса мониторинга за соблюдением прав и свобод человека, действующего в рамках Парламентской ассамблеи и Кабинета министров Совета Европы.

Конечно, исполнение Российской Федерацией указанных обязательств замедляется целым рядом объективных и субъективных факторов. Однако нельзя не признать, что сделано в этом направлении уже немало: приняты фундаментальные национальные нормативно-правовые акты, определяющие смысл, условия и порядок внутригосударственной защиты прав челове-

---

²²⁶ См.: Право Совета Европы и Россия: Сб. док. и материалов. 2-е изд., доп. Краснодар, 1996. С. 257.

ка; активизированы процессы существенных преобразований в организации и деятельности правозащитных органов государственной власти; в обществе стал усиливаться отказ от нигилистического отношения к праву вообще и правам человека в частности. И, как следствие этих изменений, все более четко обозначается и само предметное содержание защиты прав человека и потребность в его обособленном регулировании. Действительно, такая разносторонняя и масштабная правозащитная деятельность субъектов прав человека и компетентных юридических лиц, обладающих правозащитными полномочиями, безусловно, требует согласованного и целенаправленного упорядочивания средствами правового регулирования. И в первую очередь, речь идет о формировании нормативно-правовой основы этого воздействия, суть которого заключается в том, чтобы придать собственной и регулятивной ценности прав человека нормативно-правовую форму и, таким образом, подчинить им все позитивное право. Сейчас уже не кажутся романтическими предложения о формировании такой отрасли, как право человека²²⁷, или правозащитных отраслей²²⁸. В этой связи С.С. Алексеев пишет: «Хотя процесс становления права человека по всем данным окажется сложным и долгим, уже сейчас различимы основные вехи этого процесса. По-видимому, наиболее крупными, поворотными среди них окажутся следующие: во-первых, такое построение позитивного права, когда путем целенаправленного законодательства категории субъективных прав человека будет подчинен весь основной нормативный материал национальной правовой системы (именно такой курс, судя по фактическим данным, взят в демократических передовых странах, в конституциях которых определяющее место занимают нормативные положения об основных правах человека); в Конституции России аналогичное положение, пусть пока на формальном уровне, записано в ст. 18; во-вторых, создание независимой системы правосудия, способной и настроенной на то, чтобы противостоять любым акциям учреждений исполнительной и законодательной власти, не согласующимся с Конституцией, основными правами и свободами человека; в-третьих, фактическое, немедленное и резкое реагирование су-

---

²²⁷ См.: Алексеев С.С. Право: Азбука – теория – философия... С. 658.

²²⁸ Калинина Т.М. К вопросу о законодательной дефиниции... С. 487.

дебной системы (реагирование, при отсутствии иных оснований, по своей инициативе), а вслед за ней – государства на все случаи, когда, пусть и в юридической форме, происходят на деле нарушения основных прав человека»²²⁹. Однако на сегодняшний момент, говоря о важности нормативно-правовой основы правозащитного регулирования в целом, мы поддерживаем мнение А.В. Стремоухова о том, что эта основа есть «межотраслевой институт системы российского права, представленный совокупностью юридических норм (институтов), содержащихся в различных отраслях права и регулирующих правозащитные отношения»²³⁰.

Четвертое. Факт обособленности правозащитной системы и комплексность ее нормативно-правовой основы есть, помимо всего прочего, дополнительное доказательство того, что с помощью какого-либо одного отраслевого метода, включая и конституционно-правовой, она не может быть реализована в полном объеме и должным образом, поскольку для этого необходим вытекающий из однородных признаков ее целей и принципов регулирования, а также регулируемых ею правозащитных отношений особый, адекватный именно ее природе метод правового регулирования, на основе принципов и в рамках которого только и должны применяться отраслевые методы. Таким методом, по нашему мнению, должен быть метод правозащитного регулирования, или, что одно и то же, правозащитный метод. К такому же выводу приходит и А.В. Стремоухов. Выявляя критерии обособленности правозащитных нормативно-правовых предписаний, он в качестве одного из них указывает на существование единого и особого метода регулирования правозащитных отношений: «Под методом правового регулирования института правовой защиты необходимо понимать совокупность приемов, средств и форм систематического правового воздействия на участников правозащитных отношений, на весь

---

²²⁹ Алексеев С.С. Право: Азбука – теория – философия... С. 658–658.

²³⁰ Стремоухов А.В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы. С. 42. Следует согласиться с утверждением А.В. Стремоухова о том, что правозащитный сектор – это элемент системы российского права, поскольку в Конституции РФ установлено, что составной частью национальной правовой системы являются не только международные договоры Российской Федерации, но и общепризнанные принципы и нормы международного права (см.: Конституция Российской Федерации. Ст. 15).

комплекс социальных явлений, образующих предмет данного межотраслевого института»²³¹.

С нашей точки зрения, правозащитный метод регулирования представляет собой единый и общий способ регулирования общественных отношений, складывающихся в сфере осуществления права человека на правовую защиту. То, что перед нами именно метод регулирования следует из его соответствия всем основным признакам данного понятия.

Метод правозащитного регулирования, как и любой другой способ воздействия какой-либо целостной регулятивной системы на общественные отношения²³², характеризуется тем, что: 1) очерчивает, устанавливает общие границы, пределы тех отношений, на которые распространяется его регулятивное воздействие (более предметно это выражается в перечне объектов, защищаемых правом человека на правовую защиту); 2) данный метод действует через установление нормативно-правовых предписаний, которые содержат информацию регулятивно-поведенческого свойства, а именно: сведения о запрещенных, обязательных и возможных вариантах поведения субъектов. Однако признаками объективного права не исчерпывается вся юридическая природа данного метода и его регулятивной способности. Он осуществляет регулирование правозащитных отношений и тогда, когда право человека на правовую защиту существует только как право субъективное; 3) с помощью правозащитного метода участники правозащитных отношений наделяются соответствующими

---

²³¹ Стремоухов А.В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы. С. 46.

²³² А.М. Витченко, рассматривая проблему обязательных признаков понятия «метод правового регулирования», приходит к выводу, что методу правового регулирования свойственно, во-первых, государственно-властное установление пределов регулируемых правом общественных отношений, а также определение перечня объектов, на которые может быть направлено результативное действие права; во-вторых, государственно-властные установления предостаточно-обязывающего характера относительно поведения субъектов, предусматривающие для участников общественных отношений права и обязанности, осуществление которых дает возможность государству поддерживать желаемый и единообразный правовой порядок; в-третьих, наделение участников регулируемых отношений правоспособностью и дееспособностью, и в-четвертых, определение государственных мер (средств) принуждения на случай нарушения. См.: Витченко А.М. Указ. соч. С. 49–51.

щими правоспособностью и дееспособностью; 4) определяет перечень средств защиты (средств правового принуждения) и порядок их применения.

Таким образом, все вышесказанное подводит к выводу о том, что факт признания прав человека Российской Федерацией порождает особый вид правовых отношений – правозащитные отношения, специфика которых, наряду с другими факторами, и обуславливает создание адекватной системы правового регулирования – правозащитного регулирования со свойственным этой системе единым методом, конкретизирующимся в соответствии с вышеописанной логикой на подотраслевые способы регулирования отношений, складывающихся в связи и по поводу осуществления права человека на правовую защиту.

Мы полагаем, что изложенное о сущности юридической природы и регулятивной ценности института защиты прав человека, а также характеристика общего понятия «метод правового регулирования» в совокупности с приведенными нами доводами в пользу существования единого метода регулирования правозащитных отношений позволяют утверждать, что **правозащитный метод может быть понят как гарантированный государством и международным сообществом способ регулятивного воздействия на правозащитные отношения, содержанием которого выступает осуществление права человека на правовую защиту посредством комплекса правовых средств, регулирующих самостоятельно или с помощью компетентных субъектов его осуществление в целях обеспечения правовой защищенности личности.**

В юридической науке методы правового регулирования классифицируются по самым различным основаниям: а) в зависимости от исходных правовых позиций субъектов все методы подразделяются на метод субординации и метод координации; б) по специфике правового содержания нормативных предписаний – на методы запрета, ограничения, предписания, дозволения, рекомендации, поощрения и т. п.; в) в зависимости от видов регулируемых правоотношений – на методы дозволения, координации, стимулирования, рекомендаций, принуждения, превенции, юридической ответственности. Этот же критерий, но уже в совокупности с отраслевой принадлежностью нормативной основы способа регулирования позволяет выделить методы конституционного, уголовно-процессуального, уголовно-правового,

гражданско-правового, трудового и других отраслевых методов регулирования²³³.

Существует и вертикальная классификация методов правового регулирования. В ее основе лежит тезис о существовании общеправового метода регулирования общественных отношений как единого и потому предельно обобщенного способа воздействия всей национальной системы правового регулирования на общественные отношения. Такую позицию, в частности, отстаивает Ф.Н. Фаткулин. По его мнению, существует один общеправовой метод и отраслевые методы. При этом под общим методом он понимает систему «специфических средств, способов, приемов и форм выражения государственной воли в различных структурных элементах правовых норм и во всех их прямых производных, используемых законодателем при юридическом опосредствовании упорядочиваемых общественных отношений в зависимости от их сферы, рода, вида и иных особенностей»²³⁴. С точки зрения Ф.Н. Фаткулина, «выражения “единый метод” и “отраслевой метод” правового регулирования отнюдь не исключают друг друга, поскольку первое из них обозначает всю систему юридических средств, способов, приемов и форм, имеющихся в распоряжении законодателя для воздействия на общественные отношения в целом, а второе – тот специфический набор из этой системы, который типичен для той или иной сферы общественных отношений и норм соответствующей ей отрасли... права»²³⁵.

Аналогичного мнения по этому вопросу придерживается и А.М. Витченко. Исходя из того, что проблему правовых методов следует разрабатывать в двух направлениях – как в направлении обоснования общего метода, так и в направлении развития отраслевых методов, он полагает, что понятие «общий метод правового регулирования» – это «комплексное собирательное понятие, которое охватывает в качестве своих составных частей важ-

---

²³³ См.: Пешков А.Б. О методе правового регулирования // Правоведение. 1971. № 2. С. 28–29; Процевский А.И. Указ. соч. С. 130; Витченко А.М. Указ. соч. С. 100 и след.; Сорокин В.Д. Указ. соч. С. 118 и след.; Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. С. 294 и след.; Миронов О.О. Конституционное регулирование... С. 22 и след.; и др.

²³⁴ См. Фаткулин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: Курс лекций. Казань, 1987. С. 156.

²³⁵ Фаткулин Ф.Н. Указ. соч. С. 159.

нейшие элементы специфически юридического воздействия права на общественные отношения»²³⁶.

Эти высказывания Ф.Н. Фаткулина и А.М. Витченко по проблеме классификации методов правового регулирования представляются нам весьма перспективными. Основное достоинство их подхода заключается в том, что с этой позиции вся система правового регулирования предстает как система взаимосвязанных методов, которыми право в целом и его структурно-нормативные подразделения воздействуют на общественные отношения.

Вместе с тем общий метод правового регулирования и отраслевые методы не исчерпывают всего многообразия способов правового регулирования. Так, например, если исходить из того, что отраслевой метод правового регулирования «это совокупность юридических приемов, средств, способов, отражающих своеобразие воздействия отрасли права на общественные отношения, направленные непосредственно на формирование и выражение во вне возможного и должного поведения субъектов в регулируемых данной отраслью права отношениях»²³⁷, то отсюда со всей очевидностью следует, что в эту схему не укладываются такие методы, как метод юридической ответственности, метод запретов, метод поощрения и др. Поэтому классификация методов, предложенная Ф.Н. Фаткулиным и А.М. Витченко, должна быть, по нашему мнению, дополнена еще одной группой методов – особыми методами правового регулирования. Их основной отличительный признак заключается в межотраслевом характере нормативной основы и регулируемых правом общественных отношений.

Общий метод правового регулирования представляет собой функционально-направленное выражение общего правового регулирования. Его специфика заключается в том, что право регулирует поведение людей и их коллективов посредством нормативного установления прав и обязанностей, обеспечиваемых государством. Смысл и значение выделения общего метода состоит в том, чтобы привести к общему знаменателю действие всей национальной системы правового регулирования в сфере общественных отношений. Общий метод правового регулирования со-

---

²³⁶ Витченко А.М. Указ. соч. С. 49.

²³⁷ Там же. С. 60.

держит в себе в свернутом виде отраслевые и особые методы. Поэтому отраслевые и особые методы – это, по своей сути, специализированные формы выражения общего правового метода регулирования.

Выделение отраслевых и особых методов правового регулирования диктуется потребностью регулируемых правом общественных отношений в адекватном их специфике воздействию системы правового регулирования. «Разнообразие общественных отношений, входящих в сферу правового регулирования, – пишет В.М. Корельский, – порождает различия в методах и способах юридического воздействия»²³⁸.

Мы поддерживаем широко распространенный в юридической науке вывод о том, что каждая отрасль права имеет свой предмет и метод правового регулирования. Вместе с тем признаем, что наряду с отраслевыми методами регулирования существуют и иные, предмет которых формируется следующими двумя основными путями. Во-первых, путем выделения из предметов различных отраслей права той или иной группы однородных общественных отношений и последующее их объединение в один комплекс. Такова, например, логика складывания методов юридической ответственности, правового поощрения и др. А во-вторых, в результате появления в различных отраслях права новых, ранее неизвестных правовой системе общественных отношений, требующих однотипного правового регулирования. В качестве примера такого пути складывания метода правового регулирования можно привести процесс формирования методов частно-правового и публично-правового регулирования.

В группу особых методов правового регулирования входит и правозащитный метод, который, как было установлено, имеет свой предмет и набор соответствующих средств правового воздействия. Характеристике предмета правозащитного метода, а также его сущностным чертам и особенностям действия посвящены соответственно второй и третий параграфы настоящей главы нашего исследования.

---

²³⁸ См.: Теория государства и права: Учебник для юрид. вузов и фак. / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1997. С. 294.

§ 3. Сущность правозащитного метода регулирующего общественных отношений

Регулятивное воздействие института защиты прав человека на общественные отношения основано на юридически значимых, регулятивных свойствах права человека на правовую защиту. Само же это право вовлекается в правовую систему общества в форме субъективного права с последующим приобретением им свойств права объективного. Эти обстоятельства, наряду со специфическим характером правозащитных отношений, в решающей степени обуславливают особенности сущности и воздействия правозащитного метода регулирования на общественные отношения.

Научная и практическая важность постановки вопроса именно о сущности правозащитного метода регулирования общественных отношений обуславливается потребностью четкого обозначения всех тех юридических средств, которые, во-первых, по своей природе являются предметным содержанием именно правозащитного регулирования (то есть вытекают из права человека на правовую защиту и в своей совокупности образуют регулятивный срез всего института защиты прав человека), а во-вторых, функционально предназначены для достижения такого рода воздействия на общественные отношения.

В специальной литературе категория «сущность метода правового регулирования общественных отношений» не получила должного самостоятельного исследования. Вместе с тем надо отметить, что сам термин «сущность» для характеристики того или иного метода используется довольно часто. Так, например, С.С. Алексеев пишет: «Метод правового регулирования в концентрированном виде собирает в единый фокус правовые особенности данной отрасли права, отражая то основное, что характеризует его *правовую сущность*»²³⁹. Другое авторы прямо говорят о сущности конкретных методов. Например, В.М. Горшенев ставит вопросы именно о сущности

---

²³⁹ Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М., 1961. С. 53.

рекомендательного²⁴⁰, поощрительного²⁴¹, принудительного²⁴² и иных методов регулирования общественных отношений.

Однако в целом все же надо признать, что в современном отечественном правоведении отсутствует развернутая и сколь-нибудь удовлетворяющая потребности теории и практики характеристика сущности метода правового регулирования. Свидетельством этого является анализ научных исследований, который выявляет значительный разбой во мнениях и выводах ученых относительно того, что собой представляет главная, то есть сущностная, черта метода регулирования и в какой плоскости правовой действительности она располагается. В процессе обобщения существующих высказываний ученых по этому поводу обнаруживаются три основных варианта понимания сущности метода правового регулирования. С определенной долей условности эти варианты можно назвать **нормативным, функциональным и поведенческим**.

Особенность нормативного понимания сущности метода правового регулирования вытекает из утверждения о том, что «методы субстанциональны, неотделимы от правовой материи. Они выражают самую суть, стержень того или иного юридического режима регулирования; следовательно, в системе права они служат именно тем объединяющим началом, которое компонует правовую ткань в главные структурные подразделения — в от-

---

²⁴⁰ «Сущность рекомендательного метода состоит в том, что в нормативных предписаниях содержится совет без прямой обязывающей регламентации относительно желаемого поведения, следование которому позволит наиболее эффективно достигнуть результата, выгодного конкретному коллективу или всему обществу» (см.: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования... С. 87).

²⁴¹ «Особенность поощрительного метода заключается в том, что в нормах права содержатся указания на определенный вариант поведения, следование которому желательно для всего общества, но не обязательно для каждого отдельного, субъекта. Однако выбор такого поведения подкрепляется обещанием наделить субъекта благами сверх общепринятых норм» (см.: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования... С. 88).

²⁴² Описывая функцию вытеснения из общественных отношений противоправного поведения, В.М. Горшенев пишет: «Осуществлению данной функции способствуют особые методы регулирования — способы принудительного воздействия. Их сущность состоит в том, что они содержат угрозу наступления невыгодных последствий в результате неправомерного поведения» (см.: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования... С. 89).

расли права»²⁴³. С этой точки зрения, главная характеристика метода заключена в нормативно-регулятивных особенностях институтов права (отраслях, институтах – вплоть до отдельной правовой нормы)²⁴⁴ и понимается как нормативный способ воздействия права на общественные отношения.

Функциональный подход основан на признании методологической роли функций правового регулирования по отношению к методу. Под таким углом зрения вполне логичным выглядит утверждение о том, что сущность метода – это форма, способ осуществления функций правового регулирования²⁴⁵.

Специфика «поведенческого» толкования категории «сущность метода правового регулирования» состоит в признании того, что главное в назначении метода – это определение поведения людей. «В методе правового регулирования как способе воздействия на сознание и волю людей, – пишет А.И. Процевский, – проявляются два свойства права: определение поведения людей вообще и определение их поведения применительно к данному виду общественных отношений»²⁴⁶.

Из приведенного видно, что спектр предлагаемых решений охватывает практически все звенья системы правового регулирования – от указания на принадлежность сущности метода к нормативной форме бытия права до ее понимания в качестве регулятора, реализующегося в конкретном правомерном поведении субъектов правоотношений. Однако, с нашей точки зрения, обозначенные подходы носят неоправданно абстрактный характер и способны высветить лишь внешние свойства сущности метода правового регулирования²⁴⁷, то есть его фактическое содержание, а не скрытое и закономерное в нем.

Вместе с тем нельзя не заметить, что между нормативной, функциональной и поведенческой характеристиками сущности

---

²⁴³ Алексеев С.С. Теория права. С. 156.

²⁴⁴ Кулапов В.Л. Указ. соч. С. 56.

²⁴⁵ Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования... С. 71 и след.

²⁴⁶ Процевский А.И. Указ. соч. С. 103.

²⁴⁷ В специальной литературе принято подразделять все признаки методов правового регулирования на внешние и внутренние (подробнее см.: Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л., 1949. С. 35–36).

метода регулирования имеется нечто общее, характеризующее их изнутри как единый процесс воздействия права на общественные отношения. Этим общим являются пути воздействия права (институтов права) на общественные отношения. К числу таких обязательных путей относятся: 1) предоставление лицам субъективных прав; 2) возложение на лица юридических обязанностей; 3) угроза применения мер государственного или общественного воздействия; 4) обеспечение государственного принуждения²⁴⁸. Анализируя эти пути воздействия права на общественные отношения, В.Ф. Яковлев приходит к выводу, что приемы их осуществления представляют собой сущность метода правового регулирования. С его точки зрения, приемы, во-первых, олицетворяют в методе наиболее устойчивое и закономерное, а во-вторых, отражают в себе специфику упорядоченного, целенаправленного и обеспеченного государственным принуждением способа правового регулирования общественных отношений. «Все отраслевые методы, — пишет В.Ф. Яковлев, — сохраняют основное качество правового регулирования, состоящее в установлении обеспеченных государством прав и обязанностей участников регулируемых отношений. Но в разных отраслях права установление прав и обязанностей и обеспечение их государственным принуждением происходит по-разному»²⁴⁹.

Однако по нашему мнению, прием правового регулирования (или их совокупность) не может выступить выразителем сущности такого явления, как метод правового регулирования. В основном наше возражение связано с тем, что понятие «прием правового регулирования» характеризует «техническую» сторону метода, а не его ценность как направленного распределителя прав и обязанностей между субъектами права. В то время как общепризнанно, что основное назначение метода заключается в том, чтобы осуществить целенаправленное возложение на субъектов прав и обязанностей. По этому поводу В.Н. Кудрявцев пишет: «Основной метод правового регулирования — возложение на субъектов юридических обязанностей и предоставление им прав...»²⁵⁰. Именно в том, что метод правового ре-

---

²⁴⁸ См.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования... С. 22–23.

²⁴⁹ См.: Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования... С. 70.

²⁵⁰ Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 46.

гулирования является способом распределения между субъектами прав и обязанностей, и состоит, по нашему мнению, его сущность. По отношению к ней пути и приемы — это средства ее реализации. Таким образом, мы полагаем, что сущность метода правового регулирования заключена в целенаправленном и результативном воздействии права на общественные отношения путем распределения (возложения) между его сторонами прав и обязанностей.

Определяя исходные точки выявления и исследования сущности правозащитного метода, необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство. Дело в том, что в рамках нормативного, функционального и поведенческого понимания сущности метода областью ее бытия признается только объективное право. В то же время не вызывает сомнений, что метод как способ правового регулирования в равной мере может вытекать как из объективного права, так и из права субъективного²⁵¹. В этой связи следует согласиться с В.Ф. Яковлевым, который пишет: «Поскольку метод представляет собой способ воздействия ... права на поведение людей, то он неизбежно выступает также и как способ организации правовых связей субъектов. ... Поэтому он должен быть раскрыт не только в плане объективного, но также и субъективного права»²⁵². Это, с нашей точки зрения, принципиальное положение, без учета которого невозможно понять сущность, раскрыть структуру и особенности действия правозащитного метода. Именно благодаря этому обстоятельству появляется возможность преодолеть представления об обязательной жесткой связанности метода правового регулирования с объективными свойствами позитивного права. С этой точки зрения становится понятным, почему такое субъективное право человека, как его право на правовую защиту, будучи только признанным международным сообществом и государством, но еще не закрепленным в национальном действующем законода-

---

²⁵¹ Впервые идея о том, что метод правового регулирования базируется, в том числе, и на субъективном праве, была высказана С.Н. Братусем (см.: Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 50). В последующем она активно отстаивалась В.В. Лаптевым (см.: Лаптев В.В. Предмет и система хозяйственного права. М., 1969. С. 62).

²⁵² См.: Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования... С. 65.

тельстве, фактически осуществляет регулятивное воздействие на поведение людей. Это реальное проявление особенности правозащитного метода регулирования, которое не свойственно ни одному другому внутриотраслевому методу, нашло нормативное закрепление в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. В ней установлено: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы»²⁵³. Закрепляясь в Конституции РФ в качестве одного из принципов, данное положение трансформируется далее и в отраслевое законодательство, формируя в нем соответствующие сегменты правозащитного регулирования. При этом, в какой бы форме ни находились права человека и в каких бы источниках они ни закреплялись, они объявляются высшей правовой ценностью. «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»²⁵⁴, – установлено в ст. 2 Конституции РФ. Более того, Конституция РФ прямо закрепляет и такой принцип: «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». Таким образом, для субъективных прав человека (в том числе и для права человека на правовую защиту) создается особый режим регулирования, отличительной чертой которого является закрепление статуса универсальности их действия.

Из вышеизложенного следует вывод о том, что сущность правового метода регулирования не может быть исчерпана указанием на одно какое-либо его свойство – нормативность, функциональность или способность метода осуществляться в реальном правомерном поведении субъектов правоотношений. Она аккумулирует в себе эти качества и концентрированно выражается в целенаправленном распределении с помощью различных юридических средств прав и обязанностей между субъектами права. Благодаря этому метод правового регулирования превращается в высокоавторитетное и эффективное средство упорядочения общественных отношений путем целенаправленного воздействия как объективного, так и субъективного права на волю и сознание людей.

---

²⁵³ Конституция РФ: Комментарий Конституционного суда РФ... С. 21.

²⁵⁴ Там же. С. 18.

С этих позиций становится очевидным, что проблема сущности правозащитного метода регулирования в главном и основном сводится к характеристике тех закономерностей, в рамках которых осуществляется: 1) приобретение человеком права на правовую защиту как юридически гарантированного варианта поведения, состоящего как в пользовании правовой защищенностью своих интересов, так и в возможности преодоления и устранения препятствий в реализации его прав, в том числе и средствами правого принуждения; 2) формирование и возложение на лиц юридических обязанностей, корреспондируемых с правом человека на правовую защиту.

Наряду с этим надо подчеркнуть и то, что поскольку правозащитный метод регулирования выражает целенаправленность всего правозащитного регулирования, следовательно, не вызывает сомнений, что его цель располагается в плоскости сущности. В этой связи следует особо подчеркнуть, что в соответствии со ст. 2 Конституции РФ основной задачей правовой системы нашего общества является правозащитная цель. Однако указание на цель не исчерпывает всей специфики сущностных черт метода правозащитного регулирования. Его отличительные особенности вытекают и из принципов правозащитного регулирования²⁵⁵. Все эти принципы закреплены в Конституции РФ: принцип неотчуждаемости основных прав и свобод человека (ч. 2 ст. 17); принцип непосредственного действия прав и свобод человека (ст. 18); принцип личной неприкосновенности человека (ст. 22); принцип гарантированности правовой защиты прав и свобод человека (ст. 45); принцип гарантированности правовой помощи (ст. 48) и др.

Указанные цель и принципы правозащитного регулирования сообщают соответствующие особенности содержанию метода и его действию. В совокупности они придают ему статус особого способа правового регулирования правозащитных отношений. Среди них наиболее отчетливо выделяются такие свойства:

1. Универсальность действия правозащитного метода. Она основана на том, что юридическая природа и регулятивная ценность права человека на правовую защиту обеспечивают способность этого права оказывать влияние на действия государства и

---

²⁵⁵ Стремоухов А.В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы. С. 107 и след.

иных лиц безотносительно того, в какой форме оно, это право, существует и где оно реализуется.

2. Обусловленность правозащитного метода особыми, правозащитными отношениями, сфера функционирования которых выходит за рамки национальной правовой системы и не укладывается в предмет регулирования какой-либо одной отрасли права.

3. Комплексность нормативно-правовой основы правозащитного метода.

4. Соответствие правового регулирования защиты прав человека международным стандартам правового обеспечения защиты прав человека.

Г л а в а 2

ПРЕДМЕТ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ ПРАВООЩИТНОГО МЕТОДА

---

§ 1. Предмет регулирования правозащитного метода

Как известно, факт существования того или иного метода правового регулирования обусловлен наличием особой группы волевых общественных отношений, которые объективно нуждаются в регулятивном воздействии со стороны права. Именно эта группа и рассматривается в качестве предмета правового регулирования.

В юридической науке общепризнано, что предметом правового регулирования являются разнообразные общественные отношения, которые объективно, по своей природе могут поддаваться нормативно-организационному воздействию и в данных социально-политических условиях требуют такого воздействия, которое осуществляется при помощи юридических норм и всех иных юридических средств, образующих механизм правового регулирования. При этом следует иметь в виду, что общественные отношения способны выступить предметом правового регулирования при условии понимания их в качестве формы осуществления волевой деятельности человека, в данном случае правовой деятельности²⁵⁶. «Существенная особенность регулируемых правом общественных отношений, — поясняет С.С. Алексеев, — заключается в том, что они могут быть предметом правового воздействия лишь постольку, поскольку выступают в качестве волевых отношений»²⁵⁷.

---

²⁵⁶ По сути, аналогичного мнения придерживается и В.М. Горшенев. По его мнению, «предметом правового регулирования следует считать не общественные отношения вообще (это своего рода общий предмет регулирования). В самих общественных отношениях должен выделяться главный объект, непосредственно принимающий на себя правовое воздействие и реагирующий на него. Таким главным, непосредственным объектом и является воля участников регулируемого общественного отношения» (см.: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования... С. 23).

²⁵⁷ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. С. 292.

Предмет и метод правового регулирования находятся в жесткой взаимосвязи. Это обстоятельство позволило вышепротитированному автору сделать важный вывод о том, что метод выступает свойством предмета регулирования. Отсюда вытекает, что общественные отношения не просто детерминируют метод регулирования, но и выражаются в нем сообразно его собственной природе.

Наиболее содержательное выражение в методе правового регулирования находят сложившиеся в общественных отношениях общие правовые дозволения, запреты и обязывания. Они, выступая своеобразным мостиком между предметом и методом правового регулирования, предопределяют приемы, каким метод может и должен воздействовать на свой предмет. А складывающаяся на их основе система метода правового регулирования представляет собой не что иное, как реализацию этих, по своей природе социально-юридических, общих правовых «предписаний». В этой связи надо согласиться с С.С. Алексеевым, который пишет: «И ОБД и ОБЗ принадлежат, судя по всем данным, к глубинному пласту механизма правового регулирования, к той его плоскости, которая расположена “ближе” к экономике, другим определяющим факторам социальной жизни. ОБД и ОБЗ – уже в рамках права – передают вместе с принципами права импульсы от метаюридических определяющих факторов ко всем звеньям механизма правового регулирования»²⁵⁸. Поэтому трудно присоединиться к мнению В.Л. Кулапова о том, что нормы права являются первичным источником метода правового регулирования²⁵⁹. Очевидно, следует сказать по-другому: нормы права являются первичным формально-определенным юридическим источником.

Исходя из логики вышеизложенных рассуждений, нужно признать правильным утверждение о том, что существенное значение в формировании защиты прав человека как метода правового регулирования (правозащитного метода) представляют те общественные отношения, в которых, во-первых, складываются первичные (общие) предписания (обязывания, дозволения и запреты), выражающие как свою естественно-социальную основу притязания человека на защиту его природных, душевных и ду-

---

²⁵⁸ См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 230.

²⁵⁹ См.: Кулапов В.Л. Указ. соч. С. 55.

ховных свойств, а во-вторых, формируется правозащитная направленность регулятивного воздействия всего набора правовых средств – инструментального оснащения реализации правозащитных полномочий. В связи с этим, перефразируя известное выражение В.Д. Сорокина, можно сказать, что существование и функционирование правозащитного метода регулирования общественных отношений связано со следующими факторами: признанием права человека на правовую защиту (общее дозволение); соблюдением этого права всеми субъектами общественных отношений (общее обязывание); запрещением его нарушения под угрозой применения мер принуждения (общий запрет)²⁶⁰. Эти первичные предписания, конкретизируясь в юридическом содержании правозащитного отношения, и образуют главное, исходное в содержании метода правозащитного регулирования. Реально это выражается в следующем. Под действием общих предписаний складывается юридическое содержание правозащитных отношений и далее они самым прямым и непосредственным образом «участвуют» в формировании правозащитного сегмента в законодательстве, системе права и юридической практике и, таким образом, с необходимостью образуют адекватную себе систему правозащитного регулирования с присущим ей методом воздействия на общественные отношения. «Представляя собой самостоятельные, особые, субстанциональные правовые явления (они одновременно имеют черты и юридических норм, и юридических прав и обязанностей, но не сводимы ни к тому, ни к другому), – пишет С.С. Алексеев, – общие дозволения и общие запреты выполняют в правовом регулировании общую регулятивно-направляющую роль и, выступая для субъектов в виде определенной меры свободы (долга), они одновременно действуют и через всю систему связанных с ними юридических норм и их комплексов»²⁶¹.

В юридической науке права человека и их защита еще не подвергались анализу в плоскости общих правовых предписаний, однако то обстоятельство, что именно они являются социально-юридическими формами опосредования связи социально-природных основ прав человека и их защиты с соответствующими правоотношениями, не вызывает сомнений.

---

²⁶⁰ Сорокин В.Д. Указ. соч. С. 114.

²⁶¹ См.: Алексеев С.С. Право: Азбука – теория – философия... С. 369.

Правозащитные отношения – явление новое в нашей правовой системе, а потому фактически еще не исследовано специалистами. Отмечая это обстоятельство, Н.И. Матузов пишет: «Необходимо сказать, что практика реализации фундаментальных естественных прав человека у нас пока небогата, поскольку сами эти права официально признаны и законодательно закреплены сравнительно недавно. Этой практике еще предстоит сложиться, а науке придется ее изучать и обобщать»²⁶².

Анализ правозащитного отношения в интересующем нас аспекте предполагает, во-первых, выделение его из общего ряда правоотношений, а во-вторых, установление и исследование состава правозащитного отношения. При этом следует соблюдать следующее правило, сформулированное Л.Д. Воеводиным: «Выявляя нужное правоотношение из всей массы смежных с ним отношений, необходимо заботиться о том, чтобы установить все существенные признаки фактического состава данного правоотношения, которые в своей совокупности дают полную его картину, без каких-либо изменений, таким, каким оно имеется в реальной действительности»²⁶³.

Правозащитные отношения – во многом особые правоотношения. Но это именно правоотношения, поскольку им присущи все обязательные черты последних, преломленные через их специфику. Укажем на следующие их особенности:

1. Они возникают на основе такого юридического явления, как право человека на защиту. Это право порождает правозащитное отношение независимо от того, зафиксировано оно в национальном законодательстве или нет. В любом случае индивид в праве и самостоятельно, и с помощью других субъектов осуществлять защиту своих прав, инициируя осуществление в рамках этих отношений правозащитных полномочий как внутригосударственных, так и международных правозащитных органов и организаций.

2. Они характеризуются юридической связью сторон, в которой управомоченная сторона (субъект права на правовую защиту) возлагает соответствующую юридическую обязанность на другую.

---

²⁶² Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 506.

²⁶³ См.: Воеводин Л.Д. Указ. соч. С. 271.

3. Осуществление права человека на правовую защиту и исполнение связанной с ним юридической обязанности обеспечены возможностью государственного и международного принуждения, но могут быть реализованы и без вмешательства правозащитных органов и организаций.

Указанные черты позволяют выделить правозащитные отношения из всей массы правоотношений, складывающихся в самых различных областях системы правовых отношений. К их числу прежде всего надо отнести следующие: отношения между государством (его органами) и каждым отдельно взятым человеком, социальными группами и обществом в целом; отношения внутри государства, между его органами по поводу нормативно-правового и организационно-правового обеспечения прав человека; волевые отношения между людьми, вовлеченными в процесс реализации права человека на правовую защиту; отношения между государством и международным сообществом в лице его правозащитных организаций; отношения между государствами по поводу и в связи с обеспечением прав человека.

Наиболее полно своеобразие правозащитных отношений выражается в элементном составе – **объект, субъект и содержание**. Специфика свойств этих элементов прямо подводит к выводу о том, что правозащитные отношения являются тем материальным основанием, которое, во-первых, обуславливает необходимость существования именно правозащитного метода регулирования, а во-вторых, предопределяет его сущность, основные черты и особенности действия.

Объект правозащитного отношения. Под объектом правоотношения понимаются те явления (предметы) окружающего нас мира, а также социально полезные действия и их результаты, на которые направлены субъективные права и юридические обязанности²⁶⁴.

Объект правоотношения следует отграничивать от объекта правового регулирования. Если объект правоотношения – это всегда та ценность, по поводу которой возникает и развивается само правоотношение, то термином «объект правового регулирования» обозначается общественное отношение, на которое на-

---

²⁶⁴ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. С. 154; Проблемы общей теории права и государства: Учебник / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999. С. 382.

правлено регулятивное воздействие права. «Объектом (предметом) правового регулирования, — пишет С.С. Алексеев, — являются общественные отношения, акты волевого поведения людей — участников общественных отношений, на которые воздвигается право»²⁶⁵. При этом объектом правового регулирования могут быть только правоотношения. «Если общественное отношение выступает как предмет правового регулирования, — делает вывод Ю.К. Толстой, — то это отношение с самого начала возникает в правовой форме»²⁶⁶. Данное уточнение имеет принципиальное значение, поскольку позволяет рассматривать правозащитное отношение и как правовое основание обособления правозащитного метода регулирования, и в качестве юридически значимого предмета его целенаправленного и результативного воздействия. В первом случае основной акцент переносится на объект правозащитного отношения, во втором — на содержание этого отношения. Разумеется, эти акценты не должны приводить к раздвоению правозащитного отношения. Их выделение продиктовано только исследовательскими задачами, поставленными в настоящем параграфе, и потому носит, скорее, гносеологический, нежели онтологический характер.

При анализе объекта правозащитного отношения важное значение приобретает отмечаемая практически всеми специалистами взаимосвязь объекта правоотношения и субъективного права²⁶⁷. Главное в этой взаимосвязи заключено в том, что круг объектов правоотношений задается субъективным правом, которое, в свою очередь, напрямую выражает интересы управомоченной стороны. Благодаря этому объект как юридическое явление раскрывается со стороны своей полезности, то есть способности удовлетворять потребности человека. «Связь объекта с интересами участников правоотношения, — пишет А.В. Мицкевич, — выводит нас за пределы анализа юридической формы правоотношения и позволяет установить связь этой формы с различными материальными, организационными и культурными средствами

---

²⁶⁵ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. С. 155.

²⁶⁶ См.: Толстой Ю.К. Правоотношение // Общая теория государства и права. Л., 1974. Т. 2. С. 336.

²⁶⁷ Подробнее см.: Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959. С. 42; Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981. С. 81; Основин В.С. Советские государственно-правовые отношения. М., 1965. С. 62.

удовлетворения потребностей личности и общества»²⁶⁸. Иными словами, правозащитные отношения складываются в связи с определенными ценностями, которые в одном случае своим источником имеют самого человека (жизнь человека, свобода человека), а в другом – внешние по отношению к нему явления (предметы материального и духовного мира, экология, социально-полезные действия и их результаты – жилье, одежда, информация, образование, медицинская и юридическая помощь и др.), которые имеют жизненно важное значение для его достойного существования.

С учетом отмеченного объектом (предметом) правозащитного отношения следует признать те свойства человека и внешние условия его существования, а также материальные и нематериальные блага, социально значимые действия и их результаты, обладание и пользование которыми признано естественным состоянием достойного существования личности и которые поставлены под защиту его права, обеспеченного соответствующими юридическими обязанностями и принудительной силой государства и международного сообщества.

Каждое правозащитное отношение имеет свой объект. Но в своей совокупности они образуют целостную систему, адекватную системе прав человека.

При рассмотрении проблемы объекта правозащитных отношений в таком широком аспекте необходимо иметь в виду следующее. Во-первых, как отмечает Л.И. Глухарева, если невозможно «представить исчерпывающего и закрытого каталога прав, поскольку это означало бы непризнание динамики развития индивидуальных и групповых возможностей, увеличивающихся и расширяющихся благодаря безграничным способностям человеческой природы и растущего потенциала общества»²⁶⁹, то и перечень объектов правозащитных отношений не может быть исчерпывающим. Во-вторых, в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 1986 г. записано: «В связи с существованием серьезных препятствий на пути развития и полного самовыражения человека и народов, связанных, в частности, с отрицанием гражданских, политических, эконо-

---

²⁶⁸ См.: Общая теория советского права. М., 1966. С. 311.

²⁶⁹ Глухарева Л.И. Типология прав человека... С. 6.

мических, социальных и культурных прав, и считая, что все права человека и основные свободы неделимы и взаимозависимы и что для содействия развитию должно уделяться одинаковое внимание и первостепенное значение осуществлению, содействию и защите гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав и что вследствие этого содействие, уважение и осуществление некоторых прав человека и основных свобод не может служить оправданием отказа в других правах человека и основных свободах»²⁷⁰. В связи с этим нужно признать недопустимым ранжирование объектов правозащитных отношений по критерию их важности для личности, общества, человечества. И в-третьих, принимая во внимание, что «защита человека и уважение его достоинства предполагают осуществление социальных акций, направленных на поддержание жизнедеятельности людей во всех трех сферах человеческого бытия: биофизического, социального и духовного», надо признать, что все объекты правозащитных отношений могут быть подразделены, равно как и права человека²⁷¹, на три основных и равнозначных группы — объекты защиты личного, политического и социально-экономического назначения.

Разумеется, все объекты правозащитных отношений носят характер субъектно-определенных ценностей, и в этом смысле все они имеют индивидуальную, личностную полезность. Но поскольку уже сложилась указанная классификация прав человека, то, очевидно, и ценности, стоящие за ними, могут быть

---

²⁷⁰ Декларация о праве на развитие. Принята резолюцией 41/128 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1986 г. // Международные акты о правах человека: Сб. док. М., 2000. С. 105.

²⁷¹ Градация прав человека на основе такого критерия, как сфера жизнедеятельности человека в целом, считается наиболее общепризнанной среди специалистов (см.: Островский Я.А. ООН и права человека. М., 1968. С. 78–85; Чхиквадзе В.М. Всеобщая декларация прав человека и ее историческое значение (К 40-летию принятия) // Советское государство и право. 1988. № 12. С. 94; Карташкин В.А. Всеобщая декларация и права человека в современном мире (К 40-й годовщине принятия Всеобщей декларации прав человека) // Советский ежегодник международного права. 1988. М., 1989. С. 43; и др.). Более детальную классификацию прав человека предлагает Ф.М. Рундский. С его точки зрения, целесообразно выделять гражданские, политические, экономические и социально-культурные права человека (см.: Рундский Ф.М. Гражданские права человека... С. 42).

обозначены этими же терминами, несмотря на некоторую их условность.

Объекты защиты личного назначения очерчивают круг ценностей антропологического и нравственного происхождения. Их значение для человека заключается в том, что они обеспечивают сохранность личности, ее своеобразие и автономию в самых различных социальных связях. К ним относятся жизнь человека, его достоинство, личная неприкосновенность, имя и честь, неприкосновенность жилища, свобода совести и вероисповедания и т. д.

Объекты политического назначения складываются по поводу и в связи с защитой свободы человека и его возможности участия в политической жизни общества, в формировании и осуществлении государственной власти и местного самоуправления. Смысл выделения объектов политического назначения заключается в том, чтобы путем взятия их под защиту укрепить отношения личности и государства. К числу таких объектов относятся свобода слова и убеждений, свобода выражения мнения, свобода информации, свобода собраний, манифестаций и т. п.

Объекты социально-экономического назначения. Это ряд объектов правозащитных отношений призван удовлетворять потребности человека в обеспечении достойного уровня благосостояния и качества его жизни. Речь идет о тех реальных благах, которые личность получает в сфере производства и распределения материальных ценностей. Сюда же включаются отношения собственности, свобода предпринимательской деятельности, а также материальные ценности, предоставляемые октроированными правами, например, пособие по безработице, доступное по оплате жилье, социальная помощь инвалидам, пенсионерам и т. п.

При характеристике перечня объектов правозащитных отношений нельзя не заметить, что он (этот перечень) в принципе совпадает со структурой основных прав и свобод человека, закрепленной в основополагающих международных документах по правам человека (Билль о правах человека, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и др.) и в Конституции РФ. Однако такое утверждение нуждается в уточнении. Дело в том, что к числу ценностей, вытекающих из естественной природы человека и уровня социально-экономического и политического развития общества и являющихся объектом правозащитных отношений, трудно отнести так называемые про-

цедурные права человека, которые возникают в рамках процессуальных отношений. Следовательно, и ценности, стоящие за этими правами, нельзя однозначно считать объектами правозащитных отношений (но они, безусловно, являются предметом правового регулирования). Например, в ч. 1 ст. 6. Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод записано: «Каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона»²⁷². Можно ли считать публичное разбирательство, его разумный срок, беспристрастность суда и так далее объектами правозащитного отношения? По нашему мнению, нельзя, поскольку здесь речь идет об исполнении юридических обязанностей одного из участников в рамках существующего единого правозащитного отношения.

В качестве дополнительной аргументации этого тезиса можно привести вывод В.П. Божьева: «Объектом уголовно-процессуальных правоотношений является уголовно-правовое отношение в его объективном (то есть соответствующем действительности) состоянии»²⁷³.

Значение объединения объектов правозащитных отношений в единую категорию имеет принципиальное значение для решения вопроса о выделении особого метода регулирования. Дело в том, что объект правоотношения, порождая само правоотношение, обуславливает тем самым и метод своего регулирования. «Именно предмет обуславливает необходимость выделения той или иной отрасли, а когда отрасль обозначается, появляется и соответствующий метод регулирования, который в значительной мере зависит от воли законодателя»²⁷⁴.

Однородность объектов правозащитных отношений, вытекающая из их органической связи с правами человека, выражается в однородности самих правозащитных отношений, которые,

---

²⁷² Европейская Конвенция о защите прав человека... С. 541.

²⁷³ См.: Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975. С. 139.

²⁷⁴ Комаров С.А. Система права // Общая теория государства и права: Академический курс в 2 томах / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1998. Т. 2: Теория права. С. 234.

в свою очередь, предполагают и однородность всей системы своего правового регулирования. Однако в силу того, что объекты правозащитных отношений располагаются в самых разных сферах общества и регулируются нормами практически всех отраслей права, то и порождаемые ими отношения не могут быть охвачены регулятивно-организующим воздействием какого-либо одного из существующих отраслевых методов. Отсюда и проистекает, как мы уже отмечали, комплексный характер правозащитного метода регулирования.

Признание, то есть юридическое закрепление вышеуказанных ценностей в качестве объектов правозащитных отношений, представляет собой первичный (видимый) фактор в формировании правозащитного метода регулирования. Именно он обуславливает и объясняет смысл существования всего правозащитного регулирования и института защиты прав человека в целом. Более конкретно значение объекта (предмета) в формировании правозащитного метода регулирования выражается в том, что объект обуславливает однородность правовой природы и направленность метода правозащитного регулирования, а также сообщает ему особо высокий юридический статус. Таким образом, факт существования объекта правозащитного отношения есть в то же время и материальная предпосылка, и этап складывания правозащитного метода регулирования общественных отношений.

Субъекты правозащитных отношений. Общеизвестно, что бессубъектных общественных отношений не существует. В антологическом плане круг субъектов социальных связей задается предметами самих этих отношений. Исходя из данных аксиом, следует признать, что субъектами правозащитных отношений являются те физические и юридические лица, которые имеют правовую связь с предметом (объектом) правозащитных отношений. Эта юридическая связь означает, что субъекты правозащитных отношений обладают правосубъектностью (компетенцией), которая и позволяет им выступать участниками правозащитных отношений. То есть субъекты правозащитных отношений – это все участники данных отношений, связанные между собой взаимокорреспондируемыми правами и обязанностями. При этом следует проводить различие между понятиями «субъект права на правовую защиту» и «субъект правозащитно-

го отношения». Если правом на правовую защиту лицо наделяется от рождения и в силу признания его субъектом прав человека²⁷⁵, и поэтому все физические лица (равно и их общности) как субъекты права на правовую защиту являются субъектами права на правовую защиту, то субъектами правозащитного отношения признаются все те лица, которые «черпают» свои полномочия не только непосредственно из закона, но и из самих этих отношений. Поэтому круг субъектов правозащитных отношений значительно шире, нежели круг субъектов права на защиту прав человека. В него включаются все те, к кому адресуются права человека, ибо права человека «обращены не только к власти предрержавшим, а ко всем»²⁷⁶.

Анализ нормативных документов по правам человека позволяет отнести к числу субъектов правозащитных отношений две категории участников. Первая категория – это субъекты права человека на правовую защиту. Важнейшей чертой этой категории субъектов является обладание ими международно-правовой правосубъектностью²⁷⁷, а вторая категория – те участники правозащитных отношений, которые вовлекаются в них на основе имеющейся юридической обязанности не нарушать права человека и осуществлять их защиту в силу возложенных на них юридических обязанностей. Эта категория субъектов включает в себя как участников международных отношений, так и участников только внутригосударственных связей.

К первой категории относятся субъекты (носители) всех поколений прав человека – и отдельная личность (физическое

---

²⁷⁵ «Каждый субъект права, – пишет А.В. Мицкевич, – в силу самого действия закона или, как часто говорят, “непосредственно из закона”, то есть независимо от участия в тех или иных правоотношениях, обладает определенным комплексом прав и обязанностей» (см.: Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М., 1962. С. 12–13).

²⁷⁶ Глухарева Л.И. Типология прав человека... С. 10.

²⁷⁷ «Субъект международного права, – делает вывод Я.С. Кожеуров, – можно определить как лицо, способное в силу норм международного права подчиняться его регулирующему воздействию, что выражается в способности лица обладать международными субъективными правами и нести международные субъективные обязанности, что одновременно означает и способность лица участвовать в международных правоотношениях» (см.: Кожеуров Я.С. Проблема международной правосубъектности индивидов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М, 2002. С. 9).

лицо), и социальные общности (народ, нация, коллектив), и все человечество²⁷⁸.

Вторую категорию субъектов правозащитных отношений представляют организации (международные, государственные, частные, общественные), должностные лица и просто граждане, на которых лежит обязанность уважать и защищать права человека. Отдельный индивид (должностное лицо, гражданин), таким образом, выступает в двух юридических ипостасях: как управомоченное лицо (поскольку право на правовую защиту принадлежит ему от рождения, оно универсально и неотчуждаемо) и как лицо, юридически обязанное уважать, соблюдать и осуществлять защиту права человека.

Исходя из наличия двух ярко выраженных категорий субъектов правозащитных отношений, можно предложить их деление на основные и вспомогательные. С нашей точки зрения, к числу основных субъектов надо отнести исключительно и только носителей права человека на правовую защиту. Вторую группу субъектов правозащитных отношений составляют все те лица (физические и коллективные), на которых лежит юридическая обязанность не нарушать права человека и исполнять требования, заложенные в праве человека на правовую защиту.

Место и роль каждого субъекта в правозащитном отношении определены его правовым статусом (компетенцией). Правосубъектность – это категория, которая характеризует юридические свойства физических лиц как участников правозащитных отношений. Применительно к юридическим лицам такую функцию выполняет категория «компетенция».

Правосубъектность – это способность лица иметь права и обязанности, а также приобретать их в результате осуществления своих юридически значимых действий. Она включает в себя два компонента: правоспособность как способность иметь субъективные права и обязанности (то есть способность к правообладанию

---

²⁷⁸ Так, американский профессор Л. Сон пишет: «Международное право признает не только неотъемлемые права индивидов, но также определенные коллективные права, которые реализуются совместно индивидами, объединенными в большие группы людей, включая народы и нации. Эти права являются правами человека; эффективное осуществление коллективных прав служит предпосылкой к осуществлению других прав – как политических, так и экономических» (цит. по кн.: Общая теория прав человека... С. 489–490). Этот вывод признается абсолютным большинством отечественных правоведов.

нию)²⁷⁹ и дееспособность как способность своими действиями приобретать и реализовывать субъективные права и обязанности (то есть способность к правореализации)²⁸⁰, а также способность нести ответственность (как следствие правообладания и правореализации) за свои юридически значимые действия (деликтоспособность). Особенностью правового положения физических субъектов правозащитного отношения является неразделимость в отношении них категорий правоспособности и дееспособности. Единство этих категорий отражает принцип единства прав и обязанностей в правовом положении человека. По этому поводу во Всеобщей декларации прав человека записано, что «каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности»²⁸¹, что осуществление прав и свобод гражданином требует «должного признания и уважения прав и свобод других, удовлетворения справедливых требований морали, общего порядка и благосостояния в демократическом обществе».

Неразделенность правоспособности и дееспособности объясняет и запрет на злоупотребление правами человека одной стороной в ущерб интересам другой. В связи с этим в ст. 17 Конвенции о защите прав человека и основных свобод записано: «Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой-либо деятельностью или совершать какие-либо действия, направленные на уничтожение любых прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей степени, нежели это предусматривается в Конвенции»²⁸².

---

²⁷⁹ Сущность правоспособности заключается в способности правообладания, а не в самом обладании правами. «Правоспособность, — писал Н.М. Коркунов, — означает только то, что лицо может иметь известные права, но это еще не значит, что оно ими действительно обладает. Каждый способен иметь право собственности на имущество, но отсюда вовсе не следует, что уже имеет его» (см.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. С. 147).

²⁸⁰ Дееспособность — это признаваемая нормами объективного права способность субъекта самостоятельно, своими осознанными действиями осуществлять юридические права и обязанности (см.: Проблемы общей теории права и государства... С. 377).

²⁸¹ Всеобщая декларация прав человека... С. 40.

²⁸² Европейская конвенция о защите прав человека... С. 543.

При более детальном анализе проблемы юридических свойств физических субъектов правозащитных отношений можно выявить материальные и формальные условия их правосубъектности. Материальное условие правосубъектности – это способность данного лица к обладанию правом на правовую защиту, иначе говоря, свойство, присущее самому лицу от рождения. Формальное условие правосубъектности – признание внешним правовым авторитетом (государством, международным сообществом) указанной способности у данного лица. Такое признание выражается, как мы указывали выше, в признании прав человека вообще. Только единство этих двух условий и может исчерпывающим образом характеризовать физическое лицо в качестве субъекта правозащитного отношения.

Юридическое лицо как субъект правозащитных отношений наделено правозащитной компетенцией. Понятие «компетенция» обозначает юридическое выражение совокупности полномочий и функций данного субъекта²⁸³. Правозащитная компетенция – это совокупность правозащитных полномочий, реализуемых в основных направлениях деятельности юридического лица. Особенность такого рода компетенции заключается в том, что правозащитный орган (организация) не обладает собственным правом на правовую защиту, поскольку не является субъектом прав человека. Смысл наличия правозащитной компетенции у того или иного органа государства, международного сообщества, общественной организации полностью вытекает из назначения прав человека и их защиты. В этой связи не будет лишним напоминание о том, что согласно ст. 18 Конституции РФ «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием»²⁸⁴. Поэтому надо признать в качестве аксиомы, что юридическое лицо как субъект правозащитных отношений обладает правом от имени и в пользу конкретного носителя прав человека (следовательно, и права человека на правовую защиту) совершать юридически зна-

---

²⁸³ См.: Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: Курс лекций. М., 1997. С. 209.

²⁸⁴ Конституция Российской Федерации. С. 21–22.

чимые действия. Формы, структура, функции и пределы этой деятельности определяются содержанием тех функций, которые на него возложены субъектом, создавшим его.

Демократическое государство – это политическая организация, имеющая источником своей политической власти волю народа. Российская Федерация встала на путь подлинно демократических преобразований. В ст. 3 Конституции Российской Федерации записано: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Этот многонациональный народ и возложил на государство обязанность по защите прав человека. Отсюда проистекает правозащитная компетенция всех органов государства.

Аналогично обстоит дело и с формированием правозащитных международных органов (организаций) и их компетенции, с той лишь разницей, что роль источника международной власти выполняют государства, подписавшие и ратифицировавшие документы о признании и защите прав человека. Так, например, государства, подписавшие Европейскую конвенцию по защите прав человека и основных свобод, образовали такой орган, как Европейский суд по правам человека. В ст. 19 этой Конвенции, которая называется «Учреждение Суда», записано: «В целях обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по настоящей Конвенции и Протоколам к ней, образуется Европейский суд по правам человека»²⁸⁵. А ст. 32 (п. 1) этой же Конвенции прямо озаглавлена «Компетенция Суда». Эта статья закрепляет, что «в ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней»²⁸⁶.

Правосубъектность и компетенция субъектов правозащитных отношений вытекает из соответствующих юридических источников, выражается и фиксируется в общем правовом положении субъектов правозащитных отношений. А как известно, специфика формирования и содержания исходного правового положения субъектов правозащитных отношений, во-первых, свидетельствует о наличии способа регулирования правозащит-

---

²⁸⁵ Европейская Конвенция о защите прав человека... С. 543.

²⁸⁶ Там же. С. 546.

ных отношений, а во-вторых, определяющим образом влияет на его черты и направленность воздействия. В этой связи важно напомнить, что в юридической науке считается общепризнанным тот факт, что основным элементом метода является именно общее юридическое положение субъектов²⁸⁷. А по мнению О.О. Миронова, общее правовое положение – это и есть проявление метода²⁸⁸. Поэтому можно сказать, что особенности происхождения и закрепления общего правового положения субъектов правозащитных отношений, вытекающие в конечном счете из юридической природы и регулятивных особенностей права человека на правовую защиту, – это уже есть проявление функционирования и соответствующего метода. Ни один из существующих в национальной системе методов правового регулирования не основывается на универсальности и абсолютности права человека на правовую защиту, поэтому и правовое положение субъектов правозащитных отношений не является для них основной, конструктивной чертой. Такая черта присуща только тому методу, который программируется самими правозащитными отношениями.

Содержание правозащитных отношений. Проблема содержания правового отношения не получила в правоведении однозначной интерпретации. Мы присоединяемся к мнению тех авторов, которые под содержанием правоотношения понимают его внутреннюю структуру, состоящую из фактического (реальное поведение участников правоотношения, выражающееся в их действии или бездействии) и юридического (субъективные права и юридические обязанности сторон правоотношения) компонентов²⁸⁹. При этом мы исходим из того, что материальное содержание неразрывно связывает правоотношение с реальными общественными отношениями, а юридическое – служит правовым средством обеспечения, а в ряде случаев и формирования материального содержания правоотношения.

---

²⁸⁷ См.: Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск. 1963. Вып. I. С. 221; Он же. Проблемы теории права: В 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 134–135.

²⁸⁸ Миронов О.О. Методы конституционного регулирования... С. 30.

²⁸⁹ См.: Явич Л.С. Право и общественные отношения. М., 1971. С. 117; Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 1. С. 256–301; Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 257 и след.

Юридический элемент правозащитного отношения представляет собой связь права человека на правовую защиту, с одной стороны, и корреспондируемой с ним юридической обязанностью — с другой. Эта связь, помимо прочего, самое очевидное доказательство того, что перед нами именно правоотношение. «Связь между правом и обязанностью, а точнее, между их носителями и есть правоотношение», — отмечает Н.И. Матузов²⁹⁰.

Однако данная юридическая связь не просто слагаемое правозащитного отношения, а его сущностная часть. Она отражает главную специфику правозащитного отношения, состоящую во взаимосвязи естественно-правовых свойств права человека на защиту с вытекающими из этих свойств юридическими обязанностями, прежде всего с теми, которые лежат на государстве. Важность и значимость такого рода юридической связи трудно переоценить. Она лежит в основе всей системы защиты прав человека. Очевидно, именно поэтому в Международном пакте о гражданских и политических правах специально закреплена обязанность государств каждый раз, когда этого требуют обстоятельства, устанавливать наличие у лица права на правовую защиту и, таким образом, продолжать от себя, подтверждать юридическую связь между этим лицом и государством. В п. «в» ч. 3 ст. 2 вышеуказанного акта записано, что каждое участвующее в этом Пакте государство обязуется «обеспечить, чтобы право на правовую защиту для любого лица, требующего такой защиты, устанавливалось компетентными судебными, административными или законодательными властями или любым другим компетентным органом, предусмотренным правовой системой государства, и развивать возможности судебной защиты»²⁹¹.

Сказанное свидетельствует о том, что юридическая связь в правозащитном отношении является фактическим действием права человека на правовую защиту. В этом, по нашему мнению, кроется основная особенность правозащитных отношений, которая обуславливает и соответствующий метод регулирования. Иными словами, специфика юридической связи правозащитных отношений, обусловленная правовым положением сторон, в обяза-

---

²⁹⁰ См.: Матузов Н.И. Общие правоотношения и их специфика // Правоведение. 1976. № 3. С. 23.

²⁹¹ Международный пакт о гражданских и политических правах... С. 54.

тельном порядке выводит на признание необходимости и адекватного этим отношениям метода регулирования. Такая логика генезиса метода правового регулирования считается общепризнанной в юридической науке. Так, Л.С. Явич полагает, что сами «методы правового регулирования в решающей мере предопределены взаимоположением сторон общественных отношений»²⁹². А по мнению В.Ф. Яковлева и С.С. Алексеева, они должны соответствовать сущности регулируемых отношений²⁹³.

Необходимо заметить, что юридическое содержание правозащитного отношения – это форма конкретизации и фиксации тех основополагающих правовых предписаний (запретов, дозволений и обязываний), которые представляют право человека на правовую защиту в предельно обобщенном виде. Эти общие правовые предписания, благодаря своей способности фиксироваться в субъективных правах и юридических обязанностях, приобретают качество регуляторов поведения субъектов правозащитных отношений. Вне выражения их в форме субъективного права они не могут выполнить роль способов и средств правового регулирования. В этой связи надо признать явным преувеличением наделение общих правовых предписаний (дозволений, обязываний и запретов) самодостаточной регулятивной ценностью. Такую позицию отстаивает В.Д. Сорокин: «Метод правового регулирования как системное явление соединяет в органическое целое все три названных способа одновременно. Другими словами, метод правового регулирования может существовать только как объединение всех трех первичных компонентов – дозволения, предписания и запрета, то есть как система, основанная на тесном взаимодействии, взаимообеспечении этих компонентов»²⁹⁴.

С нашей точки зрения, более обоснованное решение этой проблемы предлагает С.С. Алексеев. По его мнению, «все перечисленные способы (дозволения, обязывания и запреты) так или иначе связаны с субъективными правами. Причем если при дозволении субъективное право (включая право требования, обеспечивающее особенно активные действия) образует само со-

---

²⁹² Явич Л.С. Общая теория права... С. 129.

²⁹³ См.: Яковлев В.Ф. Объективное и субъективное в методе правового регулирования... С. 60; Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 383–184.

²⁹⁴ См.: Сорокин В.Д. Указ. соч. С. 111.

держание данного способа правового регулирования, то при позитивном обязывании и запрещении право-требования принадлежит другим лицам; его смысл состоит в том, чтобы обеспечить исполнение активной (обязывание) или пассивной (запрещение) юридической обязанности. Из этих элементов правовой действительности (норм, правоотношений и др.), выражающих способы регулирования, образуется самая плоть... методов»²⁹⁵.

Как юридическая категория субъективное право человека на правовую защиту раскрывается через набор соответствующих правозащитных полномочий, образующих его внутреннюю структуру. С точки зрения А.В. Стремоухова, к числу таких правомочий следует отнести, во-первых, возможность требовать определенного поведения от другой стороны; во-вторых, осуществление правомочия, как правило, через действия обязанной стороны; в-третьих, возможность принуждения обязанной стороны к совершению действий, требуемых управомоченной стороной, государством²⁹⁶. Принципиальных возражений такое утверждение не вызывает. Однако надо иметь в виду, что рассматриваемая структура представляет собой частный, конкретный случай проявления общей структуры субъективного права. Поэтому и структура субъективного права человека на правовую защиту как вид субъективного права вообще должна воспроизводить именно эту логику, то есть логику структурирования субъективного права как общеправовой категории.

Относительно внутренней структуры субъективного права, или, что одно и то же, видов правомочий, в правоведении существует известное расхождение во взглядах специалистов. Так, например, М.С. Строгович пишет: «Субъективное право лица означает выраженные в норме права и закрепленные в ней: а) возможность пользования определенным социальным благом; б) полномочие совершать определенные действия и требовать соответствующих действий от других лиц; в) свободу поведения, поступков в границах, установленных нормой права»²⁹⁷. По мнению Н.И. Матузова, «содержание субъективного права и его структу-

---

²⁹⁵ См.: Алексеев С.С. Теория права. С. 157.

²⁹⁶ Стремоухов А.В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы. С. 39.

²⁹⁷ См.: Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М, 1966. С. 168.

ра включают в себя не три, как традиционно принято считать, а четыре возможности: а) возможность определенного поведения самого уполномоченного; б) возможность требовать соответствующего поведения от других лиц; в) возможность прибегнуть в необходимых случаях к мерам государственного принуждения; г) возможность пользоваться определенным социальным благом. Или субъективное право – это право-поведение, право-требование, право-притязание и право-пользование»²⁹⁸.

Несколько иной вывод по этому вопросу делает О.Ю. Селиванова. Она полагает, что субъективное право имеет стохастическую структуру, «которая позволяет применительно к каждой конкретной правовой ситуации и конкретному субъективному праву выявить объективно необходимые и случайные (нестационарные, переменные) его свойства, элементы и связи между ними. Поэтому реальное субъективное право может включать одно, два и более правомочий, каждое из которых, в свою очередь, имеет свою структуру и состоит из более “мелких” элементов (субправомочий)»²⁹⁹.

По нашему мнению, вывод О.Ю. Селивановой не противоречит традиционному пониманию структуры субъективного права, а скорее, существенно развивает его указанием на эластичность, приспособляемость субъективного права к юридически значимой ситуации его осуществления. Действительно, такой, например, вид субъективного права личности, как право на обращение в юрисдикционные органы за защитой своих прав включает в себя: 1) право на обращение в суд; 2) право на судебную защиту; 3) право на международную защиту; 4) право на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом; 5) право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных законом. Сюда же могут быть отнесены и многие другие компоненты, нашедшие закрепление в отраслевом законодательстве.

Кроме этого необходимо иметь в виду и то, что некоторые правозащитные полномочия реализуются только в одной форме, другие же – могут быть осуществлены в нескольких последова-

---

²⁹⁸ Матузов Н.И. Правовая система и личность. С. 84.

²⁹⁹ Селиванова О.Ю. Указ. соч. С. 18.

тельно сменяющих друг друга формах. В целом же все правозащитные полномочия взаимосвязаны между собой, дополняют друг друга и воплощаются в реальность через систему международно-государственных (судебная, административная, прокурорская) и негосударственных (общественная, третейская, нотариальная, самозащита права и добровольное удовлетворение) форм защиты прав человека.

С учетом этих пояснений можно полагать, что базовую, исходную структуру права человека на правовую защиту образуют следующие правомочия:

1. Возможность человека пользоваться таким благом, как правовая защищенность своих естественных и неотчуждаемых прав (право-пользование). Суть этого правозащитного полномочия заключается в том, что оно ограждает индивидуальную свободу человека и выражается в пользовании индивидом этой свободой по своему усмотрению. В ГК РФ это правозащитное полномочие сформулировано следующим образом: «Граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права»³⁰⁰. По нашему мнению, «правовое ограждение» – это элемент такого правового режима, который делает невозможным незаконное насильственное вмешательство «государства в частные (личные) стороны жизни человека, а также гарантирует охрану жизни, чести, достоинства, совести и личной безопасности каждого члена общества»³⁰¹. Отсюда видно, что данное правозащитное правомочие прежде всего направлено на обеспечение так называемых негативных прав человека. А как известно, государство не регламентирует порядок их осуществления. Однако в силу индивидуальной и общественной значимости этих прав оно во взаимодействии с международным сообществом признает, уважает и защищает их. Наличие соответствующего правозащитного полномочия у человека как раз и свидетельствует о том, что международное сообщество и государство стремятся создать режим правовой защищенности личности, который и есть для нее благо. «Каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть пол-

---

³⁰⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1. М., 1994. С. 8. Ст. 9.

³⁰¹ Рудинский Ф.М. Гражданские права человека... С. 31.

ностью осуществлены»³⁰², — провозглашено в ст. 28 Всеобщей декларации прав человека.

Характеризуя данное правомочие, сделаем еще раз акцент на его юридическом назначении, состоящем в правовом ограждении личности от незаконного лишения ее жизни, неправомерного вмешательства со стороны органов государства, должностных лиц и граждан в сферу ее личных свобод и др. Так, например, ч. 1 ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах ограждает жизнь человека. В ней записано: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни»³⁰³. В ч. 1 ст. 8 этого же документа ограждается личная свобода: «Никто не должен содержаться в рабстве; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах»³⁰⁴. Достаточно полно негативные права человека защищены Конституцией РФ (ст. 21–44 и др.), а также в отраслевом законодательстве.

2. Возможность человека требовать от юридически обязанных лиц добросовестного и полного осуществления ими требований, вытекающих из его права на правовую защиту. Право-требование не следует смешивать с правом-притязания³⁰⁵. Основное различие между ними состоит в отношении к категории принуждения: первое не обеспечивается таковым в отличие от второго. Императивность права-требования выражается не только в самом предъявлении требования, но и в той юридической обязанности, которая делает необходимым определенный вариант поведения правообязанной стороны. По мнению Ф.М. Рудинского, «право-требование означает, что каждый обладатель прав человека вправе требовать... признания и выполнения международных стандартов прав человека»³⁰⁶. Отличительная особенность этого правозащитного полномочия состоит в том, что оно обращено к юридически обязанным лицам совокупностью требований, основной смысл которых

---

³⁰² Всеобщая декларация прав человека... С. 43.

³⁰³ Международный пакт о гражданских и политических правах... С. 55.

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: В 4 т. М., 1973. Т. 4. С. 523.

³⁰⁶ Рудинский Ф.М. Понятие и содержание прав человека // Право и жизнь. Независимый научно-популярный журнал. 2000. № 27. С. 80.

сводится к своевременному, полному и законному исполнению ими возложенных на них обязанностей по созданию условий и оказанию помощи в реализации прав человека. Проиллюстрировать это правомочие можно указанием на ч. 2 ст. 55 Конституции РФ, которая гласит: «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина»³⁰⁷. Рассматриваемое правозащитное полномочие как раз и призвано не допустить установления государством законов, ущемляющих права человека. Кроме того, данное правозащитное полномочие имеет и более конкретный смысл, заключающийся в оказании реальной помощи человеку при осуществлении им права на правовую защиту. Так, например, ст. 1 Международного акта об основных принципах, касающихся роли юристов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, 27 августа – 7 сентября 1990 г.), устанавливает, что «каждый человек имеет право обратиться к любому юристу за помощью для защиты и отстаивания его прав и защиты его на всех стадиях уголовного разбирательства»³⁰⁸. Сюда же включается и исполнение юрисдикционными органами своих обязательств по отношению к требованиям, вытекающим из данного правозащитного полномочия, но не связанным с применением ими мер принуждения (ст. 12 ГК РФ устанавливает для юрисдикционного органа обязанность признания прав при отсутствии их нарушения, например, при утрате владельцем документов). Таким образом, право-требование как правозащитное полномочие распространяется на все конкретные жизненные ситуации, в которых защита прав человека не может быть осуществлена без вмешательства компетентного субъекта. Причем перечень этих жизненных ситуаций не является исчерпывающим и охватывает практику соблюдения всех правозащитных полномочий, вплоть до законности их ограничения. Однако поскольку это правозащитное полномочие вызывается к жизни не нарушением прав человека, а потребностью в их надлеж-

---

³⁰⁷ Конституция Российской Федерации. С. 27.

³⁰⁸ Международная защита прав и свобод человека: Сб. док. М., 1990. С. 37.

щем исполнении, то и дело до применения мер принуждения здесь не доходит.

3. Возможность человека посредством своих действий осуществлять защиту принадлежащих ему прав (право-поведение). Это право можно назвать правом самозащиты. Оно, как и иные правозащитные полномочия, вытекает из ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, в которой записано: «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом»³⁰⁹. Самозащита – это «любые действия лица, связанные с защитой своих прав от нарушения. Они противопоставляются действиям, исходящим от государственных и иных компетентных органов»³¹⁰. Таким образом, право-поведение охватывает все действия управомоченного субъекта, которые он осуществляет самостоятельно в целях защиты своих прав. Эти действия управомоченного субъекта предусмотрены законом и включают подачу им иска или жалобы в соответствующие международные и внутригосударственные судебные и административные органы, а также самостоятельную защиту своих прав в процессе судебного разбирательства (без помощи адвоката) и др.

Однако в специальной литературе встречается и узкое толкование понятия «самозащита». В этом смысле самозащита характеризуется тем, что, во-первых, управомоченное лицо осуществляет защиту своих прав без обращения к компетентному субъекту, во-вторых, само управомоченное лицо применяет меры защиты, в-третьих, применение мер защиты направлено на устранение реальной угрозы или самого факта нарушения прав управомоченного лица³¹¹. Мы поддерживаем такое мнение и присоединяемся к выводу И.Я. Дюрягина о том, что в этом случае самозащита «представляет собой применение самим управомоченным лицом предусмотренных законом мер для защиты своих

---

³⁰⁹ Конституция Российской Федерации. С. 27.

³¹⁰ Свердлов Г.А., Строунинг Э.Л. Указ. соч. С. 17.

³¹¹ Усенко М.И. Гражданско-правовая защита прав и свобод советских граждан // Советский закон и гражданин: Юридический справочник: В 2 ч. / Под ред. Б.М. Бабия. Киев, 1980. Ч. 1; Клейн Н.И. Возникновение гражданских прав и обязанностей, осуществление и защита гражданских прав // Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Отв. ред. О.Н. Садилов. М., 1995. С. 35; Сергеев А.П. Защита гражданских прав // Гражданское право / Под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. СПб., 1996. С. 51, 242–244.

прав или законных интересов от посягательств»³¹². Особенность права-поведения как правозащитного полномочия заключается в возможности лица осуществлять активные и юридически значимые действия, направленные на обеспечение сохранности ценностей и благ, стоящих за правами человека. Его специфика также выражается и в том, что оно предполагает причинение посягающему вреда. Но этот вред не есть мера юридической ответственности, возлагаемая защищающимся на посягающего. Поэтому следует признать ошибочным утверждение В.В. Болговой о том, что «самозащита права – порядок применения способов защиты (мер защиты и мер ответственности), не связанный с обращением к юрисдикционным органам, представляющий собой односторонние действия управомоченного лица»³¹³. Спорным является и вопрос о том, что самозащита имеет место и в тех случаях, когда активные правозащитные действия осуществляются другим частным лицом, но в пользу первого лица. Вот что по этому поводу Г.А. Сverdлык и Э.Л. Строунинг пишут: «По нашему мнению, в случае невозможности самостоятельной защиты своих гражданских прав потерпевшей стороной она может обратиться за помощью в осуществлении права на самозащиту к другим лицам (то есть прибегнуть к так называемой товарищеской взаимопомощи). Например, К. в течение двух лет безрезультатно ожидал от С. исполнения вступившего в законную силу судебного решения, в соответствии с которым ответчик был обязан передвинуть изгородь и устранить препятствия в пользовании земельным участком. Тогда К. с помощью знакомых принудительно перенес изгородь. В данном случае действия К. и его знакомых были признаны правомерными, поскольку тем самым К. реализовал свое право на самозащиту»³¹⁴. Однако окончательное решение этого вопроса должно иметь под собой более обширное обоснование.

4. Возможность человека удовлетворять свои притязания, вызванные нарушением его прав, путем обращения в правозащитные организации государства и международного сообщества в целях восстановления нарушенных (оспариваемых) прав и на-

³¹² Дюрягин И.Я. Гражданин и закон. М., 1989. С. 86.

³¹³ Болгова В.В. Указ. соч. С. 10.

³¹⁴ Сverdлык Г.А., Строунинг Э.Л. Указ. соч. С. 23–24.

казания виновного в их нарушении мерами международно-правового и государственно-правового принуждения. В специально-юридическом значении право-притязание означает прежде всего «возможность привести в действие принудительную силу государства, а также возможность прибегнуть к средствам общественного воздействия для защиты нарушенных прав»³¹⁵. Без такого рода принуждения права человека остаются практически не защищенными. Поэтому прав Ф.М. Рудинский, когда пишет: «Принуждение является вынужденной реакцией на неправомерное поведение. Оно необходимо для защиты интересов общества и его граждан и регламентировано законом»³¹⁶. Принуждение всегда носит организационный (международный или государственный) характер и выражается в возложении на виновного в нарушении прав человека обязанности претерпеть отрицательные последствия своего противоправного поведения. Смысл этого правозащитного полномочия заключается в том, чтобы пресечь нарушение того или иного права человека, восстановить нарушенное, а также возложить на виновного в нарушении прав человека юридическую обязанность претерпеть меры принуждения. Иными словами, целью данного правозащитного полномочия «является удовлетворение морально-правовых и материальных притязаний управомоченного лица (истца, потерпевшего) к правонарушителю (обязанному лицу) в форме осуждения его личности и применения к нему принудительных штрафных санкций»³¹⁷. Данное правозащитное полномочие отличается от правоповедения и права-требования тем, что оно имеет ретроспективное значение. Оно, во-первых, осуществляется только при наличии факта нарушения прав человека, за которое законом установлена та или иная мера ответственности; во-вторых, реализуется исключительно в установленных законом процессуальных формах и только субъектом, обладающим юрисдикционными полномочиями; в-третьих, требует осуждающей реакции на действия правонарушителя, причем не только со стороны потерпевшего, но и со стороны лица, возлагающего на виновного ту или

---

³¹⁵ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Т. 4. С. 525.

³¹⁶ Рудинский Ф.М. Гражданские права человека... С. 36.

³¹⁷ Стремужов А.В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы. С. 289.

иную меру ответственности; в-четвертых, предполагает претерпевание виновным лишений личного, организационного или материального порядка. Из приведенных черт юридической ответственности видно, что она необходима как средство защиты прав человека от посягательств на них и что ее возложение самим управомоченным лицом (потерпевшим поражение в правах человека) на правонарушителя невозможно, поскольку невозможно быть судьей в своем деле. Именно поэтому для осуществления данного правозащитного полномочия международное сообщество и государства создают специальные юрисдикционные органы и предоставляют должностным лицам право удовлетворять соответствующее притязание управомоченной стороны. Такой вывод прямо следует из п. «А» ч. 3 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, в котором установлено, что каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется «обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в настоящем Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве»³¹⁸. На национальном уровне государство берет на себя обязанность обеспечить исполнение права-притязания человека через систему судов. Так, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ устанавливает правило, согласно которому «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод»³¹⁹. На международном уровне эту функцию выполняют Европейский суд по правам человека (п. «В» ст. 19 Конвенции о защите прав и свобод человека, которая предусматривает создание Европейского суда по правам человека) и военные трибуналы (первый Международный военный трибунал был создан 8 августа 1945 г. на основе Соглашения между правительствами СССР, Великобритании, США и Франции)³²⁰.

С вышеперечисленными базовыми правозащитным полномочиям корреспондируют юридические обязанности другой стороны правозащитного отношения. Эта корреспонденция носит характер закономерности. «В реальной жизни, — подчеркивает С.С. Алексеев, — нет субъективного права (как юридического

---

³¹⁸ Международный пакт о гражданских и политических правах... С. 54.

³¹⁹ Там же. С. 54.

³²⁰ Действующее международное право: В 3 т. М., 1999. Т. 3. С. 763–770.

явления), если оно не "право" по отношению к кому-либо, то есть если оно так или иначе не связано с обязанностями. Нет и обязанности (как юридического явления), если ей не корреспондирует право требования. Право, не обеспеченное обязанностями, и обязанности, не подкрепленные правом требования, превращаются в "юридический нуль"³²¹.

Юридическая обязанность как целостное правовое явление характеризуется следующими признаками: 1) юридическая обязанность – это предписанный законом вариант поведения; 2) сущность обязанности заключается в том, что она есть мера необходимого поведения, причем такая мера, которая обладает безусловной императивностью; 3) в каждом конкретном случае, то есть в конкретном правоотношении, юридическая обязанность наполняется таким содержанием, которое согласовано с корреспондируемым с ней правомочием; 4) юридическая обязанность всегда направлена на удовлетворение требований, вытекающих из того или иного правомочия; 5) юридическая обязанность обеспечена мерами принуждения (санкциями)³²². В правоотношении юридическая обязанность представляет собой элемент субъективного права, поэтому она должна рассматриваться как явление субъективного порядка. Анализируя юридическую обязанность как категорию, связанную с субъективными правами, Н.И. Матузов пишет: «В этом смысле юридическую обязанность также можно квалифицировать как субъективную. В рамках правового отношения право и обязанность субъектов в равной мере субъективны. Слагаемые юридической обязанности – это своего рода отдельные должноствоания – наподобие правомочий в субъективном праве»³²³.

Назначение юридических обязанностей в правозащитном отношении – удовлетворить, исполнить правозащитные правомочия. «Юридическая обязанность в правозащитном отношении, –

---

³²¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. С. 86.

³²² См.: Матузов Н.И. Юридические обязанности и ответственность как элементы правового статуса личности. // Конституция СССР и правовое положение личности. М., 1979. С. 85 и след.; Ванеева Л.А. Понятие юридической обязанности по гражданскому процессуальному праву // Правоведение. 1984. № 4. С. 48.

³²³ Матузов Н.И. Правовые отношения // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 402.

подчеркивает А.В. Стремоухов, — это предписанная нормами права мера должного поведения обязанного лица в интересах управомоченного субъекта, обеспеченная возможностью государственного принуждения»³²⁴. Поэтому структура юридических обязанностей соответствует структуре права человека на правовую защиту. «Структура юридической обязанности, — приходит к выводу Н.И. Матузов, — соответствует структуре субъективного права (являясь как бы его обратной стороной) и тоже включает в себя четыре компонента: 1) необходимость совершить определенные действия либо воздержаться от них; 2) необходимость для правообязанного лица отреагировать на обращенные к нему законные требования управомоченного; 3) необходимость нести ответственность за неисполнение этих требований; 4) необходимость не препятствовать контрагенту пользоваться тем благом, в отношении которого он имеет право»³²⁵.

Приступая к анализу юридических обязанностей в правозащитном отношении, укажем и на особенности их происхождения. Некоторые обязанности появляются параллельно и одновременно с признанием прав человека. Другие позже, по мере выполнения государством взятых на себя обязанностей перед личностью и международным сообществом. Кроме того, поскольку правозащитные полномочия могут конкретизироваться, подразделяясь на более мелкие, то надо полагать, что и юридические обязанности «воспроизводят» эту логику детализации, ибо они — неперенный спутник полномочий.

Итак, структура юридических обязанностей в правозащитном отношении должна соответствовать структуре правозащитных полномочий. В этой связи с определенными оговорками мы присоединяемся к выводу А.В. Стремоухова о том, что она включает в себя: а) необходимость совершать активные положительные действия в пользу управомоченных лиц, чтобы не допустить нарушения их прав; б) необходимость для обязанного лица вести себя установленным образом; в) необходимость воздержания от действий, запрещенных нормами права; г) возможность применения государственного принуждения к обязанному лицу в

---

³²⁴ Стремоухов А.В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы. С. 38–39.

³²⁵ Матузов Н.И. Правовые отношения... С. 492.

случае неосуществления им требуемых законом обязательных действий или совершения действий, которые законом запрещены»³²⁶.

С этих позиций структура юридических обязанностей правоохранительного отношения будет включать в себя:

1. Необходимость правообязанного лица не препятствовать управомоченному субъекту пользоваться правовой защищенностью своих прав. Как реальное благо состояние защищенности обеспечено соответствующими обязанностями людей, государства, его органов и должностных лиц надлежащим образом выполнять предписания по соблюдению прав человека. Исполнение этой юридической обязанности представляет собой в одних случаях выполнение своего правового долга отдельными людьми (ч. 1 ст. 8 Декларации о расе и расовых предрассудках закрепляет: «Имея право на то, чтобы в международном и национальном плане был обеспечен такой экономический, социальный, культурный и правовой порядок, который позволит каждому человеку раскрыть свои способности на основе полного равенства прав и возможностей, каждый человек имеет соответствующие обязанности по отношению к себе подобным, к обществу, в котором он живет, и к международному сообществу»³²⁷), в других – выполнение взятых на себя обязательств и обязанностей, вытекающих из профессиональной компетенции органов государства и должностных лиц (например, ст. 2 Приказа Минюста РФ от 12 мая 2000 г. № 148 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации» возлагает на администрацию СИЗО обязанность создать режим соблюдения прав человека. В этой статье записано: «В СИЗО устанавливается режим, обеспечивающий соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых»³²⁸. То же самое имеет место и при выполнении некоторых процессуальных обязанностей. Например, ч. 1 ст. 11 УПК РФ устанавливает следующую юридическую

---

³²⁶ Стремюхов А.В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы. С. 40.

³²⁷ Декларация о расе и расовых предрассудках // Международные акты о правах человека: Сб. док. М., 2000. С. 118.

³²⁸ Приказ Минюста РФ «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации» от 12 мая 2000 г. № 148 // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

обязанность, обращенную к суду, прокурору, следователю и дознавателю: «Суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав»³²⁹).

2. Праву-требованию в правозащитном отношении соответствует такая юридическая обязанность, как необходимость для правообязанного лица отреагировать на обращенные к нему законные требования управомоченной стороны. Если право-пользование предполагает выполнение правообязанным субъектом обращенных к нему требований путем добросовестного и своевременного исполнения возложенных на него юридических обязанностей, то право-требование реализуется правообязанной стороной тогда, когда это требование актуализировалось, то есть приняло конкретную форму. Поэтому оно всегда осуществляется путем выполнения активных и целенаправленных действий. В этом случае юридически обязанное лицо должно выполнить требуемые от него управомоченной стороной действия, которые приводят к ожидаемому юридически значимому результату. Например, в ч. 8 ст. 22 Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей установлено: «В случае высылки трудящегося-мигранта или члена его семьи он не несет расходы, связанные с высылкой. Соответствующему лицу может быть предъявлено требование оплатить свои расходы по переезду»³³⁰. Из этого нормативно-правового предписания следует, что высылаемое лицо имеет право требовать возмещения расходов. Но оно может и не воспользоваться этим правом. Однако в том случае, когда высылаемое лицо предъявит требование о возмещении ему расходов, то соответствующий орган обязан возместить их. Отсюда видно, что необходимость для правообязанного лица отреагировать на требование управомоченной стороны превращается в вариант обязательного поведения тогда, когда управомоченная сторона выдвигает соответствующее требование. Ис-

---

³²⁹ Уголовно-процессуальный кодекс РФ. С. 33.

³³⁰ Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей // Международные акты о правах человека: Сб. док. М., 2000. С. 361.

полнение этого требования предполагает осуществление именно активных и юридически значимых действий. Эта черта — главная характеристика данной юридической обязанности. Она выражает механизм ее взаимосвязи с соответствующим правомочием — правом-требованием. И это же означает, что необходимость для правообязанного лица отреагировать на требование управомоченной стороны начинает работать, действовать только тогда, когда управомоченное лицо выразило свое правовое требование. «Каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить помилование или смягчение наказания»³³¹, — записано в ч. 3 ст. 50 Конституции РФ. Если осужденный не выразит желаний воспользоваться этим правом, то оно и не превратится для конкретного лица (вышестоящего суда, органа помилования и др.) в конкретную юридическую обязанность — осуществление необходимого варианта поведения. Таким образом, в правозащитном отношении юридическая обязанность, состоящая в необходимости правообязанного лица отреагировать на обращенные к нему законные требования, исполняется тогда, когда управомоченная сторона предъявила право-требование.

3. Необходимость воздерживаться от нарушений прав человека или создания реальной угрозы такого нарушения. В правозащитном отношении данная юридическая обязанность всегда наполняется конкретным содержанием и выражается в осознанном соблюдении того или тех правовых запретов, которые в конкретной ситуации оберегают, сохраняют права человека и стоящие за ними ценности. «По своей сущности, — пишет А.Г. Братко, — запреты — это государственно-властные веления, основная цель которых — предотвратить возможные нежелательные действия, которые могут причинить ущерб общественным интересам»³³². В правозащитном отношении запреты выполняют роль средства защиты. Они также информируют о том, какие действия нежелательны с точки зрения интересов прав человека. Способ, которым осуществляются правовые запреты, — это воздержание правообязанной стороны от запрещенных вариантов

---

³³¹ Конституция Российской Федерации. С. 28.

³³² Братко А.Г. Запреты в советском праве. Саратов, 1979. С. 7.

поведения. Поэтому запреты всегда можно рассматривать как формально-определенные властные веления, требующие воздержаться от описанных в них вариантов поведения. Правовой запрет как форма закрепления необходимости неукоснительного и строгого соблюдения прав человека широко используется в источниках международного и внутригосударственного права. Так, например, ч. 1 ст. 1 Декларации о защите всех лиц от насильственных исчезновений устанавливает: «Любой акт насильственного исчезновения является оскорблением человеческого достоинства. Он осуждается как отрицание целей Устава Организации Объединенных Наций и как серьезное и вопиющее нарушение прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека и подтвержденных и развитых в относящихся к этой области международных документах»³³³. Отсюда следует, что в правозащитном отношении необходимость правообязанного лица воздерживаться от нарушения прав человека есть не что иное, как соблюдение запрета, индивидуализированного в требования управомоченных лиц. Такого рода индивидуализация имеет место и тогда, когда речь идет и о глобальных запретах. Так, в ст. 6 Устава Международного военного трибунала сформулированы запреты на совершение трех видов действий, которые и отнесены ею к категории международных преступлений: преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности³³⁴. Это объясняется тем, что преступления против прав человека потому таковыми и являются, что всегда нарушают важнейшие права человека, которые, в свою очередь, неотделимы от конкретных индивидуумов.

Таким образом, юридическая обязанность, состоящая в необходимости воздерживаться от нарушения прав человека и выраженная в правовом запрете, является следствием существования самих прав человека. Поэтому ее исполнение продиктовано интересами правозащитных полномочий. В ряде случаев на соблюдении этих интересов общество настаивает и тогда, когда сам субъект дает согласие на нарушение своих прав. Такого рода

---

³³³ Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений // Международные акты о правах человека: Сб. док. М., 2000 С. 184.

³³⁴ Устав Международного военного трибунала // Международные акты о правах человека: Сб. док. М., 2000. С. 496.

запрещение специально включено в Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов. В его ч. 2 ст. 11 записано: «В частности, запрещается подвергать таких лиц даже с их согласия: а) физическим увечьям; б) медицинским или научным экспериментам; в) удалению тканей или органов для пересадки»³³⁵.

Во внутригосударственном праве необходимость не нарушать права человека закреплена в Конституции и детализирована в законах отраслевого характера. Так, в ч. 1 ст. 49 Конституции РФ провозглашен запрет на признание виновности человека до тех пор, пока «его вина не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда»³³⁶. Этот конституционный запрет выступает принципом всего уголовно-процессуального законодательства и определяет его назначение. В п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ записано, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением «защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод»³³⁷. Запреты, содержащие необходимость правообязанного лица не нарушать права человека, нашли свое выражение и в уголовном законодательстве. В УК РФ эти запреты выделены в отдельный раздел и образуют составы преступлений против личности (ст. 105–274). В гражданском праве запреты обеспечивают нормальный ход воплощения гражданских прав человека в жизнь. Часть 1 статьи 10 ГК РФ устанавливает: «Не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу»³³⁸.

4. Необходимость правообязанного лица претерпеть меры правового принуждения в случаях невыполнения им требований, вытекающих из правозащитных полномочий управомоченной стороны. В специальной юридической литературе при-

---

³³⁵ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов // Международные акты о правах человека: Сб. док. М., 2000. С. 470.

³³⁶ Конституция Российской Федерации. С. 28.

³³⁷ Уголовно-процессуальный кодекс РФ. С. 32.

³³⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации. М., 1994. С. 8.

нуждение определяется как «физическое, психическое или иное воздействие уполномоченных на то органов государства, должностных лиц, представителей общественности на сознание и поведение субъектов, путем применения к ним в установленном процессуальном порядке принудительных мер, указанных в санкциях (диспозициях) правовых норм и связанных с причинением субъектам отрицательных последствий личного, имущественного или организационного порядка в целях борьбы с правонарушителями и иными нежелательными последствиями, а также в целях охраны общественной безопасности и правопорядка»³³⁹. В юридической науке также признано деление всех средств правового принуждения на меры защиты и меры ответственности³⁴⁰. И меры защиты, и меры ответственности подлежат претерпеванию правообязанным лицом в случаях невыполнения им требований управомоченной стороны. Мера защиты – это такие средства правового принуждения, которые применяются в целях восстановления нарушенного (оспоренного) права и пресечения правонарушения. Главная отличительная черта мер защиты заключается в их направленности на восстановление нарушенных прав человека³⁴¹. По этой причине меры защиты прав человека «концентрируют свое внимание», образно говоря, высвечивают только интересы управомоченного лица и «отвлекаются» от лица, причинившего ущерб правам человека. «Вот почему, – отмечает А.В. Стремоухов, – обязанность восстановить нарушенное состояние, возместить причиненный ущерб может быть в определенных случаях возложена не только на субъект, непосредственно причинивший ущерб, но и на других лиц, в частности, на его правопреемников,

---

³³⁹ Серегина В.В. Сущность и формы государственного принуждения по советскому праву (общетеоретические проблемы): Дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1987. С. 81.

³⁴⁰ См.: Кожевников С.Н. Указ. соч. С. 4–9; Тихонова Б.Ю. Указ. соч. С. 18–19; Алексеев С.С. Общая теория права. Т. I. С. 272–283; Красавчикова Л.О. Указ. соч. С. 35; Петружин И.Л. Указ. соч. С. 61; Курилов В.И. Личность. Труд. Право. М., 1989. С. 207–222.

³⁴¹ См.: Ардашкин В.Д. Меры защиты как общеправовая научная категория // Актуальные проблемы теории социалистического государства. М., 1977. С. 162–164; Казулин А.И. Правовое принуждение (правовые начала государственного принуждения в советском обществе): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1986. С. 7.

опекунов, родителей»³⁴². Понимаемые так³⁴³ меры защиты прав человека включают в себя: принуждение юридически обязанного лица к восстановлению первоначального состояния защищаемых правом интересов управомоченной стороны; пресечение нарушений прав человека путем лишения акта (события) силы юридического факта; меры административного и уголовно-процессуального пресечения и др.³⁴⁴ Меры юридической ответственности – это во многом особые средства защиты прав человека. Они представляют собой такие средства защиты, для которых главным объектом воздействия выступают уже не нарушенные интересы управомоченной стороны, а противоправные действия и личность виновного в их совершении. Такая направленность мер ответственности объясняется их целью, состоящей в предупреждении нарушения прав человека путем угрозы применения принуждения (наказания, взыскания) за совершение противоправных действий и исполнение этой угрозы в тех случаях, когда права человека нарушены. Поэтому наказуемость, выраженная в несении виновным в нарушении прав человека правового урона, является сущностным признаком мер юридической ответственности. Из сказанного видно, что меры юридической ответственности несут в себе осуждающий, карательный момент, тогда как меры защиты – восстановительно-компенсационный. В правозащитном отношении меры защиты и меры ответственности выполняют специфическую роль. Они призваны в принудительном порядке обеспечить исполнимость всех требований и интересов управомоченной стороны и наказать виновного в их нарушении. Эта цель и объединяет меры защиты и меры ответственности в одно целое – в систему принудительных средства защиты прав человека. При этом ни меры за-

---

³⁴² Стремоухов А.В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы. С. 282.

³⁴³ В связи со сказанным трудно согласиться с мнением Г.Я. Стоякина, утверждающего, будто бы всякая мера защиты выступает в качестве санкции за правонарушение и заключается в возложении на самого правонарушителя определенных неблагоприятных последствий (см.: Стоякин Г.Я. Меры защиты в советском гражданском праве. Свердловск, 1973. С. 13).

³⁴⁴ См.: Илларионова Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер: Дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1985. С. 12; Лазарев В. Административная ответственность. М., 1985. С. 34–35; Петрухин И.Л. Уголовно-процессуальная ответственность // Правоведение. 1984. № 3. С. 61–68; и др.

щиты, ни меры ответственности не теряют своей обособленности, а дополняют друг друга. Данное обстоятельство удачно подмечено А.В. Стремуховым. Именно он обратил внимание на целостный характер мер принудительного обеспечения правозащитных полномочий, одна часть которых, по его мнению, выполняет функцию первичных программ принудительного обеспечения прав человека (меры защиты), а другая (меры юридической ответственности) — функцию вторичных программ, применяемых тогда, когда не срабатывают первые³⁴⁵. Особенностью претерпеваемых правообязанной стороной мер принуждения является и то, что они, во-первых, должны соответствовать стандартам в области прав человека³⁴⁶, а во-вторых, процедуры их применения «должны осуществляться в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций и международного права»³⁴⁷.

Обобщая сказанное относительно видов правообязываний, нельзя не отметить и то, что в самом юридическом содержании правозащитного отношения их отраслевая принадлежность сохраняется, но режим осуществления заметно обогащается целями и принципами единой системы правозащитного регулирования. Основная причина такого положения состоит в том, что сами правозащитные полномочия, по поводу которых и в связи с которыми существуют юридические обязанности, не исчерпываются только отраслевой принадлежностью. Это свойство правозащитных полномочий передается и юридическим обязанностям. Так, например, юридическая обязанность правозащитного отношения, состоящая в необходимости совершить определенные действия либо воздержаться от них в интересах обеспечения права-пользования, возлагается и на международное сообщество, его правозащитные органы, а также на государство, его органы, вплоть до отдельных физических лиц (граждан, лиц без граж-

---

³⁴⁵ Стремухов А.В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы. С. 282.

³⁴⁶ Такие правила установлены в ст. 11 Всеобщей декларации прав человека, в п. 2 ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах. Также см.: Международные нормы и стандарты в области прав человека: Учебный курс ООН // Советский журнал международного права. 1991. № 2. С. 28–67.

³⁴⁷ Венская декларация и Программа действий... С. 81.

данства и т. д.). Эта обязанность закрепляется как в соответствующих источниках международного права³⁴⁸. Например, в ст. 2 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка на должностных лиц возлагается обязанность уважать прав человека, то есть воздерживаться от их нарушения. В ней, в частности, записано: «При выполнении своих обязанностей должностные лица по поддержанию правопорядка уважают и защищают человеческое достоинство и поддерживают и защищают права человека по отношению ко всем лицам»³⁴⁹, так и в различных внутригосударственных нормативно-правовых актах³⁵⁰. Также следует отметить, что актуализация того или иного вида юридической обязанности в правозащитном отношении всегда оказывается связанной с характером и стадией реализации того или иного правозащитного полномочия.

Обобщенным итогом действия юридических обязанностей в правозащитном отношении является режим правовой защищенности прав человека, при котором только и можно полноценно пользоваться правами человека. Его своеобразие заключается в том, что он складывается вокруг состояния урегулированности главных отношений – отношений между человеком и государством, а также в том, что основным источником юридических обязанностей и объектом их обеспечительного действия являются права человека. В этом и состоит, по нашему мнению, один из основных доводов в пользу утверждения о необходимости целенаправленного формирования особой – правозащитной – системы регулирования осуществления права человека на правовую защиту.

Наряду с юридическим содержанием, в правозащитном отношении имеет место и фактический элемент – правовое поведение. Этот элемент правозащитного отношения представлен юридически значимыми действиями его сторон – субъектов правозащитного отношения.

---

³⁴⁸ См.: Воззвание Тегеранской конференции // Международные акты о правах человека: Сб. док. М., 2000. С. 77–78.

³⁴⁹ Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 34/169 от 17 декабря 1979 г.) // Международные акты о правах человека: Сб. док. М., 2000. С. 176.

³⁵⁰ Так, ч. 1 ст. 82 Конституции РФ, содержащая текст клятвы Президента РФ, обязывает вступающего в должность уважать и охранять права и свободы человека (см.: Конституция Российской Федерации. С. 38).

Известно, что термин «юридически значимое поведение» охватывает два варианта поведения субъектов: а) правомерное поведение и б) неправомерное поведение.

Неправомерное поведение – это противоправное поведение. Применительно к правозащитному отношению оно выступает одним из его оснований и проявляет себя в виде юридического факта – поведения (действия или бездействия), нарушающего права человека. Поэтому неправомерное поведение лежит за пределами функционирования правозащитных отношений. Однако это не означает, что оно не имеет юридических свойств. В совокупности признаки противоправного поведения закреплены в законодательстве и образуют составы нарушений прав человека. Этим законодательством запрещено осуществление такого поведения под угрозой применения соответствующих санкций. Например, ч. 1 ст. 117 УК РФ запрещает причинение «физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, если это не повлекло последствий, указанных в статьях 111 и 112 настоящего Кодекса, – наказывается лишением свободы на срок до трех лет»³⁵¹.

Главная, специфическая черта противоправного поведения заключается в том, что субъект не выполнил лежащей на нем обязанности, которая призвана удовлетворить то или иное правозащитное правомочие. Такая обязанность может быть сформулирована вполне конкретно: в виде соответствующего обязывания (например, ч. 1 ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса РФ обязывает администрацию учреждения или органа, исполняющего наказания, предоставить осужденным информацию о своих правах и обязанностях, о порядке и об условиях отбывания назначенного судом вида наказания, а также знакомить их с изменениями порядка и условий отбывания наказаний³⁵²) либо косвенно: в виде дозволения (например, прокурор вправе в порядке и по основаниям, которые установлены настоящим Кодексом, приостанавливать или прекращать производство по уголовным делам, – установлено в п. 16 ст. 37 УПК РФ³⁵³) или запрета (например, ст. 5 Кодекса поведения должностных лиц по под-

---

³⁵¹ Комментарий к Уголовному кодексу РФ. М.; Ростов н/Д, 1996. С. 290.

³⁵² Уголовно-исполнительный кодекс РФ. М., 1998.

³⁵³ Уголовно-процессуальный кодекс РФ. С. 46.

держанию правопорядка запрещает лицу, осуществляющему охрану правопорядка, «осуществлять, подстрекать или терпимо относиться к любому действию, представляющему собой пытку или другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания, и ни одно должностное лицо по поддержанию правопорядка не может ссылаться на распоряжения вышестоящих лиц или такие исключительные обстоятельства, как состояние войны или угроза войны, угроза национальной безопасности, внутреннюю политическую нестабильность или любое другое чрезвычайное положение для оправдания пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания»³⁵⁴.

Примеры способов закрепления юридических обязанностей по обеспечению права человека на правовую защиту убеждают в том, что различия между запретом, обязыванием и дозволением в рамках правозащитных отношений весьма условны, поэтому трудно признать их решающую роль в квалификации метода регулирования данных отношений. Как оказывается, запрет есть в то же время дозволение действовать, не выходя за рамки запрета, и обязывание не выходит за эти рамки, дозволение есть запрет выходить за границы дозволенного и обязывание действовать строго в его рамках.

Правомерное поведение субъектов правозащитных отношений – это совокупность действий или бездействий, осуществление которых, во-первых, соответствует требованиям норм о правах человека, а во-вторых, означает реализацию этих предписаний. «...Реализация прав и свобод в самом общем виде,, – пишет И.В. Ростовщиков,, – есть практическое использование предусмотренных правовыми нормами социальных возможностей,, в результате чего человек получает разнообразные материальные и иные блага для удовлетворения индивидуальных и, в известной мере, общественных интересов и потребностей»³⁵⁵. Это означает, что как элемент правозащитного отношения правовое поведение его участников может быть только правомерным.

---

³⁵⁴ Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка... С. 178.

³⁵⁵ См.: Ростовщиков И.В. Реализация прав личности и деятельность органов внутренних дел: Учеб. пособие. Волгоград, 1996. С. 63.

Правомерное поведение представляет собой превращение внутреннего состояния человека в действие под влиянием права³⁵⁶. Правовое поведение отражает непосредственный контакт субъекта с правовой действительностью, в ходе которого проявляются волевые усилия и совершается объективизация юридического содержания правоотношения.

В правозащитном отношении правовое поведение представлено действиями или бездействиями его участников. В этом поведении материализуется юридическое содержание правозащитного отношения. Однако это общее положение требует пояснений.

Субъективные права и юридические обязанности направленно воздействуют на поведение участников сторон правозащитного отношения. Суть этого воздействия выражается в том, что права и обязанности выступают в роли юридических программ фактического поведения. Их направленность обуславливается характером правозащитного правомочия и корреспондируемой с ним юридической обязанности. Они сообщают организованность действиям сторон правоотношения. Именно через них осуществляется действие системы правозащитного регулирования.

Правовое поведение управомоченной стороны правозащитного отношения следует отличать от правового поведения юридически обязанной стороны. Если поведение управомоченной стороны есть форма использования субъективных прав, то поведение контрагента – исполнение юридических обязанностей (запретов). В зависимости от того, где располагается активный юридический центр в конкретном правозащитном отношении – в плоскости правомочий или обязанностей – все правозащитные отношения подразделяются на активные и пассивные³⁵⁷. Правозащитные отношения активного типа характеризуются тем, что юридически обязанный субъект должен совершить конкретные активные действия в целях удовлетворения правозащитных полномочий другой стороны. В пассивных правозащитных отношениях этот субъект обязан воздерживаться от действий, которые могут привести к сбою, нарушению процесса осуществления прав

---

³⁵⁶ Подробнее см.: Лазарев В.В. Влияние закономерностей правомерного поведения // Советское государство и право. 1983. № 11. С. 20.

³⁵⁷ О делении правоотношений на активные и пассивные см.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. С. 108–109.

управомоченной стороны. Иными словами, в активных отношениях реализуются те юридические обязанности, осуществление которых связано с выполнением определенных действий. В пассивных — от юридически обязанной стороны требуется только одно: воздержание от запрещенных вариантов поведения.

Пассивные правозащитные отношения существенно отличаются от активных. Главное отличие заключается в том, что пассивные правозащитные отношения — это всегда общее правоотношение. Активные, наоборот, могут состояться только как конкретное правозащитные отношения.

Постановка вопроса о существовании общих правоотношений связана, как отмечалось нами выше, с решением проблемы реализации права³⁵⁸. Если признать, что нормативно-правовые предписания могут осуществляться вне правоотношений, то вопрос об общих правовых отношениях автоматически снимается. Если же исходить из обратного, то нельзя не признать объективную необходимость существования общих правоотношений. Характеризуя общие правоотношения, Н.И. Матузов пишет: «Общие правоотношения, в отличие от конкретных, выражают юридические связи более высокого уровня между государством и гражданами, а также последних между собой по поводу гарантирования и осуществления основных прав и свобод личности (право на жизнь, честь, достоинства, безопасность, неприкосновенность жилища, свободу слова и т. п.), а равно обязанностей (соблюдать законы, правопорядок). Они возникают главным образом на основе норм Конституции, других основополагающих актов и являются базовыми, исходными для отраслевых правоотношений»³⁵⁹. Сказанное Н.И. Матузовым целиком и полностью приложимо к характеристике общих правозащитных отношений. Они возникают из факта признания прав человека и выступают формой их осуществления. «Права человека, — пишет С.А. Комаров, — реализуются в общих правоотношениях... Для субъекта права достаточно обладать лишь правоспособностью для возникновения реального права в таких правоотношениях»³⁶⁰.

---

³⁵⁸ С.С. Алексеев — один из первых авторов, предложивших признать общие правоотношения в качестве формы реализации права (см.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования... С. 143 и след.).

³⁵⁹ Матузов Н.И. Правовые отношения... С. 478.

³⁶⁰ См.: Комаров С.А. Личность в политической системе российского общества (политико-правовое исследование). Саранск, 1995. С. 49.

В общезащитных правовых отношениях юридически обязанный субъект – корреспондент конкретного правозащитного правомочия – воздерживается от осуществления запрещенных вариантов поведения. Смысл такого рода запретов заключается в том, чтобы управомоченное лицо могло свободно и полностью реализовать не только одно из своих правомочий – право на правовую защищенность, вытекающее из права на правовую защиту, но и любое иное право человека. Иными словами, общее правозащитное отношение является способом осуществления как права человека на правовую защиту, так и всех иных его прав. «В рамках общих правоотношений, – подчеркивает Н.И. Матузов, – государство связано естественными правами личности, которые оно не может “отменить”, изменить, ограничить или которых не может лишиться кого бы то ни было. Напротив, будучи стороной в указанных правоотношениях, оно несет не одну, а множество обязанностей по созданию условий для реализации прав человека, их соблюдению, охране, защите, гарантированию и т. д.»³⁶¹.

Нормативно-правовые предписания, закрепляющие право человека на правовую защиту, имеют предоставительно-обязывающий характер. Следовательно, в них идеально смоделирована взаимосвязь между обязанностью воздерживаться от противоправных действий и правом человека требовать исполнения этой обязанности. Эта взаимосвязь «запрет – право» в процессе правового регулирования и конкретизируется в общезащитных правоотношениях. Юридическое содержание данного отношения заключено в том, что на основе такой взаимосвязи у человека имеется право требовать неукоснительного соблюдения предписаний закона (запретов), а на государство и иных субъектов ложится обязанность не совершать подобных действий. Выполняются эти права и обязанности (запреты) фактическим поведением сторон: активными действиями управомоченной стороны по осуществлению прав человека и воздержанием от запрещенных вариантов действия – обязанных субъектов.

Однако правозащитные отношения принимают и форму конкретных. По отношению к ним общие правозащитные отно-

---

³⁶¹ См.: Матузов Н.И. Права человека и общерегулятивные правоотношения... С. 5.

шения выполняют роль предпосылок, а юридический факт — функцию превращения этих предпосылок в конкретные правозащитные отношения. Специфика конкретных правозащитных отношений заключается в том, что в них юридическая связь индивидуализирована, конкретно определены правозащитные полномочия и правообязывания, а также имеет место осуществление правовой защиты.

В качестве примера, подтверждающего обоснованность вышеизложенных рассуждений, можно сослаться на институт защиты прав собственника. Известно, что праву собственника противостоит обязанность всех других лиц не препятствовать свободному осуществлению им владения, пользования или распоряжения вещью, не посягать на эти права. Такая связь есть общезащитное правоотношение. Оно осуществляется без нарушения прав управомоченного лица. Но как только нарушено право собственности, обязанность нарушителя по отношению к собственнику четко выявляется, а само общее правозащитное отношение переходит в форму конкретного. В этом случае юридическая связь между участниками правозащитных отношений конкретизируется, а юридически обязанная сторона совершает активные действия, направленные на выполнение требований, вытекающих из правозащитных полномочий управомоченной стороны.

Таким образом, деление правозащитных отношений на активные и пассивные с неизбежностью приводит к признанию их градации на общие и конкретные правозащитные отношения. Иными словами, правозащитные отношения, будучи по своей сути универсальным способом осуществления прав человека, принимают форму как общих, так и конкретных правоотношений. Они и выступают предметом регулятивного воздействия правозащитного метода.

Обобщая изложенное относительно существа и особенностей правозащитных отношений, обратим внимание на их социально-нравственную насыщенность и динамику развития, что обязательно должно отражаться и на специфике их правового регулирования.

На первое обстоятельство обращают внимание многие специалисты. Так, например, Ф.М. Рудинский отмечает, что права человека в главных и основных своих чертах обозначаются как

явления высоко нравственного порядка³⁶², а их осуществление есть одновременно и воплощение в жизнь нравственных требований. Поэтому, с его точки зрения, обеспечение прав человека включает в себя и обязательное соблюдение требований морали³⁶³. Надо заметить, что практика международного правового регулирования защиты прав человека изобилует требованиями о соблюдении этических норм при отправлении различных форм защиты прав человека. В результате этого правозащитные отношения наполняются, помимо собственно правового, еще и нравственным содержанием.

Второе обстоятельство также подмечено Ф.М. Рудинским. Говоря о возникновении и динамике правоотношений, в которых реализуются права человека, он пишет: «Гражданские (личные, конституционные) права существуют и реализуются в правоотношениях, но виды этих правоотношений различны. Указанные права существуют не в административно-правовых, гражданско-правовых и иных отраслевых правоотношениях, имеющих строго индивидуализированный характер... а в рамках отношений "государство – гражданин"». Отношения «государство – гражданин» автор квалифицирует как общие, не имеющие отраслевой принадлежности. «На первой стадии эти права существуют в рамках общих правоотношений типа "государство – гражданин". На второй и третьей стадиях они конкретизируются в отраслевых субъективных правах и реализуются в рамках отраслевых правоотношений»³⁶⁴. Иными словами, правоотношения, в которых протекает осуществление прав человека, первоначально возникают как общие, а далее принимают признаки отраслевых отношений. Эта логика динамики и преобразования правоотношений свойственна и правозащитным отношениям. Данный вывод имеет принципиально важное значение в понимании объективной необходимости и соответствующего метода регулирования этих отношений, а также в раскрытии его сущности и особенности действия.

---

³⁶² Рудинский Ф.М. Права человека в современном мире (марксистская оценка) // Право и жизнь. Независимый научно-популярный журнал. 2000. № 25. С. 4.

³⁶³ Там же.

³⁶⁴ Рудинский Ф.М. Гражданские права человека... С. 78.

§ 2. Особенности действия правозащитного метода регулирования

Как обосновывалось выше, право человека на правовую защиту вытекает из социально-природных и духовно-интеллектуальных свойств человека. Эти свойства, приобретая форму субъективных прав и далее закрепляясь в нормативно-правовых формах (конституциях государств, нормах и принципах международного права, а также в международных договорах), получают тем самым статус юридически гарантированных возможностей поведения человека. В предыдущем параграфе мы дали подробную характеристику субъективных и объективных форм бытия права человека на правовую защиту и корреспондируемых с ними юридических обязанностей. Поэтому перейдем к рассмотрению проблемы действия правозащитного метода, имея в виду, что это действие есть реализация регулятивного содержания правозащитного метода.

В юридической литературе содержание метода правового регулирования, как правило, рассматривается через его структуру. Смысл такого видения заключается в том, что само воздействие метода на общественные отношения строго упорядочено последовательностью включения в этот процесс того или иного его элемента. Поэтому можно полагать, что действие правозащитного метода представляет собой поэтапное включение правозащитных средств в процесс воздействия правозащитного регулирования на поведение людей.

Относительно количества составных частей, образующих структуру метода правового регулирования в правоведении отсутствует единство мнений³⁶⁵. Так, например, Л.С. Явич полагает, что структуру метода правового регулирования образуют пять компонентов. Этот вывод он обосновывает в своей фундаментальной работе «Проблемы правового регулирования советских общественных отношений». Л.С. Явич утверждает, что любой метод правового регулирования включает в себя следующие элементы: 1) порядок установления прав и обязанностей субъектов

---

³⁶⁵ Подробнее о структуре метода правового регулирования см.: Сорочкин В.Д. Указ. соч. С. 45 и след.; Кулапов В.Л. Указ. соч. С. 57 и след.; и др.

права; 2) степень определенности предоставленных прав и «автономности» действий субъектов; 3) взаимоотношения субъектов правоотношений; 4) наличие или отсутствие конкретной юридической связи между субъектами прав и обязанностей; 5) пути и средства обеспечения установленных субъективных прав и юридических обязанностей³⁶⁶.

Несколько иного мнения по этому вопросу придерживается С.С. Алексеев. Он выделяет четыре основных компонента в структуре метода правового регулирования: а) общее правовое положение субъектов; б) основания возникновения, изменения и прекращения правоотношений; в) приемы формирования субъективных прав и юридических обязанностей; г) характер юридических мер воздействия (санкции)³⁶⁷. Это положение С.С. Алексеева нашло широкую поддержку в юридической науке. Мы также разделяем сделанный С.С. Алексеевым вывод относительно структуры метода правового регулирования. С позиции этого положения и перейдем к рассмотрению вопроса о действии правозащитного метода регулирования общественных отношений.

Первой формой, в которой обнаруживает себя правозащитный метод не только как факт, но и как функционирующее явление, выступает международное и внутригосударственное признание права человека на правовую защиту. Характеристика действия этого права подробно изложена в параграфах, посвященных юридической природе и регулятивной ценности защиты прав человека. Поэтому особый акцент сделаем на его нормативном закреплении.

Значение выраженности права человека на правовую защиту в нормах объективного права фактически превращает правозащитный метод регулирования в официально признанный способ регулирования правозащитных отношений. Это объясняется тем, что именно с помощью норм права устанавливается общее, исходное, юридически значимое положение участников правозащитных отношений – их правовой статус, который может быть назван правозащитным. В установлении общего правозащитного статуса метод правового регулирования выражается и действует как способ организации правовых связей субъектов правозащитного

---

³⁶⁶ Явич Л.С. Проблемы правового регулирования... С. 89.

³⁶⁷ Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. С. 291.

отношения. «Определяя участникам регулируемых отношений рамки возможного и дозволенного поведения, норма права вступает в непосредственный контакт с волей субъекта, воздействует на нее и регулирует внешние поступки субъекта»³⁶⁸, — пишет А.М. Витченко. При этом сферами его организующего воздействия выступают как общие, так и конкретные правозащитные отношения.

Однако в установлении исходного правового положения субъектов проявляется и другая его черта — направлять, программировать содержание и действие всей системы правозащитного регулирования. «Поставив субъектов общественных отношений в те или иные исходные юридические позиции, — замечает С.С. Алексеев, — правовая система тем самым предопределяет своеобразие используемого в данной области всего комплекса юридического инструментария и отсюда основные особенности структурных подразделений правовой системы»³⁶⁹. Поэтому проблема нормативной основы правозащитного метода регулирования не исчерпывается формированием правового статуса субъектов прав человека, хотя и недооценивать закрепления этого статуса также нельзя. В этой связи надо признать не случайным то, что некоторые специалисты ограничивают предметность метода правового регулирования именно сферой установления общего правового статуса субъектов. Такую точку зрения высказывает, например, С.Н. Братусь. Он считает, что правовое регулирование достигается и полностью себя исчерпывает фактом издания нормы права³⁷⁰. При этом он отождествляет понятия «правовое регулирование» и «правовое воздействие». В то же время, как уже говорилось выше, данные понятия различаются по объекту, набору средств и результатам их осуществления.

Действие правозащитного метода регулирования имеет место с момента признания права человека на правовую защиту, оформленное в соответствующей документальной форме. При этом сам акт признания и есть само это воздействие.

В юридической науке существует мнение, согласно которому в норме права метод материализуется в ее составных частях —

---

³⁶⁸ Витченко А.М. Указ. соч. С. 37.

³⁶⁹ Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. С. 295.

³⁷⁰ Братусь С.Н. О роли советского права в развитии производственных отношений. М., 1954. С. 52.

гипотезе, диспозиции и санкции. «Представление о методе, заключенном в норме, — пишет В.М. Горшенев, — можно получить только при анализе всех структурных частей нормы права и специфики субъективного состава, поведение которого норма права должна урегулировать»³⁷¹. Смысл выраженности прав человека в нормах права состоит в том, что, как пишет Г.Б. Романовский, благодаря именно «этому и можно говорить, что те или иные действия соответствуют законодательным установлениям, а другие — противоречат»³⁷².

Однако защита прав человека как метод правового регулирования, конечно же, не исчерпывается закреплением в нормах права субъективного права человека на защиту. Очевидно, что правозащитный метод (и в этом, по нашему мнению, состоит одна из его особенностей) призван не только регламентировать поведение людей, но и организовывать соответствующую стандартам прав человека систему организационно-процедурного обеспечения исполнимости права на защиту. А это предполагает признание в нормативной основе правозащитного метода правовых предписаний самого различного характера, но так или иначе касающихся и правового статуса субъектов прав человека, и организационной стороны осуществления защиты этих прав.

В литературе, посвященной вопросам классификации нормативно-правовых предписаний, указывается на существование различных видов норм права. Однако также отмечается, что применительно к проблеме правового регулирования наибольшее значение имеет типизация норм права по функциональному признаку. По этому основанию выделяют: «исходные правовые нормы, нормы-правила поведения (нормы непосредственного регулирования человеческого поведения), общие и специальные нормы»³⁷³.

Исходные нормы права предназначены для закрепления в объективном праве отправных начал, принципов правового регулирования. Их отличительный признак состоит в предельной абстрактности содержащегося в них правового предписания и особой направляющей роли в методе правового регулирования.

---

³⁷¹ Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования... С. 82.

³⁷² Романовский Г.Б. Указ. соч. С. 362.

³⁷³ Нормы советского права: Проблемы теории / Под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов, 1987. С. 159.

Роль исходных правовых норм в правозащитном методе играют правовые предписания, в которых, во-первых, признаются права человека и их защита законом, во-вторых, содержится дефиниция прав человека в качестве естественных и неотъемлемых свойств самого человека, в-третьих, устанавливается юридическая обязанность международного сообщества и государств признать, уважать и защищать права человека. Эти исходные нормы задают направленность и качественные параметры действия правозащитного метода регулирования в пространстве, по кругу лиц и во времени.

Свою роль, присущую только им, выполняют в правозащитном методе регулирования нормы-правила поведения. Их задача состоит в том, чтобы четко описать запрещенные, обязательные и возможные варианты поведения субъектов, вовлеченных в отношения осуществления права человека на правовую защиту. Такого рода нормативно-правовые предписания можно подразделить на общие и специальные. К числу общих норм следует отнести те правовые веления, которые адресуются ко всем субъектам прав человека, например, нормы, устанавливающие одинаковое для всех людей то или иное правозащитное правомочие (п. 1 ст. 46 Конституции РФ устанавливает право каждого человека на защиту его прав и свобод). Специальные нормы предназначены для закрепления правового положения отдельной категории субъектов прав человека. Например, в п. 1 ст. 32 Конвенции о правах ребенка записано: «Государства-участники признают право ребенка на защиту от экономической эксплуатации и от выполнения любой работы, которая может представлять опасность для его здоровья или служить препятствием в получении им образования, либо наносить ущерб его здоровью и физическому, умственному, духовному, моральному и социальному развитию».

Особую регулятивную нагрузку в перечне специальных норм играют те нормы-правила поведения, которые устанавливают основания и порядок ограничения прав человека, в том числе и права человека на правовую защиту. Так, предписание, содержащееся в ст. 55 Конституции РФ, устанавливает правило, согласно которому в РФ не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (ч. 2). Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены

федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3).

Итак, значение и смысл включения нормативно-правовых предписаний в структуру правозащитного метода регулирования заключаются в том, что с их помощью устанавливаются общие права и обязанности, которые в последующем и определяют соотношение воли субъектов и их правовое положение в правозащитных отношениях. «Специфика общего правового положения субъектов, — пишет В.Ф. Яковлев, — реально выражается в конкретных правовых связях, а последние, несмотря на их разнообразие по содержанию, потому и обладают общими чертами, что строятся на тех началах, которые заложены в общем статусе субъектов ... права»³⁷⁴.

Таким образом, связь нормы права и правозащитного метода характеризуется тем, что нормативно-правовое предписание выступает первичной юридически значимой и общеобязательной формой закрепления метода, а также средством достижения им одной из основных своих задач — установление исходного правового положения субъектов в правовых отношениях. Этот вывод охватывает и нормативное закрепление принципов и порядка ограничения прав человека.

Всеобщая декларация прав человека (ч. 2 ст. 29) предусматривает три условия правомерного ограничения прав человека: 1) если они установлены законом; 2) если они обеспечивают должное признание и уважение прав других лиц; 3) если они направлены на удовлетворение справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

Исходя из международных стандартов, Конституция РФ четко определила условия правомерного ограничения пределов индивидуальной свободы. В ч. 3 ст. 56 Конституции устанавливается принцип недопустимости ограничения таких гражданских прав, как право на жизнь, достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, распространение информации о частной жизни, свободу совести и вероисповеданий; а также юри-

---

³⁷⁴ См.: Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования... С. 66.

дических гарантий гражданских прав. Конституция также оговаривает, что перечисление в ней основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление общепризнанных прав и свобод (ч. 1 ст. 55). В ней закреплён обращённый к законодателю запрет издавать законы, отменяющие или умаляющие права человека (ч. 2 ст. 55). Конституция РФ воспроизводит, в основном, формулу ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, но уточняет ее применительно к российской действительности.

Права человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом (а не законами субъектов Федерации) и только для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55).

Вторым элементом метода регулирования выступают основания прекращения, возникновения и изменения правоотношений. Правозащитный метод реально выражается в правовом положении субъектов и охватывает принципы и порядок ограничения прав человека. Далее он проявляет себя в установлении оснований прекращения, возникновения и изменения правоотношений.

Необходимость установления этих оснований состоит в том, что, с одной стороны, вне и помимо правозащитных отношений право человека на правовую защиту не может быть реализовано. В этом случае правоотношение выступает единственной и универсальной формой, в которой может быть осуществлено данное право. «В самом деле, – задается вопросом С.С. Алексеев, – почему на основе юридических норм между лицами возникает связь? Да потому, что юридические нормы предоставляют одному лицу (или лицам) право, на другое же лицо (или лиц) возлагают обязанность. А право и обязанность (и в этом суть правоотношения!) едины»³⁷⁵. С другой стороны, основания возникновения, прекращения и изменения правозащитных отношений выступают теми юридическими фактами, которые обеспечивают их динамику, следовательно, и динамику юридических связей (прав и обязанностей) субъектов – сторон правоотношений.

В правоведении, в целом, считается общепризнанным, что юридические факты – это конкретные жизненные обстоятельства, с которыми нормы права связывают возникновение, из-

---

³⁷⁵ См.: Алексеев С.С. Проблемы теории права. Т. 1. С. 252.

менение и прекращение правоотношений. «Юридическими фактами, — пишет С.Ф. Кечекьян, — ...являются факты или события, с наличием которых нормы права связывают наступление определенных юридических последствий...»³⁷⁶. Однако, кроме такого рода юридических фактов, существуют и факты-модели³⁷⁷. Их особенность заключается в том, что они есть отражение, модель вышеуказанных событий. Примером факта-модели может служить обвинительный приговор суда. Следует заметить, что факты-модели не отрываются от своих фактических оснований. Так, обвинительный приговор суда как факт-модель есть своеобразное отражение самого преступления — фактического основания возникновения уголовно-правового отношения. Однако и факты-модели, и конкретные фактические основания выполняют в структуре любого метода правового регулирования одну и ту же роль: выступают побудителями и связующими звеньями общего правового положения субъектов как нормативной основы всего правового регулирования с реальными общественными отношениями. В этом и состоит их служебное назначение в структуре метода правового регулирования.

Свое мнение относительно перечня юридических фактов в правозащитном регулировании мы уже излагали выше. Он, с нашей точки зрения, должен включать в себя и виновные, противоправные, а потому и наказуемые действия или бездействия как физических, так и юридических лиц. Здесь же заметим, что единого мнения среди специалистов по этому вопросу нет. Основная причина такого положения заключается в неоднозначном решении проблемы включения мер юридической ответственности в систему средств правовой защиты.

Юридические факты, обуславливая возникновение, изменение и прекращение правозащитных отношений, вызывают тем самым и соответствующие динамические процессы в статусах и юридических связях субъектов этих отношений. Для их упорядочивания метод правозащитного регулирования использует такие правовые средства, как приемы правового регулирования.

---

³⁷⁶ См.: Кечекьян С.Ф. Указ. соч. С. 161.

³⁷⁷ Убедительные основания в пользу существования фактов-моделей приводит В.Б. Исаков (см.: Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980. С. 9 и след.).

Надо заметить, что термин «прием» нашел широкое применение в юридической науке и юридической практике. Отсюда и многообразие его определений. Однако применительно к вопросам правового регулирования данный термин чаще всего интерпретируют как особый порядок «возникновения и формирования содержания прав и обязанностей их осуществления»³⁷⁸.

Прием правового регулирования — это наиболее сложный элемент метода правового регулирования. В его структуре он выполняет роль системообразующего алгоритма (принципа), выражающегося в формировании и последующем распределении прав и обязанностей между сторонами правоотношений. Поэтому можно сказать, что прием правозащитного регулирования представляет собой порядок, каким субъекты права на правовую защиту наделяются соответствующими правами и обязанностями и вовлекаются в правозащитные отношения. Отсюда видно, что понятие «прием правового регулирования» может быть использовано для характеристики формирования и функционирования практически каждого элемента правозащитного метода регулирования.

В общетеоретическом плане, то есть без привязывания проблематики приемов правозащитного регулирования к той или иной группе субъектов права на правовую защиту, можно выделить такие порядки формирования и распределения полномочий и юридических обязанностей между участниками правозащитных отношений, как нормативный и персонифицированный (индивидуализированный) приемы; централизованные и децентрализованные; императивные и диспозитивные и др.

Прием правового регулирования, как отмечалось, имеет отношение ко всем элементам метода правового регулирования. Не является в этом смысле исключением и характер правового принуждения, выражающийся в особенностях юридического закрепления и возложения на субъектов принудительных мер в случаях, предусмотренных законом.

Организующее действие приемов правового регулирования распространяется и на такой элемент правозащитного метода регулирования, как правозащитное принуждение.

В структуре правозащитного метода регулирования принудительный элемент так же необходим, как и вышеперечислен-

---

³⁷⁸ См.: Алексеев С.С. Право: Азбука — теория — философия... С. 250.

ные. В этой связи, перефразировав известное выражение Ю.С. Жидинского, можно сказать, что без определения общего правового состояния субъектов метод правозащитного регулирования немислим, без юридических фактов и субъективных прав и обязанностей — бессмыслен, а без правового принуждения — бессилён³⁷⁹.

Принудительные меры правозащитного воздействия — правовое принуждение — представляют собой властное подчинение воли субъекта путем воздействия на него мер правозащитного принуждения, предусмотренных санкциями норм права. Санкция, таким образом, — это нормативная форма существования правозащитного принуждения. Само понятие «правозащитное принуждение» охватывает собой указания на все виды неблагоприятных последствий (лишения материального, организационного или личного характера), наступающих для того субъекта, который нарушил то или иное право человека и, тем самым, создал угрозу, вызвал сбой в нормальном процессе функционирования правозащитного метода регулирования. «Это вполне обосновано и закономерно, — пишет И.В. Ростовшиков, — поскольку принуждение, как правило, является неизбежным силовым противодействием государства правонарушителю, совершаемым им общественно опасным деянием, служит средством защиты правопорядка, прав и свобод личности, их восстановления в случае нарушения»³⁸⁰.

Меры правозащитного принудительного воздействия реализуются как в общих, так и в конкретных правозащитных отношениях. Специфика их действия в общезащитных отношениях состоит в том, что они выполняют функцию предупреждения нарушений прав человека. Выражая собой угрозу наступления невыгодных последствий за нарушение прав человека, меры правозащитного принудительного воздействия выступают антистимулами такого рода поведения как со стороны отдельных граждан, так и для должностных лиц и органов государства. В конкретных правозащитных отношениях меры принудительного воздействия выполняют функции восстановления (ком-

---

³⁷⁹ См.: Жидинский Ю.С. аСанкция нормы советского гражданского права. Воронеж, 1968. С. 44.

³⁸⁰ Ростовшиков И.В. Указ. соч. С. 44.

пенсации) нарушенного права человека и наказания (кары) за такое деяние.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что содержание правозащитного метода регулирования и особенности его воздействия на правозащитные отношения свидетельствуют о том, что это именно способ целенаправленного воздействия института защиты права на общественные отношения. Иными словами, практика утверждения прав человека с необходимостью предполагает и складывание соответствующей системы правозащитного регулирования, которая свое воздействие на поведение людей осуществляет с помощью особого метода, основанного на международных стандартах защиты прав человека, а потому и называемого правозащитным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги нашего монографического исследования, обратим внимание на то, что проблема регулирования защиты прав человека находится в ряду центральных вопросов теории и практики осуществления правовых реформ, проводимых в Российской Федерации. Ее назначение определяется тем, что именно она концентрированно и под наиболее содержательным углом зрения отражает процесс приобретения нашим обществом качества правового, подлинно гуманного и демократического социума. Поэтому государство, партии, общественные движения и их лидеры, ученые и широкая общественность держат под пристальным вниманием реальное состояние защищенности прав и свобод человека.

Одним из важнейших факторов, от которого самым существенным образом зависит это состояние, является наличие и действенность системы регулирования права человека на правовую защиту. Ее складывание — это поистине эпохальная задача, стоящая перед всей Россией и каждым ее гражданином. И надо признать, что к настоящему времени сделано в этом направлении уже немало: ратифицированы основополагающие международные документы, определяющие смысл, условия и прядок защиты прав человека; приняты фундаментальные национальные нормативно-правовые акты, устанавливающие и регламентирующие внутригосударственные процедуры защиты прав человека; усилились процессы преобразования и активизации деятельности правозащитных органов государственной власти; медленно, но все же начинает обозначаться отказ от нигилистического отношения общества к праву вообще и правам человека в частности. И как следствие этих изменений, все более четко обозначается проблема метода регулирования тех общественных отноше-

ний, которые складываются в сфере реализации права человека на правовую защиту. Признаками осознания потребности такого рода метода являются, с одной стороны, выдвигаемые в юридической науке предложения о формировании специальной отрасли – право человека или правозащитных отраслей, а с другой – ставшая уже привычной юридическая практика возложения на государство правовой ответственности за нарушения прав человека и подачи соответствующих жалоб на него в Европейский суд по правам человека. Ясно, что такая разносторонняя и масштабная правозащитная деятельность субъектов прав человека и компетентных юридических лиц, обладающих правозащитными полномочиями, требует согласованного и целенаправленного упорядочивания такими средствами правового регулирования, которые бы соответствовали и букве, и духу прав человека. Поэтому надо признать, что постановка вопроса о правовом методе регулирования этих отношений актуальна и важна в теоретическом плане и своевременна в практическом.

Осуществленный в настоящем исследовании анализ свидетельствует о закономерном характере появления качественно иного метода, по сравнению с существующими в рамках российской правовой системы способами правового регулирования. Его своеобразии обусловлено целым множеством причин и факторов, однако главным и определяющим среди них является практика расширения области функционирования правозащитных отношений. Именно эти отношения, будучи несводимыми к охранительным правоотношениям, и диктуют утверждение адекватного своей природе метода правового регулирования. А поскольку предметом его регулирования выступают правоотношения, именуемые правозащитными, то и метод может быть назван правозащитным.

Правозащитный метод правового регулирования представляет собой гарантированный государством и международным сообществом способ регулятивного воздействия на правозащитные отношения, содержанием которого выступает осуществление права человека на правовую защиту посредством комплекса правовых средств, регулирующих (самостоятельное или с помощью компетентных субъектов) его осуществление в целях обеспечения правовой защищенности личности. Из этого определения видно, что правозащитный метод регулирования характеризуется двумя

группами признаков. Первую группу образуют такие черты, которые свидетельствуют о его принадлежности именно к методам правового регулирования. Вторую группу признаков составляют его особенные, специфические характеристики.

В числе признаков первой группы следует назвать следующие: 1) правозащитный метод имеет соответствующую нормативную основу; 2) он нацелен на упорядочение обособленной группы общественных отношений путем воздействия на сознательно-волевое поведение людей; 3) правозащитный метод, как и любой другой метод правового регулирования, имеет внутреннюю и внешнюю форму своего существования; 4) реальность, действенность правозащитного метода гарантирована организованной принудительной силой.

Вторая группа признаков характеризует правозащитный метод как особый, существенно отличающийся от других способов реализации комплекса правовых средств обеспечения права человека на правовую защиту. Здесь, по нашему мнению, необходимо указать на такие черты данного метода: 1) назначение правозащитного метода заключается в правовой регламентации деятельности субъекта права на правовую защиту, а также тех субъектов, которые обладают правозащитной компетенцией; 2) правозащитный метод представляет собой структурно-функциональное выражение (отражение) отношений, возникающих и функционирующих по поводу и в связи с осуществлением права человека на правовую защиту; 3) направленность всех правовых средств, образующих содержание данного метода, на восстановление нарушенного права человека или на предотвращение реальной угрозы такого нарушения, а также на применение мер принуждения к нарушителю в целях его наказания; 4) правовые средства правозащитного метода образуют единую и целенаправленную систему, включающую в себя соответствующие компоненты и международного и внутригосударственного механизмов защиты прав человека; 5) нормативную основу правозащитного метода образуют как международно-правовые стандарты, так и внутригосударственные нормативно-правовые предписания и правовые принципы материального и процессуального характера, регулирующие деятельность компетентных субъектов по пресечению нарушения прав человека, их восстановлению и применению мер принуждения к нарушителю в целях его наказания.

С нашей точки зрения, совокупность этих признаков выступает достаточно веским аргументом в пользу признания существования такого метода правового регулирования, каким является правозащитный способ воздействия на общественные отношения.

Конечно, более полное и всестороннее исследование, включающее в себя и критическое осмысление практики и теории правозащитного метода регулирования — это предмет коллективных усилий специалистов-юристов, однако, как нам представляется, на данном этапе важным является уже сама постановка вопроса о существовании такого рода метода правового регулирования, а также осуществленная нами попытка его теоретического обоснования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ И ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1.1. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ

1 Всеобщая декларация прав человека [принята и провозглашена резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.] // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

2 Билль о правах // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

3 Великая хартия вольностей // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

4 Венская декларация и Программа действий. Принята 25 июня 1993 г. Всемирной конференцией по правам человека // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

5 Воззвание Тегеранской конференции // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

6 Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

7 Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (18 декабря 1992 г.) // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

8 Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы (принята резолюцией 53/144 Генеральной

Ассамблеи от 9 декабря 1998 г.) // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

9 Декларация о праве на развитие. Принята резолюцией 41/128 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1986 г. // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

10. Декларация о праве народов на мир // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

11. Декларация о расе и расовых предрассудках // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

12. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

13. Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

14. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

15. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

16. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

17. Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 26 ноября 1987 года // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

18. Европейская хартия местного самоуправления от 17 октября 1985 года // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

19. Женевская конвенция об обращении с военнопленными // Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. — М., 1997.

20. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны // Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. — М., 1997.

21. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

22. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 34/169 от 17 декабря 1979 г.) // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

23. Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам // Международные акты о правах человека : сб. док. – М., 2000.

24. Конвенция о правах ребенка // Международные акты о правах человека : сб. док. – М., 2000.

25. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказание за него // Международные акты о правах человека : сб. док. – М., 2000.

26. Конвенция о свободе ассоциаций и защите права на организацию // Международные акты о правах человека : сб. док. – М., 2000.

27. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // Международные акты о правах человека : сб. док. – М., 2000.

28. Конвенция о защите детей и сотрудничестве в области межгосударственного усыновления (Гаага, 29 мая 1993 г.) // Международные акты о правах человека : сб. док. – М., 2000.

29. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека // Международные акты о правах человека : сб. док. – М., 2000.

30. Конституция Японии 1947 г. – М., 1997.

31. Международная защита прав и свобод человека : сб. док. – М., 1990.

32. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей // Международные акты о правах человека : сб. док. – М., 2000.

33. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 1966 г.) // Международная защита прав и свобод человека : сб. док. – М., 2000.

34. Парижская хартия для новой Европы // Международные акты о правах человека : сб. док. – М., 2000.

35. Положение о Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств // Международные акты о правах человека : сб. док. – М., 2000.

36. Право Совета Европы и России : сб. док. и материалов. – 2-е изд., доп. – Краснодар, 1996.

37. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств от 1 февраля 1995 года // Международные акты о правах человека : сб. док. – М., 2000.

38. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 48/141 // Международные акты о правах человека : сб. док. – М., 2000.

39. Устав Международного военного трибунала // Международные акты о правах человека : сб. док. – М., 2000.

40. Устав Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев // Международные акты о правах человека : сб. док. – М., 2000.

1.2. Законы Российской Федерации

41. Конституция Российской Федерации. – М., 2000.

42. Гражданский кодекс Российской Федерации. – М., 1994.

43. Гражданский процессуальный кодекс. – М., 2002.

44. Декларация о государственном суверенитете РСФСР: Принята ВС РСФСР 12 июня 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. – 1990. – № 2. – Ст. 22.

45. Декларация прав и свобод человека и гражданина: Принята ВС РСФСР 22 ноября 1991 года // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 52. – Ст. 1865.

46. Закон РФ «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» от 27 апреля 1993 г. // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

47. Федеральный закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

48. Федеральный закон РФ «Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации» от 3 апреля 1995 г. // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

49. Федеральный закон РФ «Об учреждениях и организациях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 21 июля 1993 г. // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

50. Закон РФ «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» от 1 апреля 1993 г. // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

51. Закон РФ «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» от 6 февраля 1997 г. // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

52. Закон РФ «О государственной границе Российской Федерации» от 1 апреля 1993 г. // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

53. Федеральный закон РФ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» от 20 апреля 1995 г. // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

54. Федеральный закон РФ «О государственной охране» от 27 мая 1996 г. // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

55. Федеральный конституционный закон РФ «О Конституционном суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

56. Закон РФ «О милиции» от 18 апреля 1991 г. // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

57. Федеральный закон РФ «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

58. Федеральный закон РФ «О пожарной безопасности» от 21 декабря 1994 г. // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

59. Федеральный закон РФ «О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы» // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

60. Федеральный закон РФ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

61. Федеральный закон РФ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12 января 1996 г. // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

62. Федеральный закон РФ «О федеральных органах налоговой полиции» от 24 июня 1993 г. // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

63. Федеральный закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» от 11 марта 1992 г. // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

64. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. М., 1996.

65. Собрание законодательства РФ. – М., 1996. – № 9.

66. Собрание законодательства РФ. – М., 1998. – № 14, 15.

67. Уголовно-исполнительный кодекс РФ. – М., 1998.

68. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. – М., 2002.

1.3. ПОСТАНОВЛЕНИЯ

69. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. – М. : Республика, 1992.

70. О защите конституционных прав и свобод граждан при осуществлении мер по борьбе с преступностью: Постановление Государ-

ственной думы Федерального собрания РФ от 22 июня 1994 г. № 141-ГД // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 12. – Ст. 1369.

71. О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности: Указ Президента РФ от 14 июня 1994 г. № 1226 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 8. – Ст. 804.

72. О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств: Постановление Пленума Верховного суда СССР № 14 от 16.08.1984 г. // Бюллетень Верховного суда СССР. – 1984. – № 5.

73. Положение о Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации (утверждено Указом Президента РФ от 1 ноября 1993 г. № 1798) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. – № 45. – Ст. 4325.

74. Постановление ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г. «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

75. Постановление Конституционного суда РФ по делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» ст. 64 УК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова. г. Москва. 20 декабря 1995 года.

76. Постановление Конституционного суда РФ по делу о проверке конституционности статей 2 и 16 Закона РСФСР от 18 ноября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» (в редакции от 3 сентября 1993 г.) в связи с жалобой гражданки З.В. Алешниковой от 23 мая 1995 г. // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 22. – Ст. 2168.

77. Постановление Конституционного суда РФ по делу о проверке конституционности абзаца 2 части 7-й статьи 19 Закона РСФСР от 18 апреля 1991 года «О милиции» в связи с жалобой гражданина В.М. Минакова от 6 июня 1995 г. // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 24. – Ст. 2342.

78. Правила возмещения работодателями вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанными с исполнением трудовых обязанностей: Утверждены Постановлением СВ РФ от 24 декабря 1992 г. № 4214-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и ВС РФ. – 1993. – № 2. – Ст. 71.

79. Представление Государственной думы Федерального собрания РФ «О мерах по реализации предложений уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» от 14 мая 2000 г. № 397-III ГД // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

80. Приказ Минюста РФ «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации» от 12 мая 2000 г. № 148 // ГАРАНТ – максимум с региональным законодательством. 11.09.2004 (36).

81. Федеральная целевая программа по усилению борьбы с преступностью на 1996–97 годы (утверждена Постановлением Правительства РФ от 17 мая 1996 г. № 600) // Российская газ. – 1996. – 24 июля.

82. О рассмотрении судами жалоб на неправомерные действия, нарушающие права и свободы граждан: Постановление пленума Верховного суда РФ № 10 от 21 декабря 1993 г. // Российская юстиция. – 1994. – № 10.

83. О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.04.1994 г. № 3 // Законность. – 1994. – № 8.

84. О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия: Постановление пленума Верховного суда РФ № 8 от 31 октября 1995 г. // Бюллетень Верховного суда РФ. – 1996. – № 1.

85. О правовой реформе: Резолюция 19-й Всесоюзной конференции КПСС от 1 июля 1988 г. // Материалы 19-й Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 г. – М. : Политиздат, 1988.

86. О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации за 1993 год : доклад Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации. – М. : Юридическая литература, 1994.

87. Периодический доклад Российской Федерации, представляемый Комитету ООН по правам человека в соответствии со статьей 40 Международного пакта о гражданских и политических правах (1994 г.) // Права человека в России – международное измерение : сб. док. – Вып. 1. – М. : Права человека, 1995.

88. Федеральная программа действий в области прав человека (Проект) (Москва, июнь 1994 г.) // Права человека в России – международное измерение : сб. док. – Вып. 1. М., 1995.

2. КНИГИ

2.1. Монографии. Комментарии

89. Аверьянов, А. Н. Системное познание мира : методологические проблемы / А. Н. Аверьянов. – М., 1985.

- Ю. Аграновская, Е. В. Правовая культура и обеспечение прав личности / Е. В. Аграновская. — М. : Наука, 1989.
- Я. Азаров, В. А. Деятельность органов предварительного следствия и суда по охране имущественных интересов граждан / В. А. Азаров. — Омск, 1990.
- Щ. Азаров, А. Защита прав человека. Международные и российские механизмы / А. Азаров, В. Ройтер, В. Хюфнер. — М., 2000.
- Э. Аквинский, Фома. Сочинения / Фома Аквинский. — М., 1975.
- Ю. Алексеев, С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права / С. С. Алексеев. — М., 1961.
- Ю. Алексеев, С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С. С. Алексеев. — М., 1966.
- Ю. Алексеев, С. С. Социальная ценность права в советском обществе / С. С. Алексеев. — М., 1971.
- Ю. Алексеев, С. С. Проблемы теории права. В 2 т. Т. 1 / С. С. Алексеев. — Свердловск, 1972.
- Ю. Алексеев, С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. — М. : Юридическая литература, 1975.
- Ю. Алексеев, С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С. С. Алексеев. — М., 1989.
100. Алексеев, С. С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. — М., 1999.
101. Амелистов, Э. М. Защита прав человека в России и США глазами друг друга / Э. М. Амелистов, М. Холланд. — Нью-Йорк ; М., 1993.
102. Антонова, Л. И. Локальное правовое регулирование: (теоретическое исследование) / Л. И. Антонова. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1985.
103. Арсеньев, Е. В. Реализация прав граждан в условиях развитого социализма / Е. В. Арсеньев, Н. В. Витрук. — М., 1983.
104. Баранов, В. М. Истинность норм советского права: Проблемы теории и практики / В. М. Баранов ; под ред. М. И. Байтина. — Саратов : Изд-во СГУ, 1989.
105. Бережнов, А. Г. Права личности: Некоторые вопросы теории / А. Г. Бережнов. — М., 1991.
106. Божьев, В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения / В. П. Божьев. — М., 1975.
107. Бондарь, Н. С. Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе / Н. С. Бондарь. — Ростов н/Д, 1996.
108. Братко, А. Г. Запреты в советском праве / А. Г. Братко. — Саратов, 1979.
109. Братусь, С. Н. О роли советского права в развитии производственных отношений / С. Н. Братусь. — М., 1954.
110. Братусь, С. Н. Предмет и система советского гражданского права / С. Н. Братусь. — М., 1963.

111. Братусь, С. Н. Юридическая ответственность и законность: Очерки теории / С. Н. Братусь. — М. : Юридическая литература, 1976.
112. Бутрос-Гали Бутрос. Организация Объединенных Наций и права человека. ООН. — М., 1995.
113. Васильев, А. М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А. М. Васильев. — М. : Юридическая литература, 1976.
114. Ведяхин, В. М. Правовое регулирование научно-технического прогресса: Теоретико-правовой аспект / В. М. Ведяхин. — Куйбышев, 1990.
115. Витрук, Н. В. Правовой статус личности в СССР / Н. В. Витрук. — М. : Юридическая литература, 1985.
116. Витрук, Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / Н. В. Витрук. — М., 1979.
117. Витченко, А. М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений / А. М. Витченко. — Саратов, 1974.
118. Воеводин, Л. Д. Юридический статус личности в России / Л. Д. Воеводин. — М., 1997.
119. Глистин, В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений / В. К. Глистин. — М., 1979.
120. Глотов, С. А. Россия и Совет Европы: политико-правовые вопросы взаимодействия / С. А. Глотов. — Краснодар, 1998.
121. Глотов, С. А. Конституционно-правовые проблемы сотрудничества России и Совета Европы в области прав человека / С. А. Глотов. — Саратов, 1999.
122. Гоббс, Т. Избранные произведения в двух томах. Т. 2 / Т. Гоббс. — М., 1964.
123. Горшаков, С. А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство / С. А. Горшаков. — М., 2001.
124. Горшенев, В. М. Участие общественных организаций в правовом регулировании / В. М. Горшенев. — М., 1963.
125. Горшенев, В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе / В. М. Горшенев. — М., 1972.
126. Гревцов, Ю. И. Проблемы теории правового отношения / Ю. И. Гревцов. — Л., 1981.
127. Гревцов, Ю. И. Правовые отношения и осуществление права / Ю. И. Гревцов. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1987.
128. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. — М., 1970.
129. Грибанов, В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В. П. Грибанов. — М. : Изд-во МГУ, 1972.
130. Гроций, Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. — М., 1957.

131. Гулиев, В. Е. Социалистическая демократия и личные права / В. Е. Гулиев, Ф. М. Рудинский. — М., 1984.
132. Действующее международное право. В 3 т. Т. 3. — М., 1993.
133. Дмитриева, Г. К. Международная защита прав женщины / Г. К. Дмитриева. — Киев : Выща школа, 1985.
134. Жицинский, Ю. С. Санкция нормы советского гражданского права / Ю. С. Жицинский. — Воронеж, 1968.
135. Дробязко, С. Г. Право и материально-техническая база коммунизма / С. Г. Дробязко. — М., 1967.
136. Дюрягин, И. Я. Гражданин и закон / И. Я. Дюрягин. — М., 1989.
137. Завадская, Л. Н. Реализация прав граждан в условиях развитого социализма / Л. Н. Завадская. — М., 1983.
138. Завадская, Л. Н. Механизм реализации права / Л. Н. Завадская. — М. : Наука, 1992.
139. Защита прав личности в социалистическом гражданском процессе / под общ. ред. А. А. Мельникова. — М. : Наука, 1986.
140. Защита прав потерпевшего в уголовном процессе (сравнительное исследование) / отв. ред. А. М. Ларин. — М. : Наука, 1993.
141. Зыбин, С. Ф. Научные основы организационно-правовой работы с кадрами органов внутренних дел / С. Ф. Зыбин, А. В. Стремухов. — СПб. : Изд-во СПбЮИ МВД РФ, 1994.
142. Иеринг, Р. Цель в праве. Т. 1 / Р. Иеринг. — СПб., 1881.
143. Ильин, И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин. — М., 1993.
144. Институт прав человека в России / Г. Н. Комкова [и др.] ; под ред. Г. Н. Комковой. — Саратов, 1998.
145. Иоффе, О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / О. С. Иоффе. — Л., 1949.
146. Исаков, В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования / В. Б. Исаков. — Саратов, 1980.
147. Козюк, М. Н. Правовое равенство в механизме правового регулирования / М. Н. Козюк. — Волгоград, 1998.
148. Карташкин, В. А. Международная защита прав человека (Основные проблемы сотрудничества государств) / В. А. Карташкин. — М., 1976.
149. Карташкин, В. А. Права человека в международном и внутригосударственном праве / В. А. Карташкин. — М., 1995.
150. Карташов, В. Н. Применение права / В. Н. Карташов. — Ярославль : Изд-во ЯГУ, 1980.
151. Карташов, В. Н. Юридическая деятельность в социалистическом обществе / В. Н. Карташов. — Ярославль : Изд-во ЯГУ, 1987.
152. Керимов, Д. А. Философские проблемы права / Д. А. Керимов. — М., 1972.

153. Кечежян, С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С. Ф. Кечежян. — М., 1959.
154. Комаров, С. А. Личность в политической системе российского общества (политико-правовое исследование) / С. А. Комаров. — Самара, 1995.
155. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. — М. ; Ростов н/Д, 1996.
156. Конституция РФ: Комментарий Конституционного суда РФ, официальный текст, принятие и вступление в силу поправок к Конституции РФ. — 3-е изд., доп. и перераб. — М., 2000.
157. Красавчикова, Л. О. Личная жизнь граждан под охраной закона / Л. О. Красавчикова. — М. : Юридическая литература, 1983.
158. Кудрявцев, В. Н. Право и поведение / В. Н. Кудрявцев. — М. : Юридическая литература, 1978.
159. Кудрявцев, В. Н. Правовое поведение: Норма и патология / В. Н. Кудрявцев. — М. : Наука, 1982.
160. Куликов, Р. О международно-правовой ответственности за нарушение прав человека / Р. Куликов. — М. : Международные отношения, 1979.
161. Курбанов, Г. С. Юридическая природа и содержание института обстоятельств, устраняющих общественную опасность и противоправность деяния / Г. С. Курбанов. — Баку, 1988.
162. Курилов, В. И. Личность. Труд. Право / В. И. Курилов. — М., 1989.
163. Курицын, В. М. Развитие прав и свобод в Советском государстве / В. М. Курицын. — М. : Наука, 1993.
164. Кучинский, В. А. Личность, свобода, право / В. А. Кучинский. — М. : Юридическая литература, 1978.
165. Лаптев, В. В. Предмет и система хозяйственного права / В. В. Лаптев. — М., 1969.
166. Локк, Д. Избранные философские произведения. В 3 т. Т. 2 / Д. Локк. — М., 1960.
167. Лукашева, Е. А. Социалистическое правосознание и законность / Е. А. Лукашева. М. : Юридическая литература, 1973.
168. Лукашева, Е. А. Право, мораль, личность / Е. А. Лукашева. — М. : Наука, 1986.
169. Ляхов, Ю. А. Новая уголовно-процессуальная политика / Ю. А. Ляхов. — Ростов н/Д, 1992.
170. Малеина, М. Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан / М. Н. Малеина. — М., 1991.
171. Мартынович, Е. Г. Гарантии прав обвиняемого в суде первой инстанции / Е. Г. Мартынович. — Кишинев, 1975.
172. Материалистическая диалектика. В 6 т. Т. 1. Объективная диалектика. — М., 1981.

173. Матузов, Н. И. Личность. Права. Демократия: Теоретические проблемы субъективного права / Н. И. Матузов. — Саратов : Изд-во СГУ, 1987.
174. Матузов, Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. — Саратов : Изд-во СГУ, 1987.
175. Миронов, О. О. Конституционное регулирование в развитом социалистическом обществе / О. О. Миронов. — Саратов, 1982.
176. Мицкевич, А. В. Субъекты советского права / А. В. Мицкевич. — М., 1962.
177. Мордовец, А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / А. С. Мордовец ; под ред. Н. И. Матузова. — Саратов, 1996.
178. Морозова, Л. А. Конституционное регулирование в СССР / Л. А. Морозова. — М., 1985.
179. Назаров, Б. Л. Социалистическое право в системе социальных связей / Б. Л. Назаров. — М., 1976.
180. Нижечек, В. И. Советское право в системе нормативного регулирования социалистических общественных отношений / В. И. Нижечек. — Иркутск, 1973.
181. Новгородцев, П. И. История философии права / П. И. Новгородцев. — М., 1897.
182. Нормы советского права: Проблемы теории / под ред. М. И. Байтина, В. К. Бабаева. — Саратов, 1987.
183. Обзор роли и деятельности неправительственных правозащитных организаций : пер. с англ. — М., 1995.
184. Ольков, С. Г. Уголовно-процессуальные правонарушения в российском судопроизводстве и общая теория социального поведения / С. Г. Ольков. — Тюмень, 1993.
185. Орзих, М. Ф. Личность и право. Вопросы теории правового воздействия на личность социалистического общества / М. Ф. Орзих. — Киев ; Одесса, 1978.
186. Осипов, Ю. К. Подведомственность юридических дел / Ю. К. Осипов. — Свердловск, 1973.
187. Основин, В. С. Советские государственно-правовые отношения / В. С. Основин. — М., 1965.
188. Островский, Я. А. ООН и права человека / Я. А. Островский. — М., 1968.
189. Петрухин, И. Л. Теоретические проблемы правосудия / И. Л. Петрухин, Г. П. Батуров, Т. Г. Морщакова. — М., 1979.
190. Петрухин, И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение / И. Л. Петрухин. — М. : Наука, 1985.
191. Права человека в истории человечества и в современном мире / ред. кол. Е. В. Аграновская, О. А. Лапиль, Е. А. Лукашева. — М. : Изд-во ИГП АН СССР, 1989.

192. Процевский, А. И. Метод правового регулирования трудовых отношений / А. И. Процевский. — М., 1972.
193. Рабинович, П. М. Социалистическое право как ценность / П. М. Рабинович. — Львов, 1985.
194. Ростовщиков, И. В. Обеспечение прав и свобод личности в СССР: Вопросы теории / И. В. Ростовщиков. — Саратов : Изд-во СГУ, 1988.
195. Ростовщиков, И. В. Право личности в России: Их обеспечение и защита органами внутренних дел / И. В. Ростовщиков. — Волгоград : Изд-во ВЮИ МВД РФ, 1997.
196. Рудинский, Ф. М. Личные права и свободы граждан СССР / Ф. М. Рудинский. — М., 1980.
197. Рудинский, Ф. М. Социалистическая демократия и личные права / Ф. М. Рудинский. — М. : Юридическая литература, 1984.
198. Сальников, В. П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел / В. П. Сальников. — Л. : Изд-во ВПУ МВД СССР, 1988.
199. Сальников, В. П. Социалистическая правовая культура: Методологические проблемы / В. П. Сальников ; под ред. Н. И. Матузова. — Саратов : Изд-во СГУ, 1989.
200. Сергеев, Л. П. Право на защиту репутации / Л. П. Сергеев. — Л., 1989.
201. Смирнов, В. Г. Функции советского уголовного права / В. Г. Смирнов. — Л., 1965.
202. Соловьев, Э. Ю. И. Кант: взаимодополнительность морали и права / Э. Ю. Соловьев. — М., 1992.
203. Сорокин, В. Д. Метод правового регулирования. Теоретические проблемы / В. Д. Сорокин. — М. : Юридическая литература, 1976.
204. Стоякин, Г. Я. Меры защиты в советском гражданском праве / Г. Я. Стоякин. — Свердловск, 1973.
205. Стремоухов, А. В. Правовая защита человека: Теоретические проблемы / А. В. Стремоухов. — СПб., 2001.
206. Строгович, М. С. Основные вопросы советской социалистической законности / М. С. Строгович. — М., 1966.
207. Стучка, П. И. Революционная роль советского права / П. И. Стучка. — М., 1931.
208. Ткаченко, Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений / Ю. Г. Ткаченко. — М. : Юридическая литература, 1980.
209. Толкачев, К. Б. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан / К. Б. Толкачев, А. Г. Хабибулин. — Уфа : Изд-во УВШ МВД СССР, 1991.
210. Толстой, Ю. К. К теории правоотношения / Ю. К. Толстой. — Л., 1959.
211. Халфина, Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. — М. : Юридическая литература, 1974.

212. Чхиквадзе, В. М. Социалистический гуманизм и права человека. Ленинские идеи и современность / В. М. Чхиквадзе. – М., 1978.
213. Шадрин, В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений / В. С. Шадрин. – Волгоград, 1997.
214. Шайкенов, Н. А. Правовое обеспечение интересов личности / Н. А. Шайкенов. Свердловск : Изд-во УГУ, 1990.
215. Шейндлин, Б. В. Сущность советского социалистического права / Б. В. Шейндлин. – Л., 1959.
216. Шершиневич, Г. Ф. История философии права / Г. Ф. Шершиневич. – СПб., 1907.
217. Эбзеев, В. С. Конституция. Демократия. Права человека / В. С. Эбзеев. – М. ; Черкесск : Юридическая литература, 1992.
218. Явич, Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений / Л. С. Явич. – М., 1961.
219. Явич, Л. С. Право и общественные отношения / Л. С. Явич. – М., 1971.
220. Явич, Л. С. Общая теория права / Л. С. Явич ; под ред. А. И. Королева. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1976.
221. Явич, Л. С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса развития и функционирования юридической формы общественных отношений / Л. С. Явич. – Л., 1985.
222. Яковлев, В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В. Ф. Яковлев. – Свердловск, 1972.

2.2. УЧЕБНИКИ

223. Алексеев, Л. В. Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации : практ. пособие / Л. В. Алексеев, В. М. Жуйков, И. И. Лукашук ; под ред. В. М. Жуйкова. – М., 1996.
224. Алексеев, С. С. Общая теория социалистического права / С. С. Алексеев. – Вып. I. – Свердловск, 1963.
225. Алексеев, С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1 / С. С. Алексеев. – М. : Юридическая литература, 1981.
226. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – М. : Изд-во «БЕК», 1993.
227. Алехин, А. П. Административное право Российской Федерации : учебник / А. П. Алехин, А. А. Кармолицкий, Ю. М. Козлов. – М., 1998.
228. Атаманчук, Г. В. Теория государственного управления : курс лекций / Г. В. Атаманчук. – М., 1997.
229. Введение в философию : учебник для вузов. В 2 ч. Ч. 2 / И. Т. Фролов [и др.]. – М., 1989.

230. Галиакбаров, Р. Р. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Конспекты лекций и иные материалы / Р. Р. Галиакбаров. – Краснодар, 1999.
231. Громов, Н. А. Уголовный процесс России : учеб. пособие / Н. А. Громов. – М., 1994.
232. Карташкин, В. А. Права человека и вооруженные конфликты : учебник для высш. военных учеб. заведений / В. А. Карташкин. – М., 2001.
233. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – СПб., 1898.
234. Коркунов, Н. М. История философии права / Н. М. Коркунов. – СПб., 1908.
235. Лазарев, Б. Административная ответственность / Б. Лазарев. – М., 1985.
236. Лукашук, И. И. Нормы международного права в правовой системе России : учеб.-практ. пособие / И. И. Лукашук. – М., 1997.
237. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. В 4 т. Т. 4. – М., 1973.
238. Нерсесянц, В. С. Философия права : учебник для вузов / В. С. Нерсесянц. – М., 1997.
239. Общая теория советского права. – М., 1966.
240. Общая теория прав человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. – М., 1996.
241. Права человека : учебник для вузов / отв. ред. Е. А. Лукашева. – М., 1999.
242. Проблемы общей теории права и государства : учебник / под ред. В. С. Нерсесянца. – М., 1999.
243. Радько, Т. Н. Основные функции социалистического права : учеб. пособие / Т. Н. Радько. – Волгоград, 1970.
244. Рассказов, Л. П. Естественные права человека : учеб. пособие / Л. П. Рассказов, И. В. Упоров. – СПб., 2001.
245. Ростовщиков, И. В. Реализация прав личности и деятельность органов внутренних дел : учеб. пособие / И. В. Ростовщиков. – Волгоград, 1996.
246. Рудинский, Ф. М. Личность и социалистическая законность : учеб. пособие / Ф. М. Рудинский. – Волгоград, 1976.
247. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1997.
248. Теория государства и права : учебник для юрид. вузов и фак. / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. – М., 1997.
249. Теория права и государства / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. – М., 1997.
250. Уголовно-процессуальное право : учебник / под ред. П. А. Лупинской. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1997.

251. Фаткулин, Ф. Н. Проблемы теории государства и права : курс лекций / Ф. Фаткулин. — Казань, 1987.

252. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права : курс лекций / А. Ф. Черданцев. — Екатеринбург, 1997.

2.3. СТАТЬИ

253. Адамишин, А. Л. К пятилетию вступления России в Совет Европы. Проблемы прав человека в СССР и России / А. Л. Адамишин // Россия и Совет Европы: 5 лет вместе. Международная конференция. Москва, 15–17 мая 2002 г. / под ред. К. Х. Каландарова. — М., 2002.

254. Анисимов, П. В. Значение теории прав человека в правовой реформе России / П. В. Анисимов // Права человека в России: проблемы гарантий на современном этапе. — Волгоград, 1999.

255. Анисимов, П. В. Проблема правопонимания в теории права и прав человека / П. В. Анисимов // Пути развития юридической науки и образования в XXI веке. — Волгоград, 2001.

256. Ардашкин, В. Д. К теории правоохранительного механизма / В. Д. Ардашкин // Правоведение. — 1988. — № 1.

257. Ардашкин, В. Д. Меры защиты как общеправовая научная категория / В. Д. Ардашкин // Актуальные проблемы теории социалистического государства. — М., 1977.

259. Астрахань, А. А. Юридические гарантии и пределы осуществления конституционных прав и свобод граждан / А. А. Астрахань // Правоведение. — 1986. — № 6.

260. Бабаев, В. К. Правовые отношения / В. К. Бабаев // Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. — Н. Новгород : Изд-во НВШМ МВД РФ, 1993.

261. Байтин, М. И. О повышении эффективности правового регулирования в социалистическом общенародном государстве / М. И. Байтин // Вопросы теории государства и права. — Вып. 1. — Саратов, 1968.

262. Байтин, М. И. Современное нормативное понимание права: понятие, основные признаки, определение / М. И. Байтин // Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — М., 1997.

263. Баранов, П. П. Правосознание и правовое воспитание / П. П. Баранов // Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. — Н. Новгород : Изд-во НВШМ МВД РФ, 1993.

264. Бахин, С. В. О классификации прав человека, провозглашенных в международных соглашениях / С. В. Бахин // Правоведение. — 1991. — № 2.

265. Беседа главного редактора журнала «Государство и право» А. И. Ковлера с уполномоченным по правам человека РФ, доктором

юридических наук, профессором О. О. Мироновым // Государство и право. — 2000. — № 2.

266. Братко, А. Г. Правоохранительная деятельность и применение права / А. Г. Братко // Проблемы обеспечения законности в механизме правоприменения : тез. докл. — Волгоград, 1991.

267. Ванеева, Л. А. Понятие юридической обязанности по гражданскому процессуальному праву / Л. А. Ванеева // Правоведение. — 1984. — № 4.

268. Венгеров, А. Конституционные принципы охраны личной жизни советских граждан / А. Венгеров // Советская юстиция. — 1979. — № 1.

269. Визер, Б. Защита прав человека в Австрии / Б. Визер // Государство и право. — 1993. — № 1.

270. Вильнянский, С. И. К вопросу о системе советского права / С. И. Вильнянский // Советское государство и право. — 1957. — № 1.

271. Витрук, Н. В. Процессуальные формы реализации и охраны прав и обязанностей граждан / Н. В. Витрук // Юридическая процессуальная форма: Теория и практика / под общ. ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. — М., 1976.

272. Витрук, Н. В. Социально-правовой механизм реализации конституционных прав и свобод граждан / Н. В. Витрук // Конституционный статус личности в СССР. — М., 1980.

273. Витрук, Н. В. Юридический механизм реализации прав личности / Н. В. Витрук // Реализация прав граждан в условиях развитого социализма. — М., 1983.

274. Витрук, Н. В. Законность: понятие, защита и обеспечение / Н. В. Витрук // Общая теория права : курс лекций. — Н. Новгород, 1993.

275. Витрук, Н. В. Развитие теории юридической ответственности в решениях Конституционного суда РФ: Проблемы правовой ответственности государства и его органов и служащих: Круглый стол журнала «Государство и право» / Н. В. Витрук // Государство и право. — 2000. — № 3.

276. Витушко, В. А. Комплексный индивидуальный метод в гражданском праве и правоприменительной практике / В. А. Витушко // Государство и право. — 2000. — № 9.

277. Генкин, Д. Предмет советского гражданского права / Д. Генкин // Советское государство и право. — 1939. — № 4.

278. Генкин, Д. Предмет и система советского трудового права / Д. Генкин // Советское государство и право. — 1940. — № 2.

279. Глухарева, Л. И. Права человека: Предмет учебного курса Л. И. Глухарева // Право и права человека : сб. науч. тр. юрид. фак. МПГУ. Кн. 1 / отв. ред. Л. И. Глухарева. — М., 1998.

280. Глухарева, Л. И. Типология прав человека / Л. И. Глухарева // Право и права человека : сб. науч. тр. юрид. фак. МПГУ. Кн. 4 / под ред. Д. А. Ростиславлева. — М., 2001.

281. Голунский, С. А. О творческой революционной роли социалистического права в период развернутого строительства коммунизма / С. А. Голунский // Советское государство и право. – 1961. – № 10.

282. Горшенев, В. М. Понятие метода правового регулирования и его разновидности / В. М. Горшенев // Ученые труды Свердловского юридического института. – Вып. 5. – Свердловск, 1966.

283. Гревцов, Ю. И. Правовые отношения / Ю. И. Гревцов // Общая теория государства и права: Академический курс в 2 томах. Т. 2 / под ред. М. Н. Марченко. – М., 1998.

284. Грибанов, В. П. Гражданско-правовая охрана имущественных и личных прав советских граждан / В. П. Грибанов // Советское государство и право. – 1974. – № 12.

285. Гушин, И. В. Метод нормативного регулирования права социального обеспечения / И. В. Гушин // Советское государство и право. – 1978. – № 10.

286. Дакель, П. С. Диалектика правового регулирования общественных отношений / П. С. Дакель // Правоведение. – 1971. – № 1.

287. Егоров, Н. Д. Гражданское правоотношение / Н. Д. Егоров // Гражданское право: учебник. В 2 ч. Ч. I. – 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М., 1998.

288. Есипова, И. А. О правовой защите граждан от бездействия власти / И. А. Есипова // Общество. Право. Власть: межвуз. сб. науч. тр. Ч. 1: Современные проблемы правовой реформы. – Волгоград, 1997.

289. Загородников, Н. И. Защита личности и прав граждан – задача советского уголовного права / Н. И. Загородников // Охрана прав личности в социалистическом обществе: тр. ВШМ МВД СССР. – Вып. I. – М., 1977.

290. Заднепровская, М. В. О праве на защиту при осуществлении юридической ответственности / М. В. Заднепровская // Права человека в России: проблемы гарантий на современном этапе: материалы межвуз. конф. / отв. ред. П. В. Анисимов. – Волгоград, 1999.

291. Иванов, О. В. Защита гражданских прав как правовой институт и как научная проблема / О. В. Иванов // Вопросы советского государства и права: тр. Иркутск. ун-та. Сер. «Юридическая», т. XLV, вып. 8, ч. 3. – Иркутск, 1967.

292. Ильин, И. А. Поняли права и силы / И. А. Ильин // Философия права. Нравственная философия. Т. I. – М., 1993.

293. Калинина, Т. М. Правозащитная система: опыт зарубежных стран и технико-юридические стандарты международного права / Т. М. Калинина // Законотворческая техника современной России: Состояние, проблемы, совершенствование. В 2 т. Т. 2 / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2001.

294. Калинина, Т. М. К вопросу о законодательной дефиниции понятия «правозащитная система» / Т. М. Калинина // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. В 2 т. Т. 1 / под ред. В. М. Баранова. — Н. Новгород, 2001.

295. Карташкин, В. А. Всеобщая декларация и права человека в современном мире (К 40-й годовщине принятия Всеобщей декларации прав человека) / В. А. Карташкин // Советский ежегодник международного права. 1988. — М., 1989.

296. Карташкин, В. А. Вступительная статья / В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева // Международные акты о правах человека : сб. док. — М., 2000.

297. Клейн, Н. И. Возникновение гражданских прав и обязанностей, осуществление и защита гражданских прав / Н. И. Клейн // Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / отв. ред. О. Н. Садилов. — М., 1995.

298. Козлов, Ю. М. Управление, государственное управление, исполнительная власть / Ю. М. Козлов // Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации : учебник. — М., 1998.

299. Колобова, С. Как защитить трудовые права? / С. Колобова // Российская юстиция. — 2000. — № 10.

300. Колосов, В. Человек должен иметь право защитить себя / В. Колосов // Российская Федерация. — 1994. — № 18.

301. Комаров, С. А. Система права / С. А. Комаров // Общая теория государства и права: Академический курс в 2 томах. Т. 2. Теория права / под ред. М. Н. Марченко. — М., 1998.

302. Комкова, Г. Н. Конституционные принципы правового статуса личности в Российской Федерации / Г. Н. Комкова // Институт прав человека в России / Г. Н. Комкова [и др.] ; под ред. Г. Н. Комковой. — Саратов, 1998.

303. Круглый стол: Конституция Российской Федерации и совершенствование юридических механизмов защиты прав человека // Государство и право. — 1994. — № 10.

304. Крупеня, Е. М. Права человека в законодательстве и практике Российской Федерации / Е. М. Крупеня // Право и права человека : сб. науч. тр. юрид. фак. МПГУ. Кн. 1 / отв. ред. Л. И. Глухарева. — М., 1998.

305. Кулапов, В. Л. Рекомендательная норма и рекомендательный метод правового регулирования социалистических общественных отношений: взаимосвязь и соотношение / В. Л. Кулапов // Вопросы теории государства и права : межвуз. науч. сб. — Вып. 7: Актуальные проблемы социалистического государства и права, законности и правопорядка. — Саратов, 1986.

306. Лазарев, В. В. Влияние закономерностей правомерного поведения / В. В. Лазарев // Советское государство и право. — 1983. — № 11.
307. Лазарев, В. В. Современные подходы к пониманию права и их значение для юридической практики / В. В. Лазарев // Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. — 2-е изд. — М., 1996.
308. Лазарев, В. В. Запрет и дозволение как технико-юридические способы формулирования правовой нормы / В. В. Лазарев // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. — Н. Новгород, 2000.
309. Ледях, И. А. Механизм защиты прав и свобод граждан / И. А. Ледях, О. В. Воробьев, Н. С. Колесова // Права человека: проблемы и перспективы. М., 1990.
310. Ледях, И. А. Опыт функционирования механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина в зарубежных государствах / И. А. Ледях // Общая теория прав человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. — М., 1996.
311. Леушин, В. И. Понятие, сущность и социальная ценность права / В. И. Леушин, В. Д. Перевалов // Теория государства и права : учебник для юрид. вузов и фак. — М., 1997.
312. Малько, А. В. Законный интерес как правовая категория / А. В. Малько // Вопросы теории государства и права : межвуз. науч. сб. — Вып. 7: Актуальные проблемы социалистического государства и права, законности и правопорядка. — Саратов, 1986.
313. Малько, А. В. Механизм правового регулирования / А. В. Малько // Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — М., 1997.
314. Марогулова, И. Л. Юридическая природа поощрительных уголовно-правовых норм / И. Л. Марогулова // Правоведение. — 1992. — № 4.
315. Матузов, Н. И. Общие правоотношения и их специфика / Н. И. Матузов // Правоведение. — 1976. — № 3.
316. Матузов, Н. И. Юридические обязанности и ответственность как элемент правового статуса личности / Н. И. Матузов // Конституция СССР и правовое притяжение личности. — М., 1979.
317. Матузов, Н. И. Право в системе социальных норм / Н. И. Матузов // Общая теория права : курс лекций / под ред. В. К. Бабаева. — Н. Новгород, 1993.
318. Матузов, Н. И. Права человека и общерегулятивные правоотношения / Н. И. Матузов // Правоведение. — 1996. — № 3.
319. Матузов, Н. И. Правовые отношения / Н. И. Матузов // Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — М., 1997.
320. Матузов, Н. И. Право и личность / Н. И. Матузов // Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — М., 1997.

321. Матузов, Н. И. Правовое стимулирование в условиях становления рыночных отношений / Н. И. Матузов, А. В. Малько // Государство и право. — 1995. — № 4.

322. Международные нормы и стандарты в области прав человека: Учебный курс ООН // Советский журнал международного права. — 1991. — № 2.

323. Мелешников, А. В. Международно-правовая культура прав человека и проблема развития российской государственности / А. В. Мелешников // Московский журнал международного права. — 1996. — № 2.

324. Миколенко, Я. Предмет и система советского социалистического гражданского права / Я. Миколенко, С. Братусь // Советская юстиция. — 1938. — № 16.

325. Миронов, О. О. Методы конституционного регулирования / О. О. Миронов // Правоведение. — 1980. — № 2.

326. Моррисон, Э. Б. Ответственность государства: Когда можно возбуждать иски против правительства и государственных органов / Э. Б. Моррисон // Московская конференция «Право и экономическое сотрудничество»: Тезисы выступлений советских и американских докладчиков. — М., 1990.

327. Николаева, Л. А. Рассмотрение трудовых споров как форма защиты трудовых прав граждан / Л. А. Николаева // Советское государство и право. — 1973. — № 8.

328. Осипов, А. В. Соотношение методов правового регулирования и реализации социалистического права / А. В. Осипов // Актуальные вопросы советской юридической науки. Ч. 1. — Саратов, 1978.

329. Охранительный механизм в правовой системе социализма: межвуз. сб. / под ред. Н. В. Витрука. — Красноярск, 1989.

330. Петрухин, И. Л. Уголовно-процессуальная ответственность / И. Л. Петрухин // Правоведение. — 1984. — № 3.

331. Пешков, А. Б. О методе правового регулирования / А. Б. Пешков // Правоведение. — 1971. — № 2.

332. Пиголкин, А. С. Правоотношение — индивидуализированная правовая связь / А. С. Пиголкин, В. А. Кучинский // Тр. ВНИИСЗ. — Вып. 7. — М., 1976.

333. Попов, С. И. Проблема происхождения и функционирования понятия ценностей в социологии / С. И. Попов // Социологические исследования. — 1979. — № 3.

334. Права человека и статус правоохранительных органов: Материалы симпозиума в Санкт-Петербургском юридическом институте МВД России // Государство и право. — 1994. — № 12.

335. Права человека и деятельность органов внутренних дел. — Саратов, 1994.

336. Права человека: Изложение фактов. № 1: Механизм в области прав человека. — Женева: Центр по правам человека при отделении ООН в Женеве, 1990.

337. Права человека: Изложение фактов. № 2: Международный билль о правах человека. — Женева: Центр по правам человека при отделении ООН в Женеве, 1991.

338. Права человека и межнациональные отношения. — М.: Изд-во АГП РАН, 1994.

339. Права человека: Проблемы и перспективы. — М.: Изд-во АГП АН СССР, 1990.

340. Право Совета Европы и Россия: сб. док. и материалов. — 2-е изд., доп. — Краснодар, 1996.

341. Проблемы обеспечения органами внутренних дел прав и ответственности граждан России в современных условиях. — М., 1994.

342. Рабинович, П. М. Сферы и пределы правового регулирования: понятие, виды, факторы развития / П. М. Рабинович // XXVII съезд КПСС и развитие теории государства и права: межвуз. сб. науч. тр. — Свердловск, 1987.

343. Радько, Т. Н. Социальное назначение права и юридическая ответственность (некоторые аспекты взаимосвязи) / Т. Н. Радько // Проблемы юридической ответственности и исполнения наказания в свете Конституции СССР. — Рязань, 1981.

344. Радько, Т. Н. Функции права / Т. Н. Радько // Общая теория государства и права: Академический курс. В 2 т. Т. 2 / под ред. М. Н. Марченко. — М., 1998.

345. Радько, Т. Н. Функции права / Т. Н. Радько // Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород: НВШМ МВД РФ, 1993.

346. Романовский, Г. В. Способы нормативного закрепления естественных прав человека / Г. В. Романовский // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. В 2 т. Т. 1. — Н. Новгород, 2001.

347. Рудинский, Ф. М. Личные права и свободы граждан СССР / Ф. М. Рудинский // Конституционный статус личности в СССР. — М.: Юридическая литература, 1980.

348. Рудинский, Ф. М. Универсальная концепция прав человека и современная Россия / Ф. М. Рудинский // Право и права человека: сб. науч. тр. юрид. фак. МПГУ. Кн. 1 / отв. ред. Л. И. Глухарева. — М., 1998.

349. Рудинский, Ф. М. Понятие и содержание прав человека / Ф. М. Рудинский // Право и жизнь. Независимый научно-популярный журнал. — 2000. — № 27.

350. Рудинский, Ф. М. Права человека в современном мире (марксистская оценка) / Ф. М. Рудинский // Право и жизнь. Независимый научно-популярный журнал. — 2000. — № 25.

351. Рудинский, Ф. М. Гражданские права человека. (Общетеоретические вопросы) / Ф. М. Рудинский // Право и права человека : сб. науч. тр. юрид. фак. МПГУ. Кн. 4 / под ред. Д. А. Ростиславлева. М., 2001.

352. Сабикенов, С. Некоторые вопросы охраны субъективных прав и законных интересов советских граждан / С. Сабикенов // Проблемы государства и права на современном этапе : тр. науч. сотрудников и аспирантов. — Вып. 6. — М., 1973.

353. Сабикенов, С. Некоторые вопросы защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов советских граждан / С. Сабикенов // Проблемы государства и права : тр. науч. сотрудников и аспирантов. — Вып. 9. — М., 1974.

354. Савицкий, В. М. Прошу у суда защиты / В. М. Савицкий // Защита прав человека в современном мире. — М., 1993.

355. Сальников, В. П. Правовая культура / В. П. Сальников // Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. — Н. Новгород, 1993.

356. Сальников, В. П. Международное право и российское законодательство в области защиты прав человека / В. П. Сальников // Права человека и правоохранительная деятельность : тез. докл. и сообщ. / редкол. В. П. Смагоринский (отв. ред.) [и др.]. — Волгоград : ВЮИ МВД России, 1995.

357. Самощенко, И. С. О нормативно-правовых средствах регулирования поведения людей / И. С. Самощенко // Правоведение. — 1967. — № 1.

358. Свердлык, Г. А. Понятие и юридическая природа самозащиты гражданских прав / Г. А. Свердлык, Э. Л. Строунинг // Государство и право. — 1998. — № 5.

359. Сергеев, А. П. Защита гражданских прав / А. П. Сергеев // Гражданское право / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. — СПб., 1996.

360. Сергун, П. П. Соотношение охраны и защиты прав и свобод граждан при применении мер административного принуждения / П. П. Сергун // Укрепление социалистической законности в деятельности органов внутренних дел. — М, 1987.

361. Синельщиков, Ю. Охрана прав граждан — направление приоритетное / Ю. Синельщиков // Социальная законность. — 1989. — № 9.

362. Синюкова, Т. В. Юридические гарантии как метод регулирования правового положения личности / Т. В. Синюкова // Вопросы теории государства и права : межвуз. сб. науч. работ. — Вып. 9. — Саратов, 1991.

363. Строгович, М. С. Вопросы теории правоотношений / М. С. Строгович // Советское государство и право. — 1964. — № 6.

364. Строгович, М. С. Природа советского уголовно-процессуального права и его характерные черты / М. С. Строгович // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. — М., 1979.

365. Толстой, Ю. К. Правоотношение / Ю. К. Толстой // Общая теория государства и права. Т. 2. — Л., 1974.

366. Усенко, М. И. Гражданско-правовая защита прав и свобод советских граждан / М. И. Усенко // Советский закон и гражданин: Юридический справочник. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. В. М. Бабия. — Киев, 1980.

367. Фарбер, И. Е. Конституционное обеспечение прав советского человека / И. Е. Фарбер // Конституция СССР и правовое положение личности. — М., 1979.

368. Хохлов, Е. Б. Субъективное трудовое право в системе права / Е. Б. Хохлов // Правоведение. — 1996. — № 2.

369. Чхиквадзе, В. М. Всеобщая декларация прав человека и ее историческое значение (К 40-летию принятия) / В. М. Чхиквадзе // Советское государство и право. — 1988. — № 12.

370. Шабуров, А. С. Законность и правопорядок / А. С. Шабуров // Теория государства и права : учебник для юрид. вузов и фак. / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. — М., 1997.

371. Шаламов, М. П. Проблема социальной ценности и эффективности уголовно-процессуального права в свете решений XXV съезда КПСС / М. П. Шаламов // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. — М., 1977.

372. Шаргородский, М. Д. О системе советского права / М. Д. Шаргородский, О. С. Иоффе // Советское государство и право. — 1957. — № 6.

373. Эбзеев, Б. С. Толкование Конституции Конституционным судом Российской Федерации / Б. С. Эбзеев // Право и права человека : сб. науч. тр. юрид. фак. МПГУ. Кн. 1 / отв. ред. Л. И. Глухарева. — М., 1998.

374. Юридическая защита прав человека : сб. материалов семинара Московской Хельсинской группы «Права человека» (Москва, февраль 1993 г.) / под ред. Л. И. Богораз. — Вып. 6. — М., 1994.

375. Яковлев, В. Ф. Объективное и субъективное в методе правового регулирования / В. Ф. Яковлев // Правоведение. — 1970. — № 6.

376. Якушев, В. С. О понятии правового института / В. С. Якушев // Правоведение. — 1970. — № 6.

3. АВТОРЕФЕРАТЫ И ДИССЕРТАЦИИ

377. Анферов, А. А. Права человека (гражданина) и юридическая ответственность (теоретические вопросы единства и взаимосвязи) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Анферов. — Волгоград, 2001.

378. Болгова, В. В. Формы защиты субъективного права: теоретические проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Болгова. – Уфа, 2000.

379. Василенко, О. Н. Проблемы онтологии и эволюции правосудия и форм права : дис. ... канд. юрид. наук / О. Н. Василенко. – Ростов н/Д, 2000.

380. Илларионова, Т. И. Система гражданско-правовых охранительных мер : дис. ... д-ра юрид. наук / Т. И. Илларионова. – Свердловск, 1985.

381. Казулин, А. И. Правовое принуждение (правовые начала государственного принуждения в советском обществе) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. И. Казулин. – Свердловск, 1986.

382. Киселева, О. М. Поощрительный метод правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. М. Киселева. – Саратов, 2000.

383. Кожевников, С. Н. Меры защиты в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Н. Кожевников. – Свердловск, 1968.

384. Кожеуров, Я. С. Проблема международной правосубъектности индивидов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Я. С. Кожеуров. – М., 2002.

385. Козюк, М. Н. Правовое равенство: (вопросы теории) : дис. ... канд. юрид. наук / М. Н. Козюк. – СПб. : СПбЮИ МВД РФ, 1996.

386. Малахов, В. П. Природа, содержание и логика правосознания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. П. Малахов. – М., 2001.

387. Маштаков, К. М. Теоретические вопросы разграничения публичного и частного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К. М. Маштаков. – Волгоград, 2001.

388. Попов, В. И. Правопонимание в советской юридической науке : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. И. Попов. – М., 2001.

389. Привезенцев, Н. И. Законность и правопорядок в условиях формирования гражданского общества и правового государства в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. И. Привезенцев. – СПб., 1997.

390. Рожовская, В. Проблемы защиты в советском семейном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. Рожовская. – Хабаровск, 1987.

391. Сальников, В. П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект : дис. ... д-ра юрид. наук / В. П. Сальников. – Л., 1990.

392. Селиванова, О. Ю. Субъективное право: сущность, структура, ценность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. Ю. Селиванова. – Н. Новгород, 2001.

393. Серегина, В. В. Сущность и формы государственного принуждения по советскому праву (общетеоретические проблемы) : дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Серегина. – Воронеж, 1987.

394. Стремоухов, А. В. Правовая защита человека: Теоретический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Стремоухов. – СПб., 1996.

395. Султыгов, М. М. Запрет как метод правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. М. Султыгов. — СПб., 1996.

396. Тихонова, В. Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. Ю. Тихонова. — М., 1972.

397. Тутинас, Е. В. Обеспечение и защита прав личности в условиях межнационального конфликта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Тутинас. — Волгоград, 1999.

398. Федоров, В. П. Человек и правоохранительная деятельность (философско-правовой аспект) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. П. Федоров. — СПб., 1996.

399. Шубина, Т. Б. Теоретические проблемы защиты права : дис. ... канд. юрид. наук / Т. Б. Шубина. — Самара, 1997.

4. СЛОВАРИ

400. Большой иллюстрированный энциклопедический словарь // Большой иллюстрированный энциклопедический словарь (CD ROM).

401. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1 / В. Даль. — М., 1989.

402. Толковый словарь русского языка / под ред. В. М. Волина, Д. Н. Ушакова. — М., 1939.

403. Философский энциклопедический словарь. — М., 1983.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

Раздел 1

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Глава 1. Методологические основы исследования правового регулирования защиты прав человека	7
§ 1. Правозащитное направление в отечественных исследованиях прав человека	7
§ 2. ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ. Сущность защиты прав человека	12
Глава 2. Юридическая природа, источники и регулятивная ценность института защиты прав человека	33
§ 1. Юридическая природа и источники защиты прав человека .	33
§ 2. Регулятивная ценность института защиты прав человека ..	51

Раздел 2

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ ПРАВАЗАЩИТЕЛЬНОГО МЕТОДА РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глава 1. Специфика и сущность правозащитного метода регулирования общественных отношений	63
--	----

§ 1. Учение о методе правового регулирования	63
§ 2. Проблема обусловленности правозащитного метода и его дефиниция	84
§ 3. Сущность правозащитного метода регулирования общественных отношений	105
Глава 2. Предмет регулирования и особенности действия правозащитного метода	113
§ 1. Предмет регулирования правозащитного метода	113
§ 2. Особенности действия правозащитного метода регулирования	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	170
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	174
1. Нормативные акты и официальные документы	174
1.1. Международно-правовые акты	174
1.2. Законы Российской Федерации	177
1.3. Постановления	178
2. Книги	180
2.1. Монографии. Комментарии	180
2.2. Учения	187
2.3. Статьи	189
3. Авторефераты и диссертации	197
4. Словари	199

Научное издание

Анисимов Павел Викторович
Лазарев Валерий Михайлович

**МЕТОД
ПРАВООЩИТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редакторы: *О.Н. Лысенко, Н.А. Стародубцева*
Технический редактор *М.Н. Растёгина*
Художник *Н.Н. Захарова*

Подписано в печать 18.01 2005 г. Формат 60S84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 11,7.
Уч.-изд. л. 12,6. Тираж 100 экз. Заказ . «С» 20.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Удалишь!!!

Удалишь!!!